

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 45

Нижний Новгород

2019

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
НГЛУ*

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 45. – Н. Новгород: НГЛУ, 2019. – 166 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

М.А. Викулина (*зам. главного редактора*),
А.Ю. Курмелев (*отв. секретарь*), М.А. Ариян, О.В. Байкова (Киров),
К.Э. Безукладников (Пермь), М.К. Бронич, Н.К. Гарбовский (Москва),
Н.А. Голубева, М.А. Грачев, А.В. Иванов, В.И. Карасик (Волгоград),
С.Б. Королева, Л.П. Крысин (Москва), И.В. Леушина, Н.В. Макшанцева,
М.И. Никола (Москва), Ж.В. Никонова, О.А. Обдалова (Томск),
О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, Л.В. Рацибурская, Т.Н. Синеокова,
В.В. Сдобников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар
(Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2019

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 45

Nizhny Novgorod

2019

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 45. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University,
2019. – 166 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

M. Vikulina (*Deputy Editor-in-Chief*), A. Kurmelev (*Executive Secretary*),
M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich,
N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, A. Ivanov,
V. Karasik (Volgograd), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina,
N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), Zh. Nikonova, O. Obdalova (Tomsk),
O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France),
U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

- О.В. Афанасьева** (*Мурманск*)
Культурно-коннотированные словосочетания в словарях разных типов 9
- Ю.Н. Зинцова** (*Нижний Новгород*)
Особенности лексики с компонентом положительной оценки человека в современном немецком языке 19
- К.В. Колесова** (*Нижний Новгород*)
Особенности коннотативных значений номинативных единиц, обозначающих этносы Великобритании 28
- В.И. Курышева, Н.Н. Лисенкова** (*Нижний Новгород*)
Концепт «природа» как маркер региональной идентичности в романе Т. Харди «Под деревом зеленым» 36
- Т.М. Наумова, Т.В. Сухарева** (*Нижний Новгород*)
О специфике апеллятивов, обращенных к смешанным гендерным группам (на материале американского варианта английского языка) 48
- Т.Г. Попова, Е.В. Саушева** (*Москва*)
Факторы, влияющие на формирование национального характера 57
- Н.Ю. Шнякина** (*Омск*)
Перцептивная сфера «запах» как источник метафорических переносов (на материале немецкого языка) 67

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

- М.К. Бронич** (*Нижний Новгород*)
Альтернативная история в романах Пола Остера: травматический опыт в исторической памяти 79

Е.В. Васенева, К.В. Чайка (<i>Нижний Новгород</i>) Типы путешественника в записках французских авторов о России: историко-литературный аспект	89
Т.М. Дубах (<i>Екатеринбург</i>) Еврейская тема в творчестве Артура Шницлера	102
А.Н. Кочетков (<i>Нижний Новгород</i>) Перевод как интерпретация: «Король, дама, валет» В. Набокова	111
Т. Пуранасутхимонгкол, О.А. Жилина (<i>Бангкок</i>) Тема военного детства в советской и тайской литературе (на материале повести «Иван» Владимира Богомолова и романа «Идеальный город» Малая Чупинита)	130
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	
М.В. Белорукова, М.В. Золотова, Ю.Н. Карпова (<i>Нижний Новгород</i>) Повышение эффективности самостоятельной работы над лексикой в неязыковом вузе	137
М.А. Краснова, О.В. Демешко (<i>Нижний Новгород</i>) Формирование профессионально-ориентированного мышления на начальном этапе языковой подготовки будущих переводчиков	148
ХРОНИКА	
«Поколение, о котором еще не писали»: заметки о российско- швейцарском семинаре по художественному переводу (Нижний Новгород – Базель)	158

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

- Olesya Afanasyeva** (*Murmansk*)
Russian Cultural Collocations in Dictionaries of Different Types ... 9
- Julia Zintsova** (*Nizhny Novgorod*)
The Lexis Containing Positive Evaluation of a Person in Modern German 19
- Kira Kolesova** (*Nizhny Novgorod*)
Connotational Peculiarities of Ethnic Nominations within the UK .. 28
- Valentina Kurysheva, Nadezhda Lisenkova** (*Nizhny Novgorod*)
Concept “Nature” as a Marker of Regional Identity in the Novel by Thomas Hardy ‘*Under the Greenwood Tree*’ 36
- Tatiana Naumova, Tatiana Sukhareva** (*Nizhny Novgorod*)
Peculiarities of Terms of Address Referred to Mixed Gender Groups in American English 48
- Tatiana Popova, Elena Sausheva** (*Moscow*)
Factors Influencing the Formation of a National Character 57
- Natalia Shnyakina** (*Omsk*)
The Perceptual Sphere “Smell” as a Source of Metaphoric Transfer in Modern German 67

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

- Marina Bronich** (*Nizhny Novgorod*)
Alternative History in Paul Auster’s Novels: Traumatic Experience in Historical Memory 79
- Ekaterina Vassenyova, Ksenia Chayka** (*Nizhny Novgorod*)
Types of Travelers in the Writings of French Authors about Russia: Historical and Literary Aspects 89
- Tatyana Dubakh** (*Ekaterinburg*)
Jewish Themes in the Life and Works of Arthur Schnitzler 102

Alexander Kochetkov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Self-Translation in V. Nabokov’s Interpretation	111
Thanese Puranasuthimongkol, Olga Zhilina (<i>Bangkok</i>) The Theme of Wartime Childhood in Soviet and Thai Literature (in V. Bogomolov’s Short Novel ‘ <i>Ivan</i> ’ and M. Chupinit’s Novel ‘ <i>Idealistic City</i> ’)	130
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION	
Maria Belorukova, Marina Zolotova, Yulia Karpova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Increasing Efficiency of Independent Vocabulary Acquisition at a Non-Linguistic University	137
Maria Krasnova, Olga Demeshko (<i>Nizhny Novgorod</i>) Developing Professionally Oriented Thinking at the Introductory Stage of Teaching a Foreign Language to Interpreters and Translators	148
CHRONICLE	
“A Generation No One Has Written about Yet”: Notes from the Russian-Swiss Seminar in Literary Translation (Nizhny Novgorod – Basel)	158

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'374

КУЛЬТУРНО-КОННОТИРОВАННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В СЛОВАРЯХ РАЗНЫХ ТИПОВ

О.В. Афанасьева

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск

В статье рассматривается вопрос лексикографического описания культурно-коннотированных словосочетаний, выступающих составными наименованиями реалий русской культуры и являющихся их единственными именами. Автором высказывается предположение, что культурно-коннотированные словосочетания могли бы стать объектом описания словаря особого типа, предназначенного для переводчиков с русского языка на иностранный язык.

Ключевые слова: культурный компонент значения, словосочетания, словарь переводчика.

Russian Cultural Collocations in Dictionaries of Different Types

Olesya Afanasyeva

The article looks at various dictionary descriptions of cultural collocations which function as compound names for certain Russian cultural references and remain their only existing names. The author postulates that Russian collocations of this kind could be collected in a separate dictionary compiled specially for translators from the Russian language.

Key words: collocation, cultural connotation, dictionary for translators.

В современной филологии под культурно-коннотированным словосочетанием понимается грамматическая единица – словосочетание с культурным компонентом лексического значения. Природа культурно-коннотированных словосочетаний противоречива: с одной стороны, это грамматически связанное сочетание слов, образуемое по типу синтаксической конструкции путем соединения двух или более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи, с другой – семантически связанное сочетание слов, которое не производится при организации высказывания, а воспроизводится в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава.

Кроме того, культурно-коннотированное словосочетание относится к той части лексической системы языка, которая определяется как лексика с культурным компонентом значения (безэквивалентная лексика, реалия-слово, страноведчески ценная или фоновая лексика), а значит, является носителем культурной информации, сигналом, заставляющим вспомнить некоторое фоновое знание, некоторый текст, принадлежащий к культуре данного народа [1. С. 34].

Культурно-коннотированное словосочетание – конструкция, которая по семантике близка к культурно-коннотированному слову. Культурно-коннотированные словосочетания выступают составными наименованиями реалий и являются их единственными именами. В семантике культурно-коннотированных сочетаний отражаются особенности национальной культуры той общности, с которой данные синтаксические единицы, являясь частью языка, неразрывно связаны, поскольку они представляют факты и явления истории и культуры данного народа, например: «пятилетний план», «враг народа».

На существование таких словосочетаний впервые обратила внимание О.Н. Иванищева, которая отметила, что к группе несоотносимых реалий следует отнести названия метонимической природы типа «десять лет без права переписки», «московские кухни», национальная специфичность которых не вызывает сомнения, так как они называют явления жизни, культуры, истории только советской эпохи. От лексики типа «голубые береты», «белопогонники», по мнению О.Н. Иванищевой, эти названия отличаются тем, что являются единственными именами соответствующих предметов: голубые береты – десантники; белопогонник – о том, кто служил в белой армии; белогвардеец [2. С. 135]. Термин «культурно-коннотированное словосочетание» предложен В.П. Берковым.

Культурно-коннотированные словосочетания, являясь единственными названиями культурных и исторических реалий, являются объектом описания лексикографических изданий.

Целью статьи является обзор словарей различных типов (толковых, энциклопедических, культурологических и лингвострановедческих), в которых представлены исследуемые единицы.

Культурно-коннотированные словосочетания являются объектом описания следующих типов словарей:

– толковых (например, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Б.М. Волина и Д.Н. Ушакова, «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, «Словарь русского языка» под редакцией С.Г. Бархударова, «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «Современный толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова, «Толковый словарь современного русского языка конца XX в. Языковые изменения» под редакцией Г.Н. Скляревской, «Толковый словарь языка Совдепии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной);

– энциклопедических («Российский энциклопедический словарь», «Российский гуманитарный энциклопедический словарь», «Большой энциклопедический словарь» под редакцией А.М. Прохорова, «Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: Контуры, символы, знаки» Н.Б. Лебиной, «Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия» Д.А. Баранова, А.С. Барановой и Т.А. Зиминной);

– культурологических («Русско-английский культурологический словарь» под общим руководством С.Г. Тер-Минасовой, «Русская деревня – XX век» И.В. Андреевой и Н.В. Баско, «Англо-английский словарь русской культурной терминологии» В.В. Кабакчи);

– лингвострановедческих (например, «Народное образование в СССР» М.А. Денисовой).

Наиболее полно исследуемые единицы представлены в толковых словарях, поскольку одной из задач лексикографических источников данного типа, как подчеркивают их авторы, является описание единиц, обозначающих основные реалии различных периодов мировой истории и необходимых при описании существенных сторон жизни народов мира и их прошлого, в частности, слов, характеризующих специфику русского быта и культуры разных исторических эпох [3. С. 4–5].

Являясь центральным типом словаря, толковые словари представляют максимальное число лексикографируемых параметров, в значительной степени выполняя функции других аспектных лексикографических источников [4. С. 52].

Словники толковых словарей включают словосочетания так называемого общего фонда русского языка, находящиеся в активном

употреблении, т. е. называющие предметы и реалии современной действительности, как например «антоновские яблоки» [5. С. 4].

Как показывает анализ, абсолютное большинство культурно-коннотированных словосочетаний, получивших описание в толковых словарях русского языка, называют реалии XIII–XIX вв., например: «коллежский ассессор» (гражданский чин восьмого ранга в табели о рангах дореволюционной России [6. С. 48]), «реальное училище» (среднее учебное заведение в дореволюционной России, в учебном плане которого преобладали естественные и точные науки [7. С. 690]), «Приказы общественного призрения» (губернские учреждения в России с конца XVIII века до последней четверти XIX века, ведавшие заведениями, содержавшимися на средства общественной благотворительности: сиротскими домами, больницами, аптеками, богадельнями и т. п. [8]).

В корпусе Толкового словаря современного русского языка конца XX в., отражающем динамические языковые процессы, которые порождены политическими, социальными, культурными и другими переменами в обществе, также представлены словосочетания пассивного запаса языка, при этом многие из них снабжены в словаре пометой в «советск. время»: «антиалкогольная кампания», «враг народа», «первая волна», «добровольческая народная дружина», «слуга народа», «братская помощь» [8].

В корпусе толкового словаря В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, описывающем язык советской эпохи как лингвокультурный социальный феномен, представлены языковые единицы, обозначающие советские реалии. Это слова и словосочетания, отражавшие в прошлом своеобразный языковой фон прошлой эпохи и обладавшие наибольшей активностью в официальном языке, оказывали влияние на формирование массового языкового сознания. В данный разряд входят также речевые штампы и клише коммунистической идеологии [9. С. 3–12]. Этот словарь представляет собой наиболее полное лексикографическое описание словосочетаний с культурным компонентом значения, отсылающих к реалиям и идеологемам советского времени.

Поскольку энциклопедические словари содержат «обширный корпус сведений, относящийся к российской культуре» [10. С. 3], культурно-коннотированная лексика является их объектом описания.

Как известно, словник энциклопедического словаря значительно отличается от словника толкового. В общем плане разница между толковыми словарями и энциклопедическими очевидна. В толковых и энциклопедических словарях может быть один и тот же объект толкования, но разные предметы и приемы описания. В энциклопедических словарях предлагается описание не слов и их значений, а того, что кроется за исходным словом – доминантой. В зависимости от характера объекта в них приводится описание предметной и понятийной сфер действительности [11].

Следующий энциклопедический словарь (Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: Контуры, символы, знаки) представляет жизнь советских людей как некое множество вещей, понятий и символов [12. С. 7–10]. Словосочетания, называющие предметы одежды и виды обуви, являются, по мнению автора, знаковыми признаками времени, своеобразным символическим социальным кодом исторической эпохи [12. С. 15], например, «искусственный каракуль» [12. С. 175], «крепдешиновое платье» [12. С. 212], «нейлоновые рубашки» [12. С. 252], «красная косынка» [12. С. 206]. Также в данном словаре представлены словосочетания, называющие продукты питания, относящиеся, по мнению автора, к числу несомненных, напрямую зависящих от политики и экономики «банальностей» [12. С. 14] и поэтому имеющие культурную коннотацию («китовая колбаса» [12. С. 187], «цыпленок табака» [12. С. 377]). Кроме того, выделены культурно-коннотированные словосочетания, называющие социально-бытовые институты и организации, связанные с регулированием повседневной жизни («дом быта» [12. С. 129–130], «дом отдыха» [12. С. 134–135], «дом крестьянина» [12. С. 132–133], «дом Советов» [12. С. 135–136], «домовая кухня» [12. С. 137–135], «домовый комитет» [12. С. 138], «товарищеский суд» [12. С. 345–347]), а также словосочетания, называющие документы, которые определяли правила советского быта («визитная карточка покупателя» [12. С. 86], «заработная книжка» [12. С. 155–157]), и словосочетания, называющие события в сфере повседневной жизни («комсомольская пасха» [12. С. 202], «антиалкогольные кампании» [12. С. 45–48], «красная свадьба» [12. С. 208]).

Энциклопедический словарь русской культуры, фактически выполняющий функции культурологического словаря, представляет

описание реалий и явлений русского быта и фиксирует их символическую для представителя русской культуры значимость. Например, «кулачный бой»: «праздничное силовое противостояние мужских групп, объединенных по возрастному, территориальному или социальному принципу, проходившее без применения оружия и по строгим правилам <...> Среди простого люда участие в них рассматривалось как одно из обязательных условий реализации полноценного мужского статуса и поэтому занимало важное место в процессе социализации мужской молодежи, способствуя формированию комплекса волевых и моральных качеств» [13. С. 307–310].

В корпус культурологического словаря «Россия» включены такие словосочетания, как «русская народная песня» [14. С. 102], «смутное время» [14. С. 102], «уральские самоцветы» [14. С. 113], «хохлольская роспись» [14. С. 117]) и другие.

Исследуемые единицы традиционно являются объектом лингвострановедческих словарей. В словарях этого типа даны также социально значимые, вошедшие в быт языковые единицы, ставшие языковыми символами, зафиксированы понятные для носителя языка обертоновые значения и коннотации – социальные, политические или исторические.

Так, например, лингвострановедческий словарь «Народное образование в СССР» содержит слова и словосочетания русского языка, называющие характерные для советской действительности явления общественной жизни и культуры. Поскольку словарь предназначен для изучающих русский язык, в нем описан объем общих представлений советского человека по теме «Образование в СССР». В словарных статьях авторы объективируют свое собственное, обыденное знание современной действительности и явлений прошлого, но подчеркивают также и целесообразность включения в изъяснение (семантизацию лексического фона) элементов научного фона [15. С. 7–18].

Англо-английский словарь русской культурной терминологии, содержит англоязычные обозначения географических, исторических, политических, экономических, религиозных, искусствоведческих, спортивных и бытовых элементов русской культуры [16. С. 3–6]. В нем предлагается описание современных реалий: «Центральный Банк» (главный современный государственный банк

России [16. С. 51]), «цыпленок табака» (потрошенный цыпленок, приготовленный на углях [16. С. 58]), «котлета по-киевски» (филе курицы, фаршированное маслом и обжаренное [16. С. 57]), «гурьевская каша» (русский десерт, похожий, по мнению некоторых иностранцев, на английское и шотландское безе [16. С. 130]), «гурьевские блины» [13. С. 130]. Наряду с ними в словаре представлены и устаревшие реалии, например: «антипартийная группа» (название, данное группе оппонентов Хрущева [16. С. 21]), законы против тунеядства (советский закон, принятый в СССР в конце 1950-х гг., не позволявший избежать официального трудоустройства, термин «тунеядство» использовался советской законодательной системой для описания официально неработающих людей [16. С. 21]), «товарищеский суд» (советское перевоспитание соседями или рабочим коллективом [16. С. 68]), «Совет народных комиссаров» (кабинет министров в СССР [13. С. 71]), «культ личности» (культ личности Сталина [16. С. 73]), «враг народа» (об оппонентах советской власти [16. С. 100]).

Анализ словарей современного русского языка показал, во-первых, непоследовательность принципов отбора подобных языковых единиц в словники; во-вторых, непоследовательность принципов их описания.

Так, в корпусе однотомного «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой представлено 26 культурно-коннотированных словосочетаний, в «Энциклопедии банальностей» Н.Б. Лебиной – 70, в «Российском энциклопедическом словаре» – 99, лингвострановедческом словаре «Народное образование в СССР» М.А. Денисовой – 104. Закономерности отбора словосочетаний в словники не прослеживаются. Например, большинство из проанализированных словарей фиксируют словосочетание «Белая гвардия» и не фиксируют при этом словосочетание «Красная гвардия» или наоборот; учитывают словосочетания типа «белая береза» (символ России [3. С. 72]) и не учитывают словосочетание «красная гвоздика» и т. д.

Наметившаяся в последние годы тенденция введения в словарную статью толкового словаря энциклопедической информации позволяет более полно раскрыть лексическое значение культурно-коннотированных словосочетаний. Однако культурный компонент часто оказывается неучтенным. Например, словосочетание

«застойные годы» в Большом толковом словаре русского языка дано с отсылкой к словарной статье «застояться» (слишком долго простоять без движения [3. С. 348]) без описания культурного компонента значения (о периоде правления Л.И. Брежнева). Также толкование словосочетания «железный занавес» дано без представления культурного компонента значения (о политике, обусловленной идеологической борьбой и направленной на изоляцию страны или группы стран от внешних связей и влияний). Символическое значение словосочетания «красная гвоздика» также не получило фиксации в толковых словарях. Достаточно взглянуть на словарную статью («гвоздика – дикорастущее и садовое растение с цветками красной, белой окраски» [3. С. 196; 9. С. 127]) и сравнить ее с той, в которой вместо толкования предлагается культурологический комментарий, т. е. объясняется, что стояло за словосочетанием «красная гвоздика» для носителей русского языка в советскую эпоху: революционный символ, название студенческих отрядов, перечислявших все деньги в Фонд мира [9. С. 113].

Очевидно, что культурно-коннотированные словосочетания представляют особый интерес для переводчиков с русского на иностранный язык. Учитывая, что в проанализированных в статье типах словарей эти языковые единицы представлены фрагментарно, прослеживается непоследовательность принципов их отбора и описания, кажется целесообразным представить их в словаре особого типа, предназначенного для переводчиков с русского языка на иностранный язык.

Как отмечает О.В. Петрова, «нужны словари, по самой своей сути предназначенные для переводчиков и составленные с учетом специфики их работы» [17. С. 46]. Культурно-коннотированные словосочетания могли бы стать объектом описания такого словаря.

Библиографический список

1. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб.: Златоуст, 2001. 71 с.
2. Иванищева О.Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2005. 405 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Козырев В.А., Черняк В.А. Русская лексикография. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 702 с.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. 736 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. 750 с.
8. Толковый словарь современного русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб.: РАН, 1998. 700 с.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
10. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. / Под ред. П.А. Клубков. М.: Гуманит. центр ВЛАДОС: Филолог. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. Т. 1. 688 с. Т. 2. 720 с.
11. Киселевский А.И. Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. Минск: БГУ, 1977. 176 с.
12. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. 444 с.
13. Баранов Д.А., Баранова А.С., Зимица Т.А. Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство, 2004. 374 с.
14. Россия. Русско-английский культурологический словарь / А.Л. Бурак, С.В. Тюленев, Е.Н. Вихрова; Под общ. рук. С.Г. Тер-Минасовой. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 128 с.
15. Денисова М.А. Лингвострановедческий словарь: народное образование в СССР / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1978. 277 с.
16. Кабакчи В.В. Англо-английский словарь русской культурной терминологии. СПб.: Издательство «Союз», 2002. 576 с.
17. Петрова О.В. Дайте переводчику словарь! // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2009. Вып. 4. С. 37–47.

Сведения об авторе

Афанасьева Олеся Васильевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков МАГУ
E-mail: afanaseva.olesya@gmail.com

УДК 811.112.2'37

**ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ С КОМПОНЕНТОМ
ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ
НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Ю.Н. Зинцова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируются лексемы современного немецкого языка, содержащие в своей семантической структуре компоненты положительной оценки человека. Особое внимание уделяется семантическим, морфологическим и синтаксическим способам выражения мелиоративности в немецком языке. Рассматриваются также возможности структурирования в системе языка лексических единиц положительной антропоцентрической номинации, используемой для характеристики человека.

Ключевые слова: мелиоративы, мелиоративная лексика, оценочная характеристика, семантический подход, словообразовательный анализ, классификация.

The Lexis Containing Positive Evaluation of a Person in Modern German

Julia Zintsova

The article analyzes modern German words whose semantic structure contains positive evaluation of a person, laying a special emphasis on semantic, morphological, and syntactic means of expressing meliorativeness in the German language. It also considers possibilities of structuring those lexical items of positive anthropocentric nomination, used to characterize a person, within the system of the language.

Key words: melioratives, ameliorative lexis, evaluation characteristic, semantic approach, word-formation analysis, classification.

Обращение к изучению оценочных характеристик человека в языкознании в значительной мере предопределено интересом лингвистики последних десятилетий к роли человеческого фактора в языке, в частности, к тому, каким образом человеческая деятельность реализуется в языковых структурах и какие языковые средства используются для характеристики личности [1. С. 11].

На настоящем этапе развития лингвистических исследований изучение мелиоративной лексики можно осуществлять в рамках нескольких подходов: семантического, прагматического, исторического, субституционного и др. [2. С. 98]. Семантический подход предполагает рассмотрение свойства мелиоративности некоторых языковых единиц, содержащих положительную коннотацию, не придавая значения их функционированию в речи. В

контексте данного подхода исследования осуществляются на корпусе лексических единиц и устойчивых словосочетаний, служащих для положительной характеристики человека, из лексикографических источников [3. С. 13]. В словаре лингвистических терминов под эмоционально-оценочным словом понимается «лексическая единица, которая включает в себя элемент оценки: дождичек, беленький и т. п.» [4. С. 467]. В рамках коннотативной типологии, выделенной В.И. Говердовским, вычленяется отдельный вид коннотации мелиоративности, относящейся к экспрессивно-оценочному типу коннотации. К разряду мелиоративно-коннотативной лексики относятся, к примеру, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые используются для придания речи эстетических качеств [5].

«Мелиоративы — это лексические единицы, в семантике которых присутствуют семы положительных эмоций» [6. С. 5]. Основной задачей мелиоративных лексических единиц является облагораживание, смягчение речи. Употребляя в разговоре с собеседником положительно окрашенную лексику, говорящий / пишущий тем самым оказывает положительное воздействие на его отношение к слушающему / читающему [7. С. 118].

В ходе исследования языковых единиц с семантикой мелиоративности в современном немецком языке были выявлены как лексические, так и синтаксические единицы. В качестве лексических единиц с исследуемой семантикой выступают имена существительные (например, *Hase, Zuckerpuppe*) и имена прилагательные (например, *tadellos, zahlungskräftig*) с указанной семантикой. Путем анализа были выявлены также синтаксические единицы с семантикой мелиоративности — словосочетания, выполняющие номинативную функцию (например, *das Herz. auf dem rechten Fleck haben, blondes Gift*).

Номинативные единицы, которые образно характеризуют человека, эмоционально-оценочно определяют его внешние и внутренние качества, действия, состояния и т. п. по какому-либо признаку, составляют, как известно, значительный пласт в системе любого языка. Их многоаспектное изучение даёт возможность интерпретировать семантическую структуру и специфику средств оценки характера, внешнего вида и поведения человека.

Анализ выявленных лексических и синтаксических единиц с мелиоративным значением позволяет выделить общие для всех элементов семантические признаки, благодаря которым представляется возможным построить подробную *семантическую классификацию* слов и словосочетаний с семантикой положительной оценки человека в современном немецком языке. Характеристика человека включает в себя в первую очередь *внешние (физические) признаки*: возраст, внешность (комплексия, цвет глаз, и под.), а также *субъектные свойства* личности (ум (интеллект), качества характера) и ее *поведенческие характеристики* (особенности поведения, общения, трудолюбие, целеустремленность, и под.). Формирование лексической системности проявляется в том числе и в особенностях классификации: описании корпуса языковых единиц с общей семантикой, представленных в толковом словаре, с точки зрения особенностей лексикографической фиксации, локализации окрашенного значения, а также анализа тематического своеобразия на примере отдельных групп [8. С. 72]. В зависимости от наличия в семантической структуре слов определенных семантических мелиоративных компонентов, лексические и синтаксические единицы с изучаемой семантикой объединяются в следующие группы:

I. Языковые единицы, содержащие сему **внешней физической положительной оценки человека**, где выделяются две группы:

1.1. Единицы, содержащие сему **«возраст»**, с подгруппами:

1.1.1. слова и словосочетания с семантическим компонентом *молодость*;

1.1.2. слова и словосочетания, содержащие семантический компонент *ребенок*.

1.2. Единицы, содержащие сему **«внешность»**, внутри которой выделяется ряд частных подгрупп:

1.2.1. слова и словосочетания с семой *внешняя привлекательность* (общее положительное впечатление о внешности человека), которая включает в себя также некоторые лексические и синтаксические единицы, содержащие сему *здоровье*;

1.2.2. слова и словосочетания с семой *комплексия, физическое строение*;

1.2.3. слова и словосочетания с семой *глаза*;

1.2.4. лексемы со значением *опрятность, аккуратность*.

II. Языковые единицы, содержащие сему **личностной положительной характеристики человека**, где выделяются группы:

2.1. слов и словосочетаний с семой *ум, интеллект*;

2.2. лексических и синтаксических единиц с семой *качества характера* (трудолюбие, упорство, целеустремленность, и др.). В данную группу слов включаются также некоторые единицы с семантическим компонентом *оптимизм*.

III. Языковые единицы, содержащие семы **поведенческих и коммуникативных характеристик человека**, где выделяются следующие группы:

3.1. Единицы, содержащие семы **«поведение»**, **«манера вести себя»**, **«отношение к другим»**, где выделяются подгруппы:

3.1.1. слова и словосочетания с семами *умение вести себя, умение произвести положительное впечатление*;

3.1.2. лексемы с семантическим признаком **дружелюбие, понимание**.

3.2. Единицы, содержащие сему **«работоспособность, целеустремленность»**, включая подгруппы:

3.2.1. слов и словосочетаний с характеристикой *умение трудиться*;

3.2.2. слов и словосочетаний с семой *карьерный успех, высокое общественное положение*;

3.2.3. выделено несколько лексем со значением *богатство*;

3.2.4. лексика, используемая в **вокативной функции** (функции **обращения**).

Количественная и семантическая наполняемость выделенных в ходе классификации групп представлена в таблице 1.

Таблица 1

Количественное соотношение семантических групп лексики с положительной коннотацией

Классификационный номер	Сема	Примеры			Кол-во ед-ц	Долевое соотн.
		Сущ-е	Прилаг-е	Словосоч.		
I		«внешняя физическая положительная оценка человека»				
1.1		«возраст»				
1.1.1	<i>молодость</i>	Grünzeug Herrchen	frisch zackig	junger Dachs	17	4 %
1.1.2	<i>ребенок</i>	Dreikäsehoch Hase Krümel	brav	–	9	2 %
Итого		18	5	3	26	6 %
%		4 %	1 %	0,5 %		

I	1.2	«внешность»						
	1.2.1	<i>внешняя привлекательность</i>	Vollblutweib Zuckerpuppe Engel	hübsch appetitlich gesund fein	blondes Gift; wie das blühende Leben aussehen	34	8 %	
	1.2.2	<i>комплексия, внешнее строение</i>	Athlet Muskelmann Rambo	groß puppig	nicht von / aus Pappe sein	24	5 %	
	1.2.3	<i>глаза</i>	Glotzer Kulleraugen	–	–	3	0,5 %	
	1.2.4	<i>опрятность, аккуратность</i>	–	blitzblank blitzsauber ordentlich	wie aus dem Ei gepellt sein	5	1 %	
Итого			38	21	7	66	16 %	
%			9 %	5 %	0,5 %			
II		«личностная положительная характеристика человека»						
	2.1	<i>ум, интеллект</i>	Intellektuelle Leuchte	blitzge- scheit superklug hell	nicht auf den Kopf gefallen sein	18	4 %	
	2.2	<i>качества характера</i>	Philanthrop	gutherzi- gehrlich treu spendier- freudig	das Herz auf der Zunge haben / tragen; kein Kind von Traurigkeit sein	61	15 %	
Итого			19	30	30	79	19 %	
%			4,5 %	7 %	7 %			
III		«поведенческая и коммуникативная характеристики человека»						
	3.1	«поведение», «манера вести себя», «отношение к другим»						
	3.1.1	<i>умение вести себя, умение произвести положительное впечатление</i>	Engel Prachtkerl Feger	nett tadellos ordentlich famos heilig	in jmdm. steckt das Zeug zu etw., jmd. hat/besitzt das Zeug zu etw.; ein [gefundenes] Fressen für jmdn. sein	94	23 %	
	3.1.2	<i>дружелюбие, понимание</i>	–	nett famos	eine ehrliche Haut ; das Herz. auf dem rechten Fleck haben	40	10 %	
Итого			51	22	61	134	32 %	
%			12,5 %	5 %	15 %			
III	3.2	«работоспособность, целеустремленность»						
	3.2.1	<i>умение трудиться</i>	Arbeitsbiene	fleißig	mit Elan etw. tun	9	2 %	
	3.2.2	<i>карьерный успех, высокое общественное положение</i>	Senkrechstarter Aufsteiger Sponsor	zahlungskräftig	der grosse Bruder; sein eigen Brot essen; am längeren Hebel sitzen; ein hohes / großes Tier	37	9 %	
	3.2.3	<i>богатство</i>	Goldkäfer	betucht schwerreich zahlungskräftig	im Geld schwimmen; zu Geld kommen	17	4 %	
	3.2.4	<i>вокативы</i>	Herz	–	das starke	18	4 %	

		Liebe Schatz Schnuckelchen		Geschlecht		
Итого		28	21	32	81	18 %
%		7 %	5 %	8 %		
	<i>ЛЕ, не относящиеся по своей семантике ни к одной группе</i>	Reiseonkel		Bände sprechen		
		10	–	14	24	5 %
		2,5 %		3,5 %		

Методом количественного подсчета было установлено, что полученные в ходе исследования все классы языковых единиц с семантикой мелиоративности в современном немецком языке достаточно репрезентативны: по данным одноязычного немецкого словаря насчитывается 164 лексемы имен существительных-мелиоративов и 99 лексических единиц имен прилагательных с исследуемой семантикой. Имена существительные в большинстве своем мужского рода (95 лексических единиц), среднего рода (34 лексических единицы) и женского рода (35 лексических единиц).

Полученные методом сплошной выборки синтаксические единицы (словосочетания) с положительной коннотацией образуют группу из 147 единиц [9]. Таким образом, корпус исследуемых примеров немецких слов-мелиоративов насчитывает 410 языковых единиц.

Согласно результатам количественного подсчета, более продуктивно семантика положительной коннотации реализуется в именах существительных. Они составляют 40 % от всего корпуса исследуемых единиц с изучаемыми семами. Словосочетания также предоставляют для исследования достаточно большой объем единиц с семантикой мелиоративности, их количество составляет 36 % от общего числа исследуемых лексем. Менее семантически продуктивные языковые единицы – имена прилагательные, они участвуют в образовании 24 % лексических единиц, содержащих положительную оценку человека в немецком языке.

В соответствии с классификацией был проведен анализ наполняемости выделенных семантических групп и выявлены особенности мелиоративной семантики у лексических и синтаксических единиц немецкого языка. По критерию наполняемости групп наибольшее количество единиц демонстрирует

подгруппа слов и словосочетаний, соотнесенных по семам «*умение вести себя*», «*умение произвести положительное впечатление*», относящаяся к группе «**поведенческая и коммуникативная характеристики человека**». Данная группа является наиболее продуктивной и содержит третью часть всего корпуса исследуемых единиц (134 слова и словосочетания). Менее продуктивными являются подгруппы, структурируемые по семантическим признакам «*работоспособность, целеустремленность*» и «*внешность*» и группа «**личностная положительная характеристика человека**» (81, 66 и 79 лексических единиц соответственно). Подгруппа, объединяющая языковые единицы с семой «*возраст*», представлена в рамках данного исследования наименьшим количеством лексем (26).

Путем семантического анализа было выявлено, что корпус мелиоративных языковых средств немецкого языка составляют единицы, оценочный элемент которых заключен [4]: 1) в самом значении слова (*fleißig, ordentlich*); 2) в переносном значении слова (*Leuchte, Arbeitsbiene, Goldkäfig*); 3) в аффиксах (*Schnuckelchen, superklug*). Стилистические пометы при эмоционально-оценочных словах: *umgangssprachlich* (разговорное), *Kosenname* (ласкательное), *scherzhaft* (шутливое) и др.

Особенностью семантики изучаемых имен существительных-мелиоративов является то, что значение этих единиц сформировалось путем метафорических переносов. В ходе анализа было выявлено 38 имен существительных, употребляющихся в переносном значении, и только в этом значении обозначающих положительно охарактеризованного человека: *Athlet, Herz, Schatz, Kleiderschrank, Rambo, Romeo, Schnuckelchen, Star, Goldkäfer, Krümel, Dreikäsehoch* и др. Среди этих слов есть языковые единицы, являющиеся уменьшительно-ласкательными прозвищами для человека: (*Herz, Schatz, Krümel, Dreikäsehoch*), а также образованные по следующим типам метафорических переносов [7. С. 118–119]: «животное – человек» (*Hase, Arbeitsbiene*), «небесные светила – человек» (*Stern*), «драгоценные камни – человек» (*Schatz*), «предметы окружающего мира – человек» (*Kleiderschrank, Feger*), «абстрактные понятия – человек» (*Intellektuelle, gutherzig ehrlich*). Среди этих имен существительных есть также имена собственные, расширившие свое значение и употребляющиеся как нарицательные существительные: *Adam, Eva, Hallodri, Romeo* и др.

Особенностью семантики анализируемых мелиоративов является то, что одно и то же слово (или структура) в силу своей многозначности может быть членом разных групп: *Lockenkopf*, *Posaunenengel*, *ordentlich*, *zahlungskräftig* и др.

Стоит также отметить, что в некоторых словарных статьях, относящихся к одному слову, можно найти два противоположных значения, одно характеризующее человека с положительной стороны, другое – с отрицательной. Среди изучаемых лексем – это такие единицы, как *Eumel*, *Feger*, *Bösewicht*, *hübsch*.

Таким образом, рассмотрение положительной характеристики человека как отдельного семантического фрагмента показывает, что среди наименований человека с мелиоративной коннотацией в немецком языке выявляется большое количество групп, которые позволяют разносторонне описать данный класс лексики. Мелиоративные наименования обозначают оценку как внешних характеристик человека (возраст, внешний вид), так и отдельные положительно оцениваемые свойства личности (качества характера, поведение, отношение к труду). План выражения категории оценки представлен различными разноуровневыми средствами языка (лексическими, морфологическими, синтаксическими), что позволяет комплексно исследовать семантику антропонимов и специфику их положительной коннотации.

Библиографический список

1. Ванякина Е.В. Негативно-эмотивные характеристики человека в лингвокультурологическом аспекте: На материале немецкого языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Владимир, 2005. 172 с.
2. Мехов Д.В. Лингвистические и социокультурные аспекты мелиорации // Омский научный вестник. 2014. № 4 (131). С. 97–100.
3. Горохова А.М. К вопросу о моделировании ядерных и периферийных компонентов британского национального характера (на материале паремиологического фонда английского языка // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.А. Добролюбова. 2016. № 35. С. 11–23.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

5. Говердовский В.И. Коннотемная структура слова. Харьков: Высш. школа, Изд-во при Харьк. гос. ун-те. 1989. 92 с.
6. Коробова Н.В. Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи: на материале британского ареала: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. 16 с.
7. Напылова Л.И. Метафорический перенос как способ образования мелиоративов в современном немецком языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 5 (109). С. 117–121.
8. Плисов Е.В., Зинцова Ю.Н., Кузьмичева А.А. Особенности лексикографирования немецкой диалектной лексики // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.А. Добролюбова. 2016. № 33. С. 71–80.
9. Duden Deutsches Universalwörterbuch. 4 Aufl. Mannheim 2001 [CD-ROM].

Сведения об авторе

Зинцова Юлия Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: zintsova@mail.ru

УДК 811.111'371

**ОСОБЕННОСТИ КОННОТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЭТНОСЫ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

К.В. Колесова

*Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород*

Язык является средством вербализации представлений об окружающем мире через призму национальной картины мира. Вследствие этого многие номинации одних и тех же объектов приобретают в различных лингвокультурах разные коннотации. Это справедливо и в отношении номинаций этносов. Анализ этнонимов с культурологической точки зрения позволяет глубже понять менталитет своей и чужой культуры. В настоящей статье на материале фразеологического фонда рассматриваются сложившиеся в английской лингвокультуре стереотипы в отношении этносов Великобритании.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, коннотативное значение, национальная картина мира, этноним, этностереотип.

Connotational Peculiarities of Ethnic Nominations within the UK

Kira Kolesova

Language is the means of verbalizing people's perceptions of the world through the prism of a national world view. As a result, a lot of nominations of the same objects – including ethnic nominations – acquire different connotations in different cultures, and examining ethnonyms from the linguocultural point of view paves the way for a deeper understanding of both one's own and foreign cultures. The article analyzes stereotypes about various ethnic groups within the UK, which are reflected in the contemporary phraseology of the English language.

Key words: cognitive linguistics, connotational meaning, national world view, ethnonym, ethnostereotype.

В современной лингвистике связь между языком и мышлением является общепризнанным фактом. Речь – это вербализация идей, представлений, сформировавшихся в сознании человека. С другой стороны, человеческое мышление невозможно без языка. Уникальной особенностью мыслительной деятельности человека является ее словесная основа. «Словесное квантование мышления присуще только человеку» [1]. Данное утверждение не означает, однако, что мыслительная деятельность представляет собой исключительно разновидность речи. Этот сложный процесс включает и невербальные компоненты. Тем не менее, хотя часть процесса мышления является

исключительно образной, преимущественно мысли человека представляют собой полные или свернутые высказывания.

Основным процессом мыслительной деятельности человека в ходе познания окружающего мира является его категоризация, под которой подразумевается соотнесение впервые воспринимаемого объекта или явления с уже имеющейся системой знаний, выявление его ключевых характеристик, «проникновение в сущность вещей» [2; 3]. В результате формируется представление о предмете или явлении, которое включается в общую систему представлений. Такое отображение реальности в сознании человека получило название «картины мира».

Представители различных народностей по-разному реагируют на внешний мир, имеют разные ценностные ориентации и сложившиеся в их культуре нормы поведения, которые могут существенно отличаться от норм, принятых в другой культуре. При этом «неотъемлемой частью любой ценностной картины мира является образ “чужого” мира – представления о чужих народах (этнографических группах) и землях» [4. С. 208], которые являются не чем иным, как предпосылками для создания образа «чужого» в «своей» картине мира на основе как объективно, так и субъективно воспринимаемых характеристик иной этнической группы.

Поскольку человек по своей природе склонен к упрощениям, образ «чужого» часто приобретает форму стереотипа – «образа-стимула», «схемы», что позволяет создать схему / сценарий поведения представителей других культур, делает это поведение более предсказуемым, а следовательно, более понятным и допустимым. В то же время такие ментальные стереотипы, объективированные в языковой форме, приводят к появлению эмоционально-оценочных коннотаций даже в семантике единиц, предназначенных предположительно только для обозначения национальности. Как указывает Е.Л. Березович, языковые единицы скрываются «под маской» конкретного этнического или топонимического обозначения, но при этом отражают обобщенное представление о чужом как о примитивном, некультурном, диком, аномальном, неправильном [4. С. 24]. Например, то, что у своего народа считается проявлением расчетливости, у другого народа может быть признано жадностью, у своего народа – практичностью, у чужого – меркантильностью. Наименования национальностей, таким

образом, звучащие относительно похоже в разных языках, приобретают ассоциации, которые (в силу различного характера исторических культурных контактов) не совпадают в различных культурах, формируется коннотативный компонент их значения.

Явление этноконнотации в настоящее время получает все большее освещение в лингвокультурологических трудах. Анализируется степень осознанности существующих стереотипов, динамика их развития. Настоящая статья отражает ряд результатов исследования на материале фразеологического фонда (который отражает наиболее устойчивые представления в национальной картине мира) с целью выявить спектр коннотативных значений этнонимов на современном этапе развития английского языка.

Для анализа были отобраны этнонимы, которые наиболее часто встречаются в составе фразеологических единиц – не менее 10 случаев употребления отдельного наименования. Весь блок отобранных фразеологических единиц был разделен на три подгруппы в соответствии с географическим фактором: наименования этносов на территории Великобритании, Европы и Азии. В рамках ограниченного объема статьи будут представлены только материалы относительно этнических групп Великобритании.

Великобритания является полиэтнической страной. Входящие в ее состав территории исторически являлись отдельными государствами, каждое со своими уникальными традициями и культурным наследием. Отражением этого в словарном составе языка является наличие существенного количества устойчивых единиц, номинирующих специфические объекты, прежде всего традиционные блюда, предметы одежды и т. д.: *English breakfast, English tea, Irish stew, Irish coffee, Scotch pie, Scottish kilt, Welsh dragon, etc.* Данные коллокации обозначают реалии и не входят в анализируемую выборку, кроме того, в рамках настоящей статьи также не рассматривается коннотация этнонима *English*, поскольку разграничение единиц, в которых *English* относится непосредственно к английскому этносу, а не к Великобритании, потребует отдельного самостоятельного исследования.

I. *Irish*

Практически на протяжении всей истории отношения между Англией и Ирландией характеризовались напряженностью. Результатом этого стало наличие большого количества фразеологических единиц (более 100), отражающих восприятие «чужих» ирландцев как «несоответствующих нормам поведения, создающих проблемы»:

(having) Irish blood – about a quick-tempered person [5].

Борьба Ирландии за независимость, политическая напряженность послужили основой для появления целого ряда фразеологизмов, подчеркивающих быстроту реакции на провокацию. Ирландца легко вывести из себя и проявление эмоций будет открытым и чрезмерным (в противоположность «сдержанным» англичанам):

to get one's Irish up – to display extreme anger, rage, to become violent [6].

В соответствии со стереотипом ирландцы очень вспыльчивый народ и любой конфликт может быстро перейти в выяснение отношений путем агрессии и насилия:

Irish confetti – a rock or brick used as a missile [7];

Irish hoist – a kick in the pants [6];

Irish hug – to punch someone in the face [5].

Представление об агрессивности и драчливости ирландцев косвенным образом обуславливает стереотип о неряшливой, неопрятной внешности – постоянная готовность к физическому контакту не оставляет времени и сил на уход за собой. Также подразумевается стереотипное противопоставление английским лордам и леди:

Irish pennant – loose, untidy object, end of clothes [7];

Irish pajamas – clothes slept in from the day before without changing [5];

Irish shower – not actually showering, just using deodorant [5];

Irish wash – clothes turned inside out [5].

Следующей составляющей этностереотипа *Irish* является представление о грубом нраве ирландцев. Истоки данного стереотипа также можно обнаружить в исторических конфликтах и политических протестах. В современном фразеологическом фонде английского

языка сохраняются единицы, отражающие «безвкусице» ирландцев, отсутствие у них манер и знаний этикета:

Irish compliment – a clumsy or sarcastic compliment;

Irish intercom – getting a message across by yelling loudly;

Irish mammy dinner – tasteless food [5].

Одной из самых оскорбительных составляющих этностереотипа, как показал анализ современного фразеологического фонда, является представление об ирландцах как «неразборчивых в интимных отношениях»:

Irish bang – unsafe sex;

Irish dish washer – sex in a pub;

Irish toothache – promiscuity [8].

Еще одним компонентом этностереотипа об ирландцах является ассоциация с чрезмерным употреблением алкоголя и наркотиков:

Irish candy – alcoholic drink;

Irish eclipse – being drunk then getting sober and getting drunk again, all in one day;

Irish flue – heavy hangover;

Irish flag – three colour drug;

Irish Lucy – cigarette that contains the illegal drug [5].

Можно прийти к заключению, что большинство современных фразеологических единиц данной группы изначально создавалось намеренно с целью дискредитировать ирландцев как политических соперников. Результатом стало формирование в значительной степени негативного этностереотипа о данном этносе как агрессивных, невоздержанных грубиянах. И хотя данный стереотип уже не актуален в настоящее время, фразеологические единицы в современном английском языке сохраняют историческую политическую окрашенность.

II. *Scottish*

Отношения Англии с Шотландией исторически складывались также не всегда гладко, однако, анализ фразеологического фонда не выявил такого большого количества единиц, отражающих негативное восприятие шотландцев (по сравнению с рассмотренными выше фразеологизмами с компонентом *Irish*). Одним из возможных объяснений можно считать тот факт, что Шотландия целиком входит

в состав Великобритании, в то время как часть Ирландии остается независимой. Соответственно, шотландцы воспринимаются как «дальние родственники», в то время как в отношении ирландцев сохраняется враждебность как в отношении потенциальных врагов, оппонентов.

Интересным представляется тот факт, что в английском существует несколько этнонимов для обозначения шотландцев: *Scottish*, *Scots*, *Scotch*. Анализ фактического материала показал, что единицы с компонентом *Scotch* характеризуются определенной негативностью; могут отражать представление о шотландцах, как не склонных идти на уступки и делиться чем либо:

(to be) Scotch – be greedy, stingy;

Scotch answer – evasive answer;

Scotch verdict – a half-measure or partially agreeable decision [8].

С другой стороны, устойчивые единицы, имеющие в своем составе *Scottish*, нейтральны по коннотации или имеют положительную коннотацию:

(be of) Scottish stock – belong to a family that lived in Scotland and were respected; be of good stock;

(the) Scottish play – a name used instead of Macbeth because the actors believe it is unlucky to say “Macbeth” [9].

Можно заметить, что именно этноним *Scottish* используется при обозначении традиционно шотландских реалий: *Scottish blackface (breed of sheep)*, *Scottish kilt (traditional clothes)*, *Scottish pie, etc.*

III. Welsh

В отношении этнонима *Welsh* не удалось установить специфической коннотации (по крайней мере, на основании исключительно анализа фразеологического фонда). Фразеологизмов с данным компонентом крайне мало:

Welsh comb – fingers of the hand;

(to) Welsh on someone / something – to renege on a bet or on agreement made with someone [8].

Остальные устойчивые словосочетания с данным компонентом представляют собой наименования характерно валлийских реалий: *Welsh black*, *Welsh cake*, *Welsh rarebit*.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что в условиях межкультурной коммуникации понимание особенностей менталитета народов мира является необходимым условием для успешного международного сотрудничества. Фразеологический фонд языка можно назвать своеобразным ключом к когнитивной деятельности представителей того или иного лингвосоциума, а культурологический анализ этностереотипов позволяет глубже понять особенности восприятия других культур тем или иным народом.

Аналогичным образом воспринимаются неоднозначно и этносы внутри многонационального государства, особенно при условии исторических противоречий между ними, как, в частности, между Англией, Ирландией, Шотландией и Уэльсом в составе Великобритании. Проведенный анализ показал, что ирландцы исторически дискредитируются как политические соперники англичан, что по-прежнему актуализирует в составе фразеологического фонда такие стереотипные характеристики, как: вспыльчивость, конфликтность, неряшливость и т. д. А для обозначения шотландцев существует несколько этнонимов: *Scottish*, *Scots*, *Scotch* – и в то время как единицы с компонентом *Scotch* характеризуются определенной негативностью, устойчивые единицы, имеющие в своём составе *Scottish*, нейтральны или имеют положительную коннотацию. Специфическая коннотация этнонима *Welsh* не была установлена в связи с крайне ограниченным количеством фразеологических единиц с данным компонентом в словарном составе английского языка.

В дальнейшем представляется перспективным рассмотрение дополнительных этнических групп для расширения полученных знаний о стереотипных представлениях в национальной картине мира английского (британского) лингвосоциума.

Библиографический список

1. Мыслительная деятельность // Электронный ресурс Интернет: <https://psyera.ru/myslitel'naya-deyatelnost-237.htm>.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Дисс. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997. 330 с.

3. Шаманова М.В. Русская коммуникативная лексика: состав, семантика, употребление. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 292 с.
4. Березович Е.Л. О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 3–18.
5. Urban Dictionary of Contemporary English // Электронный ресурс Интернет: <https://www.urbandictionary.com>.
6. English Oxford Living Dictionaries // Электронный ресурс Интернет: <https://en.oxforddictionaries.com>.
7. Dictionary of English by Merriam-Webster // Электронный ресурс Интернет: <https://www.merriam-webster.com>.
8. Free Dictionary by Farlex // Электронный ресурс Интернет: <http://idioms.thefreedictionary.com>.
9. Longman Pocket Idioms Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <https://ru.scribd.com/document/372079264/LONGMAN-Pocket-Idioms-Dictionary-pdf>.

Сведения об авторе

Колесова Кира Васильевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»,
руководитель центра языковой подготовки
НГТУ им. Р.Е. Алексеева
E-mail: kolesovakirav@gmail.com

УДК 811.111'37:821.111'18"

**КОНЦЕПТ «ПРИРОДА» КАК МАРКЕР РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ Т. ХАРДИ
«ПОД ДЕРЕВОМ ЗЕЛЕНЫМ»**

В.И. Курышева, Н.Н. Лисенкова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются концептуальные особенности региональной идентичности одного из этносов Юго-Западной Англии с позиций самоидентификации человека в природе, обусловленные такими содержательными признаками, как региональное пространство, историческая составляющая и социальный статус этнической общности.

Ключевые слова: концепт, региональная идентичность, этническая общность, модальность, оценочность.

**Concept "Nature" as a Marker of Regional Identity in the Novel by Thomas Hardy
'Under the Greenwood Tree'**

Valentina Kurysheva, Nadezhda Lisenkova

The article highlights conceptual peculiarities of a specific ethnic group through man's self-identification in nature on the grounds of regional spatial features, the historical period, and the social status of the ethnic community.

Key words: concept, regional identity, ethnic community, modality, evaluation.

В настоящее время одним из релевантных культурологических аспектов в рамках научной антропоцентрической парадигмы является кризис идентичности. Масштабная иммиграция, мультикультурализм, активация национальных меньшинств, процессы глобализации усиливают разрушение региональной идентичности и этноидентичности нации в целом. Тем не менее идентичность каждого этноса остается своеобразной, уникальной, неповторимой и закрепляется в его концептосфере.

Изучение национальной концептосферы этноса способствует идентификации другой культуры и равноправной межкультурной коммуникации [1. С. 84].

Исследуемый феномен является одним из ключевых в самоопределении человека и социума, поскольку он детерминирует способность индивида к выживанию и сохранению этнической целостности и самобытности.

Актуальность исследования определяется возрастающим интересом лингвокультурологии к проблемам региональной идентичности как индикатору соответствующей эпохи и как одной из составляющих концептуальной матрицы Англии в условиях меняющегося культурно-исторического контекста.

В этой связи правомерным представляется обращение к одному из так называемых Уэссекских романов Томаса Харди «Под деревом зеленым, или Меллстокский хор. Сельские картинки в духе голландской школы». Известно, что время Викторианской эпохи (вторая половина XIX – начало XX веков) характеризовалось столкновением старых и новых жизненных укладов, конфронтацией сельского пасторального мира и городской цивилизации. Однако в анализируемом произведении это противостояние еще недискретно. Тем интереснее выявление и описание особенностей языковой репрезентации исследуемой этнокультурной исторической парадигмы как кода, обуславливающего поведение этнической общности одного из сельских регионов патриархальной Англии данного временного интервала.

Региональная идентичность понимается как «объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самоидентичности и целостности, непрерывности во времени и пространстве» [2]. Особые содержательные признаки региональной идентичности сводятся к соотнесенности с определенной исторической эпохой, региональному пространству и населяющей его общностью [3].

Основной единицей когнитивного процесса является концепт, который определяется как сгусток культуры в сознании человека; тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, которые сопровождают слово [4. С. 43]. Структура концепта включает три компонента: понятийный, ценностный и образный [5. С. 28].

Понятийный (фактуальный) компонент сообщает фактическую информацию об объекте, детерминирует его признаковую структуру, обуславливает соотнесенность концепта с парадигмой других ментальных образований. Ценностная составляющая определяется прагматическими особенностями концепта и обеспечивает его восприятие как единицы языковой структуры сознания, фиксирующей мировоззренческие ориентиры представителей

социума. Образный компонент концепта включает вербальную репрезентацию представлений об объекте.

Целостность структуры концепта как составляющей концептосферы индивида детерминируется текстовой модальностью художественного произведения. Текстовая модальность как лингвокультурологический феномен соотносится с субъективно-оценочной модальностью, предусматривает личностное отношение говорящего к содержанию высказывания и, следовательно, исходя из антропоцентричности художественного произведения, содержит оценку. Оценочность рассматривается как вид модальности, поскольку она выражает отношение говорящего к действительности и, в отличие от фразовой модальности, выражается не только грамматическими и лексическими средствами, но и особой организацией предикативных и релятивных отрезков высказывания, актуализацией отдельных частей дискурса [6. С. 113].

Исследуемая региональная идентичность представлена сложной иерархией взаимопересекающихся ментальных образований макро- и микроконцептов. Макроконцепт понимается как концепт максимально широкого значения, который способен включать полностью или частично концепт меньшего объема значения [7. С. 13]. Таким образом, микроконцепт воспринимается как составляющая макроконцепта.

Алгоритм исследования заключается в последовательном анализе выделенных концептов и их когнитивных признаков посредством идентификации их маркеров в языке.

Одним из базовых концептов регионального романа в целом и анализируемого произведения в частности является концепт «природа». Сказанное подтверждается рамочной структурой романа, который начинается и заканчивается описанием природы. В то же время природа ассоциативно связывается с концептом «человек», поскольку человек как живое существо является частью природы, таким образом, в анализируемом произведении наблюдается своеобразное слияние человека с сельской природой.

Макроконцепт «природа» включает микроконцепты «человек-природа», «человек-сельская природа». Понятийный компонент предложенной концептуальной рамки обусловлен семным содержанием составляющей «природа», в то время как ценностный компонент определяется отношением индивида к природе, поскольку

именно человек является связующим звеном между обществом и конкретным региональным пространством и экспонирует единство выделенных макро- и микроконцептов.

Для определения содержательной парадигмы концепта «природа» обратимся к лексикографическим источникам. В русском языке «природа» обозначает совокупность всего сущего, включая и самого человека [8]. В английском языке *nature* понимается как многогранная сущность, содержащая следующие компоненты:

- *the world, the universe, with all phenomena;*
- *the elements of the natural world, as mountains, trees, animals or rivers;*
- *natural scenery;*
- *the natural world as it exists without human beings or civilization;*
- *the power underlying all phenomena in the material world* [9].

Думается, что ключевой категорией региональной идентичности является концептуальный слой «локальность» как непосредственный индикатор концепта «природа», что подтверждается следующим текстовым фрагментом:

*Jeoffrey Day lived in the depths of Yaltury Wood, which formed portion of one of the outlying estates of **the Earth of Wessex**. The wood was intersected by the highway **from Casterbridge to London** and some trees had of late years been felled between its windows and the ascent of **Yalburg Hill*** [10. P. 103].

Содержательные признаки данного концептуального слоя находят отражение в топонимах и являются индикацией территориального признака одного из аграрных регионов на юго-западе Англии.

Дискурс идентичности в анализируемом художественном тексте предусматривает прежде всего выявление и систематизацию базовых позиций в самоидентификации человека в природе:

*A single vast grey cloud **covered** the country, from which the small rain and mist had just begun **to blow down** in wavy sheets, alternatively thick and thin. The trees of the fields and plantations **writhed** like miserable men; the lowest portions of their trunks...**were rocked** by the fiercer gusts; high and erect boughs went to and fro; ...the neighbouring branches... **swept** the skies..., crossed each other, or **became entangled*** [10. P. 172].

В данном примере модальной доминантой является модус императивности по отношению к человеку (*like miserable men*). Ценностная составляющая сводится к восприятию природы как Божественного творения, как целостной системы, существующей без вмешательства человека.

Образная составляющая актуализируется употреблением глаголов физического воздействия (*covered, to blow down, writhed, were rocked, swept, crossed, entangled*), которые создают впечатление поступательного движения природы как естественного, независимого от человека начала. В этой связи концептуально значимыми оказываются также эпитеты, обособленные антонимы (*alternatively thick and thin*) и образные сравнения в конвергенции с метафорой (*the trees and plantations writhed like miserable men*), образующие определенные релятивные и предикативные отрезки.

Человек – всего лишь пассивная часть природы, которая выходит из природы и снова возвращается в нее после окончания жизни. Когнитивный признак «цикличности бытия» находит подтверждение в названии глав романа: *Part I – Winter; Part II – Spring; Part III – Summer; Part IV – Autumn*.

Many hundreds of birds had been born amidst the boughs of this single tree; tribes of rabbits and hares had nibbled at its bark from year to year; quaint tufts of fungi had sprung from the cavities of its fork; and countless families of moles and earthworms had crept about its roots [10. P. 216].

Анализируемый когнитивный признак дешифруется чередой глагольных лексем с семой «новая жизнь» (*to be born, to spring*), употреблением квантификаторов с нарастающей семой количества (*many hundreds, tribes, countless*), временного индикатора со значением повторяемости действия (*from year to year*). Концептуально значимым оказывается также употребление перфектных форм с семой итеративности действия (*had nibbled, had sprung*) как результат транспозиции категории временной отнесенности.

Осознание себя как части окружающего мира подтверждается персонификацией природы:

To dwellers in a wood almost every species of tree has its voice as well as its features ..., the fir trees sob and moan ..., the holly whistles as it battles ..., the ash hisses ..., the beech rustles [10. P. 5].

Персонафикация находит отражение в именных и глагольных лексемах, образующих тематический ряд со значением одушевленности.

Убедительными индикаторами образной составляющей олицетворения являются фонетические средства (звукоподражание и аллитерация) в конвергенции разноуровневых стилистических средств.

From a neighbouring thicket was suddenly heard to issue in a loud, musical and liquid voice – “Tippiwit! Swe-e-et! Ki-ki-ki! Come hither, come hither” [10. P. 222].

В следующем фрагменте концептуальная схема актуализируется двумя семантическими контрадикторными оппозициями: *matters of pleasure / ordinary business* и *important affairs / garden*:

It was the custom in Mellstock and its vicinity to discuss matters of pleasure and ordinary business inside the house, and to reserve the garden for very important affairs [10. P. 169].

Контрадикторность первой из упомянутых оппозиций подчеркивается наречием *very*. Использование союза *and* вместо ожидаемого *but* со значением предельности действия указывает на сквозное движение мысли, следовательно, не разрушает концептуальную структуру с положительной оценочной модальностью, лишь слегка модифицирует ее, переакцентирует и перемещает повествование в несколько иной субъектно-событийный план [11]. При этом ценностный компонент концепта (гармония человека с природой) как основополагающего для концептосферы исследуемой региональной идентичности сохраняется, поскольку индикаторы локальности (*house* и *garden*) являются частью окружающего мира (природы).

Своеобразие концептуальной парадигмы исследуемой региональной идентичности состоит в том, что объектом реализации ценностного компонента концепта оказывается церковно-приходское сообщество сельской местности, обыденное сознание которого обусловлено отношениями общины сельского региона. При этом религия всегда воспринималась как один из этноконсолидирующих факторов, значимость которого проявляется и в том, что данная концептуальная область является источником образных номинаций природных явлений. Так, стройные ели воспринимаются индивидом как колонны кафедрального собора (*dark perpendicular firs, like shafted*

columns of a cathedral) [10. P. 213]. Тень персонажа представлена как огромная величественная фигура в лучах заходящего солнца, что подчеркивает его близость к Богу: *and a certain nobility of aspect was also imparted to him by the **setting sun**, which gave him a **Titanic** shadow at least thirty feet in length, stretching away to the last in outlines of **imposing** magnitude, his head finally terminating upon the trunk of a grand old oak-tree* [10. P. 79].

Аксиологическая составляющая с высокой степенью положительной оценочности реализуется интертекстуальным вкраплением – аллюзивным эпитетом *Titanic* (*very large, strong, intelligent or important from the Titans, who in Greek mythology were the older gods*) [12] и экспликатором *sun* как необходимым позитивным атрибутом природы.

Одним из релевантных концептуальных слоев актуализируемого макроконцепта является семантическая парадигма «природа – эмоция», поскольку субъективно-модальная оценочность непосредственно отражает душевное состояние персонажа: *he was journeying, ...watching the damp slopes of the hill-sides as they **steamed up in the warmth of the sun**, which...shone up the grass **with the freshness of an occasional inspector rather than an accustomed proprietor*** [10. P. 103].

Персонаж направляется к своей возлюбленной с радостным чувством ожидания встречи с ней, что обуславливает оценочно-модальную рамку его восприятия действительности, актуализируемую последовательностью метафор и антитезой (*an occasional inspector rather than an accustomed proprietor*).

Даже при выражении отрицательных эмоций персонажа природа положительна, поскольку концептуальная система индивида детерминирована позитивной концептуальной матрицей исследуемой общины: *In the meads sheets of spider's web, almost **opaque** with wet, hung in folds over the fences, and the falling leaves appeared in every variety of **brown, green, and yellow hue*** [10. P. 195].

Персонаж испытывает отрицательные эмоции, однако модальная доминанта дискурса позитивна, поскольку оценочными модусами восприятия природы оказываются, прежде всего, прилагательные-определения со значением цветовой гаммы.

Думается, что одной из особенностей концептуальной рамки исследуемой региональной идентичности является возможность

изменения вектора оценочности при восприятии природы сельским жителем, когда отрицательная оценочность сменяется положительной.

Так, одним из привычных занятий сельчан региона был сбор орехов: *he shouldered his bag, containing quite two pecks of the finest produce of the wood, about as much use to him as two pecks of stones from the road, strolled down the wood-land track, crossed the highway and entered the homeward lane, whistling as he went* [10. P. 156].

Дары природы для сельского жителя – прекраснейшие плоды леса (*the finest produce of the wood*) – безусловно, оцениваются положительно, но герой встревожен размолвкой с любимой и воспринимает их как груды булыжников (*two pecks of stones from the road*), что указывает на отрицательную оценочность. Однако употребление безоценочной лексемы *whistling* в рамках анализируемой прагматической ситуации оказывается значимым и приводит к смене вектора оценки. Сказанное подразумевает эмоциональное переосмысление действительности.

Контексты с отрицательной оценочностью немногочисленны. Тем не менее, тенденция деструкции гармоничного существования человека и природы намечается: *O, I did wish the horrid bushes had been cut down...* [10. P. 158].

Героиня родом из сельской местности, но она проживала какое-то время в городе, получила там образование. Ее ценностные ориентиры меняются. Концептуально релевантными для экспликации отрицательной оценочности оказываются прилагательное *horrid*, лексема *cut down* с семой «разрушение», эмфатическая глагольная форма *did wish*. Используемое междометие также свидетельствует о модальности неодобрения, в то время как модальная доминанта восприятия местным жителем того же регионального пространства противоположна: *In he plunged, vanished among the bushes, and in a short time there was no sign of his existence upon earth save an occasional rustling of boughs and snapping of twigs...* [10. P. 156].

В приведенном текстовом фрагменте при организации его языковой структуры ценностная составляющая единения человека с природой актуализируется денотативными значениями выделенных лексем и поддерживается стилистической инверсией.

Ключевым словом микроконцепта «человек – сельская природа» является лексема *countryside*, семный состав которой представлен следующей парадигмой:

- *land outside towns and cities, with fields, woods and farms;*
- *the way people live in the country as opposed to in towns and cities* [12].

Анализируемый микроконцепт, безусловно, имеет свою лексико-семантическую структуру. Остановимся на таком концептуальном слое, как среда обитания (*the way people live in the country as opposed to in towns and cities*) [12]. Думается, что содержательные особенности именно этой семантической парадигмы детерминируют концептуальную матрицу анализируемой региональной идентичности, поскольку они способствуют самоидентификации человека с позиции регионального пространства и обеспечивают целостность этнической общности.

Своеобразие ценностной составляющей данного микроконцепта обусловлено пониманием природы не как Божественного творения, а как Творца [13], включающего человека в деятельность сферу. Сельский труд соотносится с практическим применением того, что производит природа, обеспечивая таким образом существование и выживание этноса.

Так, исследуемый регион в описываемый период был известен выращиванием яблок и традиционным приготовлением из них сидра. Данный ритуал был настолько значимым, что хозяин, радушно приветствуя селян, не прерывает, однако, хлопоты с напитками: *“Hullo, my sonnies, here you be, then!” said Reuben Dawy at length... He then carefully began to wind a strip... This is the cask here is a drop o’ the right sort... tis a real drop o’ cordial from the best pickled apples... The water-cider from ‘em is as good as most people’s best cider is”* [10. P. 12].

Модальная рамка актуализируется структурно организованной последовательностью прилагательных с нарастающей степенью позитивной оценочности в конвергенции с оценочными модусами, такими как наречие *carefully* и сравнительной конструкцией.

Сбор меда – также одна из важных составляющих сельского труда: *“No”, he said, tapping the hives to shake the dead bees from their cells, “if you suffocate ‘em in the new way, they come to life again, and die o’ starvation; the pangs o’ death be twice upon ‘em”* [10. P. 161].

Приведенный текстовый фрагмент показывает, какой ценой достается человеку это благо пропитания – мед. Экспликаторами концептуальной схемы являются лексемы *suffocate, die, dead*. Однако отрицательный коннотативный знак данных модусов меняется в оппозиции к контрарным антонимам *come to life* и *die of starvation*, квантификаторам *once – twice*, а также метафоре *the pangs o' death* в предложении, где форма сослагательного наклонения экспонирует маловероятные, но потенциально возможные действия.

Предложенная схема коннотативного знака подтверждается позитивной аксиологической сущностью языкового сознания анализируемой региональной идентичности по отношению к упомянутому объекту природы: *“That my bees should ha’ swarmed just then, of all times and seasons!” continued Dick, **throwing a comprehensive glance like a net over the whole auditory*** [10. P. 209].

В приведенном фрагменте оценочный модус – обособленное обстоятельство с временной константой (*of all times and seasons*) – указывает на изменение столь привычного жизненного цикла и соответственно обыденного сознания персонажа. В то же время индивид испытывает гордость за себя как рачительного пчеловода. Метафора и образное сравнение (*throwing a comprehensive glance like a net over the whole auditory*) активизируют позитивную оценочность.

Итак, концептуальная матрица исследуемой региональной идентичности с позиций самоидентификации человека в природе представлена иерархией пересекающихся концептов, ценностная составляющая которых сводится к гармоничному сосуществованию человека и окружающей среды. Понятийная парадигма обусловлена пониманием природы как Божественного творения и как Творца. Сказанное верифицируется особыми содержательными признаками, а именно, региональным пространством и социальным статусом этнической общности.

Перспективным представляется построение более сложной модели ментальной карты описываемого этноса при выявлении и систематизации лингвокультурологических признаков концепта «человек – общество».

Библиографический список

1. Ножевникова Е.Г., Проскуракова М.П. Фикциональные типажи в концептуальной картине мира и специфика их репрезентации в языке (на примере лингвокультурного типажа «волшебник») // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2018. Вып. 41. С. 83–93.
2. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. № 3. С. 216–222.
3. Маслова Н.В. Региональный роман в творчестве Джордж Элиот. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 186 с.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 91 с.
8. Новейший философский словарь // Сост. А.А. Грицанов. Минск: Книжный дом, 2003. 1280 с.
9. Webster's New Encyclopedic Dictionary. N.Y.: Black Dog & Leventhal, 1993. 1787 p.
10. Hardy T. Under the Greenwood Tree. L., 1994. 222 p.
11. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса // Электронный ресурс Интернет: <https://librolife.ru>.
12. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1780 p.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Цитадель, 1998. Т. 1. 743 с.

Сведения об авторах

Курышева Валентина Ильинична
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kvi_nn@bk.ru

Лисенкова Надежда Николаевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: vladimir.lisenkov2012@yandex.ru

УДК 811.111'373

**О СПЕЦИФИКЕ АПЕЛЛЯТИВОВ, ОБРАЩЕННЫХ К
СМЕШАННЫМ ГЕНДЕРНЫМ ГРУППАМ (НА МАТЕРИАЛЕ
АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Т.М. Наумова, Т.В. Сухарева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются социолингвистические и семантико-функциональные характеристики апеллятивов, обращенных к гендерно-смешанным группам в американском английском; особое внимание при этом уделяется апеллятиву *guys / you guys* ввиду его частой встречаемости в групповой коммуникации. Приведенные данные интернет-форумов демонстрируют растущую поляризацию американского языкового социума, вызванную идеями политкорректности.

Ключевые слова: смешанные гендерные группы, американский английский, апеллятивы, политкорректность, гендерно-нейтральный.

**Peculiarities of Terms of Address Referred to Mixed Gender Groups
in American English**

Tatiana Naumova, Tatiana Sukhareva

The article explores sociolinguistic and semantic characteristics of terms of address (TA) referred to mixed gender groups in American English with a particular focus on the “guys / you guys” vocative due to its most frequent use in group discourse. On-line forum data analyzed reveal a wide range of opinions in American society on acceptability / unacceptability of this TA due to ideas of political correctness.

Key words: mixed gender groups, American English, terms of address, political correctness, gender neutral.

В современной лингвистике разновидности этикетных форм (обращения, приветствия, прощания и т. д.) традиционно выступают в качестве индикатора и регулятора характера отношений в рамках определенного языкового социума [1. С. 65]. Апеллятивы как особого рода номинации, семантически оптимально соответствующие функциям, характерным для синтаксической позиции «обращение», безусловно, находятся в центре внимания при изучении корреляции языковой и социальной структур, поскольку выполнение социативной – контактоустанавливающей функции вводит номинации-обращения в «систему социальных установлений» [2. С. 342], превращая их в своего рода прагматическую «вставку» в высказывание.

Особая значимость апеллятивов в плане лингвистической репрезентации ключевой социальной переменной «социальные отношения» в англоговорящем социуме определяется отсутствием в английском языке *T/V* (*pronouns of power and solidarity*) оппозиции – «местоимение второго лица единственного числа *VS* местоимение множественного числа». Как известно, при обращении к одному человеку в древнеанглийском языке употреблялось местоимение *thou* (*thee*), а *ye* (*you*) – к нескольким людям (вы). В результате норманнского завоевания, которое ознаменовало собой начало мощного притока французских заимствований, *thou* было постепенно замещено на *ye* (*you*) как форма обращения к высшему по званию, а позднее – к равному. В течение длительного времени *thou* оставалось наиболее часто употребляемой формой для обращения к слугам и детям, пока в XVII веке не исчезло полностью, оставшись исключительно в поэтических и религиозных дискурсах. Утратив в результате этих языковых трансформаций прономинальную *T/V* оппозицию, *English became a most democratic language* [3].

Отсутствие, таким образом, прономинальных маркеров переменной «социальные отношения» объясняет пристальное внимание исследователей к апеллятивной системе английского языка, обеспечивающей коммуникативную эффективность.

Выбор в качестве объекта изучения вербального репертуара при апелляции к группам (количество их членов может быть от 3 до 20–30 человек) в данной работе определяется прежде всего тем, что при групповой коммуникации возникают объективные психолингвистические сложности, преодоление которых требует высокого уровня коммуникативной компетентности. Как известно, трудность языкового общения растет прямо пропорционально числу участников общения, особенно в случае, если коммуникация протекает в гендерно-смешанных группах. Выбор американского языкового социума обусловлен большей степенью «раскрепощенности», активизирующей процессы языкотворчества, с одной стороны, и влиянием парадигмы «политкорректности», с другой.

Проблема поиска оптимальных языковых средств при обращенности к гендерно-смешанным группам в американском дискурсе сопряжена с нарастающим влиянием политкорректности, постулаты которой предполагают прямой или опосредованный запрет

на употребление считающихся оскорбительными для определённых социальных групп слов и выражений (подробнее в работах Л.В. Мерзляковой (2002), Э.Р. Лассан (2006), О.П. Королевой (2009), Т.В. Романовой (2015), А.О. Кагиловой (2016)).

Как следствие, были сформулированы принципы гендерной нейтральности, подразумевающие, что в языке, государственной политике и различных социальных институтах следует избегать гендерных преимуществ в выполнении определенных социальных ролей во избежание гендерной дискриминации.

Возникший в 1990-е, преимущественно в университетской среде США, термин «гендерно-нейтральный» или «инклюзивный» язык (подробнее в работах К.С. Шарова (2010), В.О. Лисицыной, Э.К. Арутюнова (2013), Е.Э. Мацкевич, А.А. Флакман (2016, 2017), В.П. Пылайкиной (2017)) констатирует, что лингвистические категории формируют понятия и действия говорящего.

Охватившее все сферы распространение принципов гендерной нейтральности не может не затрагивать апеллятивную специфику групповой коммуникации. Наиболее рельефно палитру сосуществующих мнений можно проанализировать на примере апеллиатива *guys / you guys*, являющегося самым распространенным американским апеллиативом [4], адресованным гендерно-смешанным группам, который, впрочем, предсказуемо укоренился во всех вариантах английского языка. Так, Дж. Джохноуитц в своей работе *The you-guysing of America* (1980) квалифицирует *you guys* ни больше ни меньше как новое местоимение (второго лица множественного числа) и считает его появление в языке наиболее судьбоносным со времен У. Шекспира (здесь и далее перевод наш – Т.Н., Т.С.). Ср.: *An extraordinary change has taken place in American English. Suddenly, we have a new pronoun: you guys. You was once either singular or plural. But, about two years ago, millions of people stopped using you as a plural. When they addressed two or more people, they began saying you guys instead of you, whether the people addressed were, in fact, guys or not. This most remarkable development, which happened without anyone's noticing, is the biggest thing to hit the English language since the time of Shakespeare (1564–1616) [3].*

Не разделяя столь высокую лингвистическую значимость появления *you guys* в языке, авторы работы считают в то же время возможным констатировать объективную потребность в создании

лексического аналога исчезнувшему местоимению второго лица множественного числа, столь явно необходимого в групповой коммуникации. Региональные разновидности: *Y'all* (стяженная форма от «*you-all*»), *yous / youse*, *you-ones* – являются менее употребительными, поскольку *you-all* имплицитно маркирует региональную принадлежность (юг США), *youse* – стигматизированность (принадлежность к низшему классу), *you-ones* – архаичность и провинциальность. В последнее время, однако, как явствует из результатов исследования диалектных вариантов, ареал употребительности *y'all* и *you all* продолжает расширяться [5]. Представляется, что растущая популярность *y'all* может быть обоснована произносительной комфортностью и отсутствием гендерной маркированности, что и требуется для современных американских апеллятивов. Также словари фиксируют наличие таких региональных вариантов, как *yinz*, *you-uns* [5].

Этимология нарицательного существительного, а впоследствии и апеллятива, восходит к участнику Порохового заговора в 1605 г. в Лондоне Гаю Фоксу (*Guy (Guido) Fawkes*), который, не сумев зажечь фитиль, ведущий к наполненному порохом помещению под палатой лордов в Лондоне, был арестован. Во время казни ему удалось спрыгнуть с эшафота с накинутой петлёй и сломать себе шею, таким образом избежав следующих этапов мучительной казни. Впоследствии *guy* стало обозначать чучело Фокса, сжигаемое в Ночь Гая Фокса, которая отмечается во многих англоязычных странах 5 ноября, затем – человека отнюдь не с благими намерениями, гротескно одетого. Проникнув в американский вариант, нарицательное существительное утратило негативные и приобрело позитивные коннотации [6].

Лексикографические источники фиксируют закрепленное на уровне системы употребление в отношении гендерно-смешанных групп:

you guys – *informal, plebeian, all-American term used to address more than one person, without regard to the sexes of the addressees* [7];

you guys – *usually means a group of men or a mixed-gender group, since describing a group of women as “guys”* [8].

Представляется, что апеллятивная популярность *guys / you guys* является следствием целого комплекса причин.

Во-первых, у многих лингвистов есть понимание того, что маскулинная маркированность характерна для *guy/guys* в качестве референтных имен, т. е. при упоминании об объекте в третьем лице, в то время как апеллятив *guys/you guys* лишен маскулинной маркированности, являясь, таким образом, гендерно-нейтральным, задействованным в том числе при апелляции к чисто женским группам. Ср.: *The noun **guy** remains masculine. Only the pronoun **you guys**, or its shortened vocative form, **guys**, is common gender* [3], также *Addresses like **Hey guys** or just **Guys** are widely felt to be gender-neutral; set phrases like **good guys** are less so; usages like **those guys** shift even more subtly male-ward; singular **a guy** and **the guy** are markedly male* [9].

Во-вторых, семантика *you guys* (с учетом того, что *marked for familiarity than for masculinity, maintaining some vestiges of youthfulness and relevance* [7]) имплицитно устанавливает установку на социальное равенство, нивелирование различий в статусных характеристиках (акцентирование параметра «солидарность»), определяя, как нам кажется, высокую степень частотности употребления апеллятива. «Демократичность» подобной апелляции позволяет успешно преодолевать трудности, неизменно возникающие при групповой коммуникации [10. С. 121].

В-третьих, *you guys* характеризуется краткостью и произносительной комфортностью, что особенно важно для обращений.

В-четвертых, употребление *everyone, everybody, team, peeps, people, folks, fellows* при обращении к смешанным гендерным группам зафиксировано как на уровне системы, так и узуально, но носит ограниченно-локальный характер. Ср.: *“Come on, people” sounds brusque. “Come on, guys” sounds encouraging* [11].

Последователи гендерной нейтральности яростно критикуют подобную словоупотребительную практику. Интернет-сообщество активно дискутирует приемлемость данной формы апелляции как к гендерно-смешанным, так и чисто женским группам. Для выявления спектра мнений касательно *guys/you guys* были проанализированы гостевые книги 4-х интернет-форумов, содержащие в общей сложности свыше 430 сообщений (постов). Основные аргументы «против» сводятся к следующему.

1. Дискриминирование женщин маскулинной маркированностью: *Male-centric language consistently reinforces the*

*idea that women are an inferior subcategory of humankind (or as it's often called, **mankind**) [12].*

2. Наличие фемининно-маркированных аналогов: *I think "gals" is the feminine version of "guys" [13].*

3. Агрессивное самоутверждение в борьбе за равноправие: *Women in the US have not even had the right to vote for 100 years, and sexism still runs rampant throughout the world. Why are we as women not willing to defend equality in speech? Why are we women willing to let ourselves be erased? / And for sake of equity, if we really want to achieve equality, forget the bloody "hey guys, thank you guys etc." / Guys, is an overused and improperly used term. I am a woman and have fought hard to be treated equal...so do not call me a guy / I wish people would stop being lazy, disrespectful and insensitive and just stop using "you guys" to include girls [12].*

4. Неупотребительность других маскулинно-ориентированных апеллятивов при обращении к женщинам как доказательство неприемлемости *you guys: If **you guys** is gender neutral then why not take it further by calling everybody men, gentlemen, dudes, brothers, fellows and males???* [13].

5. Возможность реализация адресатной функции только при помощи местоимения *you: Grammatically, you don't need the second word in many places where this phrase is used. Wait staff taking your order: "What would you like tonight?" Your friends: "What movie would you like to see?" A group of people you're thinking about joining wherever they're heading: "Which way are you going?" Two women to whom you're giving an award: "Congratulations to both of you."* [12].

6. Наличие региональных гендерно-нейтральных апеллятивных вариантов, например *you all / yall: If you are visiting or moving to Texas please RESPECT our geographic dialogue by RESPECTING women as we find it highly offensive being stereotyped. What's wrong with referring to a group of people as "yall" like we do in Texas? I personally find that referring to women as "guys" is highly offensive and stereotyping [14].*

Мнения их оппонентов могут быть суммированы следующим образом.

1. Очевидность гендерно-нейтральной семантики *you guys* при обращении как к смешанным, так и женским группам: *I've lived in California my entire life, and have always known "guys" to be a gender-*

neutral pronoun. I'm a feminist, and personally, "you guys" doesn't offend me. Hundreds of you took the survey on my insta story, and 80 % of you agree with me [12].

2. Языковая привычка: *I know I should STOP saying you guys.... but I really don't want to. It's such a natural part of language [14].*

3. Необходимость практиковать языковую гибкость: *I wouldn't use it if I knew someone found it offensive. Maybe we just need to ask what someone's preferred term is? [12].*

4. Искусственное раздувание истерии, приведшей к социальным последствиям (иски о сексуальных домогательствах, стоившие карьеры многим знаменитостям; принятие запретительных законодательных актов, резонансные публичные заявления и др.): *Today we live in a world where the lens is more important than the content or the intent... especially when it's intentionally misused or abused to advance a political agenda. This is how Critical Theory went from being a somewhat useful tool to an all-destroying social weapon of mass destruction [14].*

Таким образом, оживленная дискуссия по социолингвистическим и функционально-семантическим особенностям апеллятивного репертуара при обращении к смешанным группам в американском варианте английского языка лишний раз доказывает тот факт, что феминистские попытки трансформировать язык, сделав его гендерно-нейтральным, видятся утопичными и нелепыми, хотя, безусловно, и приносящими сомнительные краткосрочные дивиденды в виде политкорректного цензурирования, введения запретов на публикации неполиткорректных произведений. Язык – живая, самообновляющаяся система, развивающаяся по законам семиотики, а не по навязываемым извне законам гендерной нейтральности.

Библиографический список

1. Романовская Л.В. Фатические метакоммуникативы в дискурсе англоязычных интервью // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 44. Н. Новгород, 2018. С. 60–73.

2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 382 с.
3. Jochnowitz G. The You-Guysing of America (1980) // Электронный ресурс Интернет:<http://www.jochnowitz.net/Essays/The-you-guysing-of-America.html>.
4. Lester N.A. "You Guys"? // Teaching Tolerance, July 9, 2014 // Электронный ресурс Интернет: <https://www.tolerance.org/magazine/you-guys>.
5. Dictionary.com // Электронный ресурс Интернет: <https://www.dictionary.com/e/you-guys/> You Guys: Is There A Better Option?
6. Фокс, Гай // Электронный ресурс Интернет: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%BE%D0%BA%D1%81,%D0%93%D0%B0%D0%B9>.
7. UrbanDictionary // Электронный ресурс Интернет: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=you%20guys>.
8. Wikidif // Электронный ресурс Интернет: <https://wikidiff.com/friend/guy>.
9. Carey S. How gender neutral is 'guys' really? // Slate, February 10, 2016 // Электронный ресурс Интернет: <https://slate.com/human-interest/2016/02/the-gender-neutral-use-of-guys-is-on-the-rise-but-it-s-a-slow-rise.html>.
10. Сухарева Т.В. Коллоквиальные апеллятивы в американском варианте английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1995. 137 с.
11. Nunn G. // The Guardian, June 10, 2016 // Электронный ресурс Интернет: <https://www.theguardian.com/media/mind-your-language/2016/jun/10/you-dont-like-being-called-guys-come-on-people>.
12. Brainsoverblonde // Электронный ресурс Интернет: <https://brainsoverblonde.com/you-guys/>.
13. Daily mail // Электронный ресурс Интернет: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-6014517/Feminists-declare-guys-NOT-used-term-address-groups-men-women.html>.
14. McKean E. Hey Guys! Yes, Ladies, This Means You // Boston Globe, March 21, 2010 // Электронный ресурс Интернет: <http://languagelog.ldc.upenn.edu/nll/?p=2200>.

Сведения об авторах

Наумова Татьяна Михайловна
кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка
факультета английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: tmnow@yandex.ru

Сухарева Татьяна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой английского языка
факультета английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: tvsu2009@yandex.ru

УДК 81.39

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Т.Г. Попова, Е.В. Саушева

Военный университет Министерства обороны РФ, Москва

Статья посвящена рассмотрению ряда факторов, влияющих на формирование национального характера. Описывается историко-природная составляющая, которая обуславливает зависимость национального характера от той или иной конкретной исторической ситуации. Культурно-лингвистический фактор, по мнению автора статьи, активно проявляется через язык, религию, искусство и науку. Третьим важным фактором, который играет важную роль в формировании национального характера, является социально-этическая составляющая, включающая в себя почти все сферы жизни народа с двойственной природой. В статье подчеркивается, что наиболее ярко и разносторонне национальный характер проявляет себя в национальной культуре того или иного лингвокультурного сообщества, поскольку именно национальная культура выражает этническое своеобразие народа.

Ключевые слова: национальный характер, коммуникация, культурно-лингвистический фактор, социально-этический фактор, историко-природный фактор, речь, картина мира, сознание, язык.

Factors Influencing the Formation of a National Character

Tatiana Popova, Elena Sausheva

The article examines a range of factors that influence the formation of a national character with a special emphasis on the historical, natural, cultural, linguistic, and socio-ethical background of any given nation. The author defines three such factors and postulates that, due to *the historical-natural factor*, the national character will depend on the nation's specific historical situation; the *cultural-linguistic factor* is actively manifested through language, religion, art, and science; while *the socio-ethical factor* includes almost all spheres of life of a people with a dual nature. The article suggests that the most diverse and original expression of the national character can be observed in the national culture of a particular linguistic cultural community, since it is the national culture that expresses the ethnic uniqueness of any given people.

Key words: national character, communication, cultural-linguistic factor, socio-ethical factor, historic-natural factor, speech, picture of the world, consciousness, language.

В настоящее время можно говорить о том, что «лингвистика приобрела свою новую динамику, «общий вектор» которой направлен в сторону расширения границ лингвистических исследований и смещения акцентов на человеческий фактор в языке» [1]. Действительно, «когнитивные процессы интеграции, происходящие в современной науке, ведут к объединению естественных и

гуманитарных знаний, к созданию не только новых научных направлений, но и целых отраслей научного знания» [2].

Отношение к языку при его исследовании основывается на аспекте человеческой деятельности. Предметы и объекты языковедческих исследований анализируются, отталкиваясь от их значимости для человека, и, таким образом, мы можем констатировать, что антропологическая лингвистика представляет собой интегральную науку, рассматривающую «человека в языке» во всех его проявлениях.

Как отмечает Е.Г. Князева в своем исследовании, посвященном механизмам речевого акта в лингвокогнитивном аспекте, использование языковых средств в речевом акте «зависит от целого ряда факторов, среди которых в первую очередь следует отметить разнообразие способов речевого общения в вербальном отражении подаваемой информации» [1. С. 114].

Таким образом, язык, на котором мы говорим и на основе которого мы думаем, имеет колоссальное влияние на формирование национального характера представителей того или иного лингвокультурного сообщества. Следовательно, язык является фактором, влияющим на формирование национального характера.

Для того чтобы ответить на вопрос, от чего зависит формирование национального характера, важно провести анализ ментальной модели действительности, «отраженной в языке, овладеть которым – значит овладеть специфическим образом мышления» [3; 4; 2; 5]. Таким образом, мы, соответственно, приходим к выводу о том, что мыслить о мире можно только в выражениях того или иного конкретного языка, пользуясь его концептуальной сетью.

Человеческая коммуникация имеет место в пределах той или иной определенной культуры с использованием того или иного этнического языка, а также той или иной языковой картины мира. Сознание представителя любой лингвокультуры формируется в процессе овладения определенной национальной культурой на основе собственных ей образов и представлений. Национально-культурные факторы соответственно существенно влияют на элементы языкового кода каждого идиоэтнического языка, формирующие языковые картины мира и отличающиеся от концептуальных картин мира.

Попадая в другую национально-культурную и языковую среду, человек попадает в другой мир ценностей и правил, а также норм

общения, которые необходимо знать и учитывать для полноценного общения с представителями других лингвокультур. Именно на основе правил проще выстроить систему «грамматики» самобытности народа.

Термин «правило» в данном контексте используется в широком смысле. Поиск таких правил неизбежно влечет за собой попытку понять и охарактеризовать культуру народа, т. е. совокупность моделей поведения, традиций, образа жизни, идей, верований и ценностей той или иной социальной группы.

Язык, являясь средством общения людей, представляет собой систему знаков особой природы, выступающих основным инструментом выражения мысли и средством общения людей между собой. Язык понимается нами как условие для осуществления мышления и как средство, позволяющее хранить и передавать мысли, уже сформулированные в процессе мышления.

Стремительное развитие новых технологий, в том числе информационно-коммуникативных, а также интеграционные процессы в экономике, политике, науке, образовании способствуют взаимопроникновению культур. Представляя собой определенный способ восприятия реальности, каждый язык по-своему членит мир в соответствии с установившимися языковыми нормами. В нем находят свое отражение историческое развитие этноса, нравы и обычаи народа, культурные традиции, которые преломляются и видоизменяются на каждом новом этапе развития данной лингвокультурной общности.

В этой связи можно вспомнить перечень «общекультурных универсалий» – обычаев, традиций, верований и т. д., присущих всем человеческим обществам. Однако необходимо отметить, что основные ценностные установки передаются из поколения в поколение, воспроизводя законы общенародного менталитета.

В настоящее время можно наблюдать усиленный поиск духовных опор в языке: предпринимаются попытки через язык по-новому осмыслить прошлое, осознать свое место в настоящем. В связи с этим необходимо отметить, что представления о языке неотделимы от представлений об отношении человека к миру в ту или иную эпоху, от характерного для нее миропонимания.

То, что возможны коммуникация и взаимопонимание людей, говорящих на различных языках и принадлежащих к различным

культурам, свидетельствует как о наличии общечеловеческого бытийного базиса, являющегося инвариантом жизнедеятельности людей, так и о высокой степени взаимопроникновения и взаимообогащения культур различных народов.

Нами выделяются три основных фактора, которые влияют на формирование национального характера: историко-природный фактор, который обуславливает зависимость национального характера от той или иной конкретной исторической ситуации. В этом контексте в качестве примера назовём контакты с другими народами, природные и климатические условия и так далее и тому подобное. Вторым фактором, который оказывает весьма существенное влияние на формирование национального характера, является культурно-лингвистический фактор, проявляющийся через культуру, язык, религию, искусство и науку.

И, наконец, третьим фактором, играющим важную роль в формировании национального характера, является социально-этический фактор, который включает в себя почти все сферы жизни народа с двойственной природой. Говоря другими словами, речь здесь идет о самых разнообразных общественно-политических структурах.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что на становление национального характера влияют самые разнообразные исторические события, что находит свое отражение в культуре и самобытности народа и при этом видоизменяется от одной эпохи к другой.

При понимании национального характера мы опираемся на исследование В.В. Ощепковой [6. С. 186–187], в котором подчеркивается устойчивый комплекс специфических для данной культуры ценностей, установок, поведенческих норм.

Доминантные особенности народов проявляются кроме всего прочего и в различных видах национального искусства: живописи, изобразительном искусстве, музыке и т. д. В этой связи И.С. Кон в своей работе, посвященной особенностям национального характера, особо подчеркивает важность целостности миропонимания людьми и отмечает следующее: «Какие темы освещаются в искусстве, как трактуются различные стороны общественной и личной жизни, какова символика художественных образов – все это представляет собой некоторую целостность, расшифровка которой говорит многое о характере народа, создавшего соответствующее искусство» [7. С. 137–138].

С.Г. Тер-Минасова в качестве важных источников, оказывающих существенное влияние на национальный характер, особо выделяет сказки, анекдоты, национальную классическую культуру, фольклор, или устное народное творчество, а также национальный язык [8. С. 146–147]. Таким образом, через язык и культуру происходит как формирование, так и отражение характера и привычек носителя того или иного языка, поскольку именно культура и язык являются самыми яркими и объективными показателями характера и самобытности представителей той или иной лингвокультуры.

Отметим, что мы понимаем национальный характер как важную культурную норму с кодом декодирования и считаем, что культурная норма имеет место в национальных традициях, влияющих на ту или иную конкретную модель поведения представителя того или иного лингвокультурного сообщества. Так, например, австралийцу характерна выстраданная форма самокритики, когда ему и не хочется критиковать себя, однако коммуникативные паттерны требуют от него такого речевого поведения. Не случайно, что даже премьер-министр не может избежать участи освистывания во время его дебатов с оппонентами или во время его публичных выступлений.

Если говорить о канадцах, то их основным коммуникативным паттерном является общительность. И не в последнюю очередь следствием проявления такой национальной черты представителем канадской лингвокультуры является открытое, прозрачное и терпимое канадское общество. При общении с франкоязычными канадцами важно проявлять эмпатию, открытость, а также разумный компромисс, направленный на то, чтобы создалась ситуация, в которой бы выигрывали все участники коммуникативного акта.

Что касается культурной формы коммуникативного поведения представителя датской лингвокультуры, то отметим, что датчанин говорит довольно быстро, но не очень громко и без проявления особо сильных эмоций. Среднестатистический представитель датской лингвокультуры достаточно немногословен, говорит по существу, но довольно активно перемежает свою речь шутками и прибаутками.

Таким образом, если говорить о национальном характере датчанина, то необходимо отметить, что культурным фактором коммуникативного общения представителя датской лингвокультуры является умение продумывать свое коммуникативное поведение, что

выражается в его умении слушать и приводить разумную аргументацию как базис для перспективного ведения беседы.

Небезынтересно привести в качестве сравнения с датскими культурными коммуникативными особенностями норвежские культурные факторы, имеющие влияние на коммуникативный акт. В национальном характере норвежца нет активного проявления своих ценностей перед широкой публикой. Представители норвежской лингвокультуры наряду с представителями финской лингвокультуры заслуженно считаются самой скромной в речевом поведении, немногословной европейской нацией. Однако отметим, что норвежцы достаточно ревниво относятся к похвале шведов: ещё одно доказательство важной роли историко-природного фактора, влияющего на формирование национального характера.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее полно и всесторонне национальный характер проявляется именно в национальной культуре. Действительно, именно национальная культура выражает этническое своеобразие народа. Ведь благодаря культуре раскрывается содержание и особенности национального характера, в котором, в свою очередь, находят отражения достижения общечеловеческой культуры. Образ мира, который складывается у носителей разных языков и культур в процессе постижения ими его многообразия, накладывает отпечаток на язык. Логика национальных языков включается в процесс интерпретации и вербальной трансляции жизненного опыта.

На различия этнических общностей и проявления этнических стереотипов оказывает влияние несхожесть национальных характеров. Действительно, сформировавшись, стереотипы переходят из поколения в поколение и являются исходной предпосылкой для оценки национального характера [4].

Подтверждение нашим мыслям мы находим и в работах Л.И. Жуковской [9; 10], где ученый детально исследует когнитивные признаки и смысловой объем концепта «менталитет / ментальность» в современном русском языке (по данным научных, энциклопедических и лексикографических источников), а также подробно рассматривает языковую экспликацию концепта «менталитет / ментальность» в русском языке последних лет (по данным Национального корпуса русского языка). Все это еще раз подтверждает идею о том, что язык

представляет собой основу национальной и индивидуальной идентичности [11. С. 6; 12. С. 23–27; 13].

Ценность как культурологическая категория языка также оказывает большое влияние на формирование национального характера. В сознании современного человека сталкиваются две различные исторические традиции. Первая отражает ценности, идеалы и представления людей, сложившиеся как формы исторического опыта бытия в мире и образующие ядро сознания человека, т. к. именно это ядро и есть концептуальная картина мира, которую человек осваивает с языком. Другая историческая традиция обусловлена системой научного знания, которая не появилась одномоментно, а развивалась в течение всего периода становления народа.

По мнению Г. Риккерта, благодаря введению в научный обиход понятия «ценность» можно рассчитывать на возможность отличить культурные процессы от явлений природы, а также выделить из множества индивидуальных предметов действительности нечто цельное, при этом отделив нечто существенное от несущественного [14. С. 315].

Г. Риккерт подчеркивает, что «лишь отнесение к ценности определяет величину индивидуальных различий. Благодаря чему мы замечаем один процесс и отодвигаем на задний план другой процесс. Ни один историк не интересовался бы однократными и индивидуальными процессами, если бы эти процессы благодаря их индивидуальности не находились в отношении к политическим, эстетическим или другим общим ценностям» [14. С. 316]. Далее, развивая свою идею о категории ценности, Г. Риккерт особо подчеркивает то, что о ценностях «нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только, что они значат или не имеют значимости» [15. С. 98].

Мы полагаем, что, рассматривая категорию ценности как культурологической проблемы, необходимо учитывать аксиологическую сторону проблемы. Подтверждение нашим мыслям мы находим также и в работе В.И. Карасика [16], где подчеркивается, что для получения более адекватной картины представления ценностей в языке (и, соответственно, в структуре языковой и коммуникативной личности) целесообразно учитывать наряду с оценочной и номинативной сторонами и собственно аксиологическую

сторону проблемы, так как «с позиций аксиологической лингвистики на первый план выдвигаются прагматические характеристики знака, его многообразные отношения с интерпретатором. Важнейшей из этих характеристик является вложенная в знак программа его интерпретации, культурно-смысловый ген передаваемой переживаемой информации».

Это действительно очень важно, поскольку «осмысливаемые таким образом знаки – символы – выступают в качестве носителей аккумулированного коллективного опыта». Что касается символического прочтения знака, то оно представляет собой «высшую ступень семиотического освоения реальности и системно дополнено другими модусами семиозиса – прямым, эмблематическим и аллегорическим осмыслением информации» [16].

Необходимо отметить, что категория ценности связана с понятием «выбор», которое является неотъемлемой культурологической сферой деятельности человека. Действительно, человек постоянно оценивает, действует и выстраивает свое поведение на основе оценки окружающей его реальности в соответствии с ценностно-смысловым пространством своего родного языка.

В ценностной картине мира того или иного этноса имеет место наличие наиболее важных и значимых для той или иной этнокультуры культурных смысловых доминант. Эти доминанты в лингвокультурологии определяются в качестве концептов. В этой связи приведем ссылку на исследование Ю.С. Степанова [17. С. 57], который относит лингвокультурологические концепты к константам культуры.

Таким образом, рассмотрев факторы, влияющие на формирование национального характера, мы приходим к заключению о том, что преемственность в культуре обеспечивает сохранение норм, обычаев и традиций и, следовательно, мы можем говорить о том, что имеет место устойчивость отвечающих им элементов национального характера. Но неизбежность изменения национального характера обуславливается тем важным обстоятельством, что далеко не все традиции сохраняются в процессе развития культуры.

Библиографический список

1. Князева Е.Г. Лингвокогнитивные механизмы речевого акта // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 2. С. 114–116.
2. Попова Т.Г., Мингалева О.В., Аникеева И.Г. Метафора как ассоциативный механизм и объект интерпретации и восприятия речи // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 4. С. 141–144.
3. Попова Т.Г. О важности вычленения объема составляющей культуры // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: Материалы международной конференции. М.: РУДН, 2006. С. 428–436.
4. Попова Т.Г. Роль основных типов культур в международном бизнесе // Язык и текст: структура, дискурс, перевод. М., 2015. С. 132–134.
5. Попова Т.Г., Мингалева О.В. Экстралингвистические знания как компонент речевой коммуникации // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 1. С. 124–127.
6. Ощепкова В.В. Учебное пособие по страноведению США. М.: Новая школа, 2004. 205 с.
7. Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971. 342 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М.: Слово, 2000. 284 с.
9. Жуковская Л.И. Когнитивные признаки и смысловой объем концепта «менталитет / ментальность» в современном русском языке (по данным научных, энциклопедических и лексикографических источников) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 261–265.
10. Жуковская Л.И. Языковая экспликация концепта «менталитет / ментальность» в русском языке последних лет (по данным Национального корпуса русского языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 402–405.
11. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2016. 328 с.
12. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: ЯСК, 2017. 592 с. (Язык. Семиотика. Культура).
13. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115.

14. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
15. Алексеев П.В. Социальная философия: учебное пособие. М.: ТК Велби, 2003. 256 с.
16. Карасик В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2012. Вып. 1 (39). С. 43–50.
17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Сведения об авторах

Попова Татьяна Георгиевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английского языка
Военного университета Министерства обороны РФ,
действительный член РАН,
почетный работник сферы образования
E-mail: tatyana_27@mail.ru

Саушева Елена Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка
Военного университета Министерства обороны РФ
E-mail: helen25@yandex.ru

УДК 811.112.2'373.612.2

**ПЕРЦЕПТИВНАЯ СФЕРА «ЗАПАХ» КАК ИСТОЧНИК
МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Н.Ю. Шнякина

Омский государственный педагогический университет, Омск

В настоящей статье рассматривается роль перцептивного опыта человека для осознания сущностей, не данных ему в непосредственном наблюдении. В качестве исходного материала для формирования языковых выражений, описывающих такие сущности, выступает перцептивная сфера «запах», представленная словами различных частей речи. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о схожести обонятельных ощущений с некоторыми мыслительными операциями: идентификацией объекта и его оцениванием.

Ключевые слова: перцептивный опыт, ольфакторный признак, метафора, сфера обоняния, абстрактные существительные.

**The Perceptual Sphere “Smell” as a Source of Metaphoric Transfer in Modern German
Natalia Shnyakina**

The article considers the role of a person's perceptual experience in understanding entities that are not given to her through direct observation, taking as an example the perceptual sphere of “smell” and looking at its linguistic representation in various parts of speech. The analysis enables the author to draw a conclusion about the similarity of olfactory sensations with some mental operations, namely: identification of an object and its evaluation.

Key words: perceptual experience, olfactory feature, metaphor, sense of smell, abstract nouns.

Перцептивная сфера «запах» часто является источником метафорических переносов в другие сферы, не связанные с эмпирическим познанием. В настоящей статье предпринимается попытка описания закономерностей объективацией знаний об абстрактных объектах действительности с помощью ольфакторной лексики. Изучение данного аспекта предполагает решение следующих задач: во-первых, представить обзор работ, в которых отражается специфика языковой фиксации обонятельных ощущений; во-вторых, выявить и описать группы объектов, характеризующихся с помощью этой лексики; в-третьих, объяснить основания метафорических переносов из сферы «запах» в другие сферы.

Специфика вербализации ольфакторной информации неоднократно становилась предметом изучения в лингвистических

работах. На материале различных языков учёные описывают знания о запахе как содержание, вербализованное различными средствами.

Существуют исследования, в которых эти средства рассматриваются как конституенты семантического, лексико-семантического или функционально-семантического поля [1; 2; 3; 4].

Также зачастую знания об ольфакторном признаке представляются как смысловое наполнение различных ментальных форматов: категории, концепта, категориального концепта, фрейма. Так, например, в работе Д.Н. Галлерт в лексикографическом и дискурсивном аспектах изучаются субстантивные языковые экспликации обонятельных ощущений, составляющие ядро категории «запах» [5]. В работе И.А. Котеневой на аналогичном языковом материале выделяются концептуальные основы выражения такого знания: онтологический аспект, отражающий признаки ольфакторных признаков, и гносеологический аспект, связанный с пониманием данного ощущения как перцептивного феномена [6. С. 129–130]. Л.Ф. Брылевой запах наряду с прочими видами ощущений рассматривается как перцептивный концепт, репрезентирующий знания человека об обонятельном канале; точка зрения автора состоит в том, что слова различных частей речи объективируют различные аспекты ольфакторной перцепции: сами признаки, психические, физические и эмоциональные реакции человека на запахи и т. д. [7. С. 20]. Попытка моделирования ситуации ольфакторной перцепции предпринимается в работе [8]. Знания о запахе рассматриваются Т.М. Матвеевой как категориальный концепт: исследование касается способов описания тонких ольфакторных оттенков вина в сфере профессиональной дегустации с использованием «колеса ароматов» [9. С. 120]. Концептуальные исследования сферы ольфакторного восприятия предпринимаются также в работах [10; 11]. Т.И. Бельская описывает запах как опорный концепт парфюмерного дискурса; на основе текстов «парфюмерной» направленности изучаются лингвокультурные характеристики концептов «запах» и «духи» [10]. А.А. Колупаевой предлагается модель изучения концепта «запах»: в результате анализа средств его объективации выделяются центр и периферия [11]. Анализ лингвистических работ об обонятельных ощущениях показал, что предметом исследования также может быть культурная специфика знаний об ольфакторном канале восприятия, выявляемая на основе

литературных произведений [12]. Кроме того, многими учёными признается значительный потенциал «обонятельных» лексем для выражения оценки и метафорических значений в областях, не связанных с обонянием, а также демонстрируются особенности метафорического конструирования обонятельной сферы единицами в переносных значениях [13; 14; 15].

Для исследования закономерностей метафорического описания абстрактных объектов с помощью «ольфакторной» лексики в настоящей статье были проанализированы языковые фрагменты, содержащие существительные *der Geruch, das Aroma, der Duft, der Gestank*, глаголы *riechen, duften, stinken, schnüffeln, schnuppern*. В зависимости от семантики существительного, номинирующего объект в результате метафорического переноса «обладающий запахом», фрагменты были распределены на несколько групп. Их разнообразие определяется спецификой абстрактных объектов и их вхождением в «невидимый мир», структурированный в работе Л.О. Чернейко посредством анализа субстантивных средств объективации знания [16]. Данная классификация фрагментарно используется в настоящей статье.

Первую и наиболее объёмную группу абстрактных существительных представляют собой обозначения ситуаций, проявления которых осознаются и описываются человеком по аналогии с запахом, благодаря которому представляется возможным идентификация объекта познания. Отношение к этим ситуациям выражается путём использования в контексте нейтральных или оценочно маркированных «обонятельных лексем».

«Запах» плохих жизненных условий, угрожающих благополучию человека, понимается как некий неуловимый знак, сигнализирующий о возможном негативном исходе. Наиболее часто ольфакторная лексика используется для выражения изменений в политической и экономической сферах:

- *Wegen dieser kitschigen Sehnsucht nach dem Gefühl von damals, als wir jung waren und es nach Aufbruch und ein bisschen auch nach **Rebellion** roch* [17];

- *Sollte Europa eines Tages untergehen – und nach **Untergang** riecht es! –, dann liegt nach einem Fernsehabend mit Kisseljow die Vermutung nahe, dass Angela Merkel daran schuld sein wird* [18];

- *Selbst der Gestank der **Steuerhinterziehung** kann den Mief der Aufdeckungsmethode nicht überdecken* [19].

Интересно, что сомнительная ситуация (коррупция, обман) описывается носителем языка как распространяющая неприятный запах и даже вонь, что отражает негативное общественное мнение по отношению к явлениям такого рода:

- *„Der Fisch **stinkt** in Sachsen vom Kopf her“, sagt Grünen-Chef Cem Özdemir* [20];

- *Trump ist Don Bizarro, Clinton wird den Geruch der **Korruption und Verlogenheit** nicht los* [21];

- *Das Amateurboxen **stinkt** von der Basis bis zur Spitze* [22].

Предчувствие грядущих позитивных перемен, в том числе возможности совершения выгодной сделки или получения прибыли, сходное с восприятием запаха объекта, описывается с помощью перцептивной лексики:

- *Es riecht schon nach **Überraschungen*** [23];

- *Sie haben den üblen Geruch des malayischen **Gelds** mit einem süßlich-orientalischen Parfüm verwechselt* [24].

Достаточно частотны подобные языковые объективации в сфере спорта; они встречаются при описании радостных эмоций спортивных побед или новых установленных рекордов:

- *Die Zuschauer reißt es von den Sitzen, der Geruch von **Sieg** liegt in der Luft* [25];

- *Debütant Link schnupperte kurz an **Bronze**, beendete den Wettkampf als Fünfter* [26].

Кроме того, следует отметить случаи, в которых восприятие запаха сравнивается с погружением человека в определённую предметную область:

- *Trappl schnupperte ein wenig **Mathematik**, landete schließlich bei Psychologie* [27];

- *Ich bin froh, dass ich **Arbeitsluft** schnuppere und dabei viel über mich selbst lerne* [28];

- *Er schreibt so ganz und gar nicht mit dem bekanntberühmtesten rhetorischen Aroma der **Politikwissenschaft** ...* [29].

Вторую группу образуют абстрактные существительные, описывающие отношения между людьми. С одной стороны, в неё входят номинации, отражающие знания человека о власти и

подчинении; ситуация обладания властью в этом случае сравнивается с объектом, распространяющим запах:

- *Dennoch sind Politik und der Geruch der Macht faszinierender* [30];
- *Zum Drogenhandel gehört der Geruch von Gewalt* [31].

С другой стороны, признак, характерный для определённого рода отношений к другому человеку или явлению, также фиксируется в языке как «запах» этого отношения: *Als ich in Frankreich eintraf, konnte ich die Frauenfeindlichkeit förmlich riechen* [32].

Оценочные суждения, касающиеся описываемых реалий, проявляются в выборе маркированных номинаций: как правило, негативное отношение автора сопровождается словами *der Gestank, stinken*:

- *Es mag sein, dass der Gestank nach Menschenverachtung und Kumpanei ... überall vorkommen könnte* [33];
- *„Was jedoch gewaltig stinkt, ist die gesellschaftliche Einstellung gegenüber Leistungssport“, sagt er* [34].

В данную группу входят также существительные – номинации общественных явлений и течений, представляющие собой декларированную систему отношений к реальности и к другим членам человеческого сообщества:

- *Howards Vorstoß rieche „nach Chauvinismus aus dem 19. Jahrhundert“* [35];
- *Bekanntlich war „Heimat“ in Deutschland jahrzehntelang ein kontaminierter Begriff mit dem Geschmack von Blut und Boden und dem Geruch von Rassenreinheit (Schüle Ch. Heimatkunde ist König)* [36].

Третья группа включает в себя номинации эмоциональных, физических и ментальных состояний человека. Осознание признака эмоционального состояния как его запаха является достаточно частым явлением в немецком языке; подобным описаниям подвергаются как негативные, так и позитивные эмоции:

- *Wer „Fucked by love“ oder sonst wie desillusioniert ist, bekommt vulgärexistenzialistische Sentenzen geboten wie Mein Glück von heute umweht bereits der liebliche Duft der Qual, die ganz sicher kommen wird* [37];
- *Wo Spuren von Werner Mauss auftauchen, riecht es nach Ärger* [38];

- *In Blanches Namen wird ziemlich viel Großartiges über die Differenz von Phantomschmerz und Phantomlust geschrieben, über den „süßen Gestank“ von **Trauer, Tod und Liebe** [39].*

Физические и ментальные состояния, отражённые в абстрактных существительных, также могут быть представлены в языке как обладающие запахом:

- *Mit seiner Frau, der Tochter Charlotte und den unterschiedlichen Zwillingen Alexander und Adrian bricht er auf, „den Gestank von **Hunger** und Missernten in den Kleidern“ [40];*

- *Er erinnert sich an die Gesichter der Menschen auf dieser Party, arrogant und herablassend starren sie ihn an, als ob sie seine **Unsicherheit** riechen konnten [41];*

- *Er schwelgte in Erinnerungen und es schwang in allem der feine Duft der wohlhabenden **Weltläufigkeit** mit [42].*

Четвёртая группа охватывает существительные, обозначающие знания человека о мироздании и его категориях.

Анализ примеров показал, что внешние проявления таких онтологических сущностей, как жизнь и смерть, могут осознаваться человеком как их запахи:

- *Lasst euer **Leben** stinken und duften, wie es stinkt und duftet, einzigartig [43];*

- *Frankreich und jene, die seinem Pfad folgen, wissen, dass sie ganz oben auf der Liste der Ziele des Islamischen Staates stehen und dass der Geruch des **Todes** ihre Nasen nicht verlassen wird, solange sie ihren Kreuzzug fortführen... [44].*

Значимой составляющей человеческого бытия является свобода. В некоторых контекстах она противопоставляется другим категориям; при том лексемы ольфакторного восприятия являются средством выражения оценки к описываемым явлениям. Так, например, свобода и приключения являются явлениями одного порядка и оцениваются положительно: *Wie Zigaretten den Duft von **Freiheit** und **Abenteuer** verloren [45].* И, напротив, свободе могут быть противопоставлены безразличие, лицемерие, терпимость и т. д. Противоположная оценка при этом закономерно эксплицируется лексемами *der Duft* и *der Gestank*: *Der Kampf gegen die Mafia muss mehr sein als eine einsame Schlacht, nämlich eine kulturelle und moralische Bewegung, die uns alle und insbesondere die junge Generation mitreißt, sie den herrlich*

belebenden Duft der Freiheit wittern lässt und gegen den üblen Gestank von Scheinheiligkeit, Indifferenz, Duldung und Mittäterschaft allergisch macht [46].

Некоторые представления человека о мироздании, в частности о рае, также описываются в языке как обладающие запахом:

- *Dort findet man den Duft des **Paradieses*** [47];
- *Kann das **Paradies** stinken?* [48]

И, наконец, как показывают языковые описания, информация о прошлом или же какие-либо воспоминания, связанные с ним, могут сравниваться с запахом материального объекта:

- *Das Irrlichtern des Begehrens, die erotischen Geheimbotschaften der feinen Konversation, der modrige Duft des **Vergangenen**, der sich auch um „die blühendsten Stunden“ des Jetzt legt - welcher andere Regisseur könnte das alles so hinter halben Gesten und halben Sätzen hervorscheinen lassen?* [49];

- *„Wir können die Geschichte riechen, den Duft **vergangener Tage**, und fühlen uns mit den Seelen der Vergangenheit vereint“, lautet ein anderer Eintrag* [50];

- *Das roch nach einer **historischen Parallele*** [51].

Следующую группу образуют существительные, обозначающие элементы сферы искусства. Характерные признаки этих явлений метафорически осознаются человеком как их запахи:

- *Ihm habe, schreibt Albrecht, „der Geruch des **Dekorativen**“ angehaftet* [52];

- *Während unter dem Regime der jungen Queen Victoria im britischen Inselreich die ersten Anfänge des modernen Sports aufkeimten, drang von Süden her mit den wiegenden Walzerklängen eines Lanner und Johann Strauß der Duft einer neuen **Tanzkunst** zu uns her* [53];

- *Rosinski sagt, er müsse seiner Verantwortung gerecht werden – und polemisiert ansonsten munter gegen den Deutschen Bühnenverein und gegen so ziemlich alles, was nach nicht hermeneutischer **Theaterarbeit** riecht* [54].

Последнюю группу образуют языковые единицы, обозначающие проявления вербальной способности человека: *Es ist überall so etwas hängen geblieben wie der Duft verflossener **Liebesgeschichten*** [55]. Интересно, что получение информации ассоциируется с «вынюхиванием» и выражается глаголом *schnüffeln*:

- *Auch die Geheimdienste Chinas, Russlands, Nordkoreas oder Syriens schnüffeln hemmungslos im Netz* [56];
- *Die Dienste von Army und Marine schnüffelten schon damals auch in der zivilen **Kommunikation** ausländischer Diplomaten herum, weil Außenministerium und Weißes Haus im Gegenzug für solche Informationen die Budgets der Militärs aufpäppelten* [57].

Анализ выявленных групп абстрактных объектов, характеризующихся в языке ольфакторной лексикой, позволяет выявить некоторые закономерности, отражающие логику метафорических переносов из перцептивной сферы «запах» в другие сферы. В их основе лежат различные характеристики запаха, в определённом смысле присущие, в том числе, и описываемым объектам.

Значимой характеристикой запаха является его невидимость и, соответственно, неуловимость. На основании данного признака описывается некая неточность в осознании и характеристике определённых явлений. Другой важной чертой запаха, обеспечивающей описываемый тип метафорических переносов, является его функция, заключающаяся в возможности идентификации объектов: принцип отнесения объекта к определённой категории заключается в сравнении поступающей ольфакторной информации с образами, хранящимися в сознании. В этом плане по аналогии с воспринимаемым запахом человек анализирует информацию о событиях, отношениях, состояниях, культурных и онтологических проявлениях мироздания, осознавая её как запах данных явлений. И, наконец, индивидуальные ощущения человека, возникающие в процессе восприятия приятных и неприятных запахов, являются основой формирования и выражения оценочных высказываний в сфере описываемых объектов. Таким образом, основой метафорического переноса из сферы «запах» в нематериальные сферы является осознание данного перцептивного признака как характерной черты объекта, выполняющей идентифицирующую и оценочную функции, которые по аналогии с сущностью вещей в материальном мире позволяют выражать точные и неточные знания об абстрактных объектах действительности: об их наличии в жизненном пространстве человека и собственном отношении.

Проведённое исследование способствует пониманию основных принципов обработки информации человеческим сознанием и вносит вклад в развитие теоретических основ когнитивной лингвистики.

Библиографический список

1. Житков А.В. Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики И.А. Бунина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 19 с.
2. Мансурова А.Х. Репрезентация ольфакторного пространства в английском и татарском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2016. 23 с.
3. Павлова Н.С. Лексика с семой «запах» в языке, речи и тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 18 с.
4. Сунь Ю. Принципы номинативного структурирования семантического поля: на примере средств обозначения запаха в русском и китайском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 23 с.
5. Галлерт Д.Н. Способы выражения категории «запах» в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 27 с.
6. Котенева И.А. Лексическая категория ЗАПАХ и ее концептуальные основы (на материале французского языка) // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы Международной научной конференции. 11–13 апреля 2006 г. Белгород, 2006. Вып. 9. Ч. 1. С. 128–132.
7. Брылева Л.Ф. Перцептивные концепты и способы их объективации во французском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2010. Вып. 46. № 22 (203). С. 17–20.
8. Шнякина Н.Ю. Опыт моделирования событийного концепта (на материале вербализованной ситуации ольфакторной перцепции). М.: Флинта: Наука, 2017. 184 с.
9. Матвеева Т.М. Перцептивная категория запаха в языке профессиональных дегустаторов (на материале немецкого языка) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 82. № 24 (315). С. 118–122.

10. Бельская Т.И. Средства актуализации опорных концептов парфюмерного дискурса современного французского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 26 с.

11. Колупаева А.А. Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 23 с.

12. Вальваков Р.В. Реализация концепта запах в романе А. Толстого «Пётр Первый» // Перспективы развития современной филологии: материалы VIII Международной научной конференции. 1–2 октября 2013 г. Санкт-Петербург, 2013. С. 24–35.

13. Басалаева Е.Г. Языковая репрезентация запаха в парфюмерном интернет-дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 16–20.

14. Риндисбахер Х.Д. От запаха к слову: моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Кн. 2. С. 579–607.

15. Старостина Ю.А. Метафора как средство языковой реализации концепта «ЗАПАХ»: (на материале романа Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 22 с.

16. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 272 с.

17. Bock A. Danke, Axl // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2017/27>.

18. Bota A. Wie die Welt auf Merkel blickt // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-09>.

19. Leicht R. Die Sache stinkt // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2008/09/Rechtslage>.

20. Franz B. Der Fisch stinkt in Sachsen vom Kopf her // Электронный ресурс Интернет: <https://www.stern.de/politik/deutschland/>.

21. Joffe J. Donald Trump: Außerirdisch // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2016/44/>.

22. Hinrichsen H. Dunkle Schatten über dem Boxring // Электронный ресурс Интернет: <https://www.stuttgarter-nachrichten.de>.

23. Schäfer S. Überraschungen en gros // Электронный ресурс Интернет: <https://books.google.ru/books?id>.

24. Tettamanti T. Erfindet euch ständig neu! // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2016/29/>.

25. Mertinkat S. Die Zuschauer reißt es von den Sitzen // Электронный ресурс Интернет: <https://www.t-online.de/>.

26. Hörmann A. DOSB rückt vom deutschen Medaillenziel ab // Электронный ресурс Интернет: <https://www.dewezet.de>.
27. Trescher Th. Tanze deinen Feind // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2017/47/>.
28. Gremmelspacher J. Arbeitsluft schnuppern // Электронный ресурс Интернет: <https://www.bildung-schweiz.ch>.
29. Kiyak M. Jede Currywurst will etwas sagen // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/kultur/literatur/2017-07/>.
30. Koebl H. Lange Zeit war ich gegen alles Deutsche // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/zeit-magazin/2016/16/>.
31. Beira-Mar F. Kein Verbrecher ist ganz normal im Kopf // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2017-07/>.
32. Sixous H. Ich konnte die Frauenfeindlichkeit förmlich riechen // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/kultur/literatur/2017-10/>.
33. Mollath G. Es hätte nicht passieren dürfen // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2014/53/>.
34. Moldenhauer H. Sport in der heutigen Gesellschaft // Электронный ресурс Интернет: <http://www.lebendige-stadt.de/web/htmlimages/2005/>.
35. Zastiral S. Säbelrasseln am Rande Europas // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/politik/2017-04/>.
36. Schüle Ch. Heimatkunde ist König // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2017/48/>.
37. Leo P. Das ist dufte! Tipps zur Auswahl eines neuen Parfüms // Электронный ресурс Интернет: <https://www.sueddeutsche.de/news/kultur/mode>.
38. Mauss W. Angeber vor Gericht Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2016/49/>.
39. Auffermann V. Liebe schadet dem Leben // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2005/07/>.
40. Osteroth R. Wir schicken euch Geld // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2007/33/>.
41. Esau D. Ihr Freund, der Stalker // Электронный ресурс Интернет: https://www.zeit.de/autoren/E/Danina_Esau.
42. Kiyak M. Armenien liegt gleich neben dem Gezi-Park // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2013-07/>.
43. Bessing J. Riechst du das? // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2017/12/>.
44. Paus W. IS droht Frankreich mit neuem Terror // <https://www.welt.de/newsticker/>.

45. Pinzler P. Der Schnee von morgen // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2017/16/>.
46. Saviano R. Sie hingegen ziehen es vor, den Mund zu halten // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2010/17/>.
47. Schein M. Erdogan gegen Geburtenkontrolle – «unseren Nachwuchs mehren» // Электронный ресурс Интернет: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/.
48. Böhm A. Die Flut ist zurück // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2017/11/>.
49. Fuhrmann W. Schnitzler für Stumpfe // Электронный ресурс Интернет: www.die-deutsche-buehne.de/.
50. Braun J. Das Parfum der Bücher // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2017/53/>.
51. Schröder T. Trumps Skandale? Ansichtssache // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-05/>.
52. Janssen H. Auf den Schreck hin // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2016/11/>.
53. Hannes W. Ballschuhe // Электронный ресурс Интернет: www.uni-giessen.de/.
54. Lemke-Matwey Ch. Alles soll brennen // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/2017/39/>.
55. Georg H. Jettchen Gebert // Электронный ресурс Интернет: <https://antiquariat-ziegler.de/>.
56. Grassegger H. Staaten steigen aus dem Web aus // Электронный ресурс Интернет: <https://www.nzz.ch/nzzas>.
57. Schmidt V. In Crypto City überwacht die NSA die Welt // Электронный ресурс Интернет: <https://www.zeit.de/wissen/geschichte/2013-07/>.

Сведения об авторе

Шнякина Наталья Юрьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого языка и
межкультурной коммуникации ОмГПУ
E-mail: zeral@list.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.111(73) "19/20"

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ ПОЛА ОСТЕРА: ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

М.К. Бронич

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются особенности использования модели альтернативной истории Америки в постмодернистских романах Пола Остера, в которых история-нарратив демонстративно представлена в виде сочинений персонажей, включенных в основной текст. Альтернативная действительность соткана из фрагментов личных впечатлений и воспоминаний, а также переживания опыта травмы в исторической памяти и выступает как симптом социального дискомфорта.

Ключевые слова: постмодернистский роман, альтернативная история, Пол Остер, социокультурная травма.

Alternative History in Paul Auster's Novels: Traumatic Experience in Historical Memory Marina Bronich

The paper considers how the model of American alternate history is used in Paul Auster's postmodernist novels where history narratives are embedded into the main story emphatically as texts written by some of the characters. Auster constructs his alternate reality as a patchwork of personal impressions and reminiscences as well as traumatic experiences from the historical memory, offering it as a symptom of social discomfort.

Key words: postmodernist novel, alternative history, Paul Auster, social and cultural trauma.

Р. Кацман в своей книге «Литература, история, выбор: принципы альтернативной истории в литературе» (2013) утверждает, что «принцип исторической альтернативности в целом присущ литературному произведению, его можно определить и использовать как повествовательно-поэтическую модель... Суть принципа альтернативности заключается в создании множества параллельных возможностей на всех этих уровнях, а также в создании механизма, позволяющего управлять этим многообразием» [1. Р. 9] (здесь и далее

перевод наш – М. Б.). Прямое отношение данное рассуждение имеет к постмодернистской поэтике, для которой интерпретационная множественность вариантов истории, альтернативность – явления совершенно очевидные, поскольку историческое событие отождествляется с повествованием о нем.

В творчестве Пола Остера принцип исторической альтернативности обыгрывается нечасто, несмотря на то, что прошлое занимает порой существенное место в развитии сюжетов его романов. Но это недалекое прошлое его героев, истории которых он рассказывает, будь то молодость Эфингема и его встречи с Никола Тесла («Дворец Луны», 1989), вынужденное знакомство Уолта Роли с ку-клукс-кланом и гангстерами 1920-х годов («Мистер Вертиго», 1994), «карьера» Гектора Манна в годы Депрессии («Книга иллюзий», 2002), участие Эда Виктори в освобождении Дахау («Пророческая ночь», 2003) или сопричастность Адама Уокера к студенческому движению конца 1960-х («Невидимое», 2009). Прошлое у Остера всегда выступает как непосредственный опыт персонажа в контексте определенного времени и соотносится, согласно М. Хальбваксу, с автобиографической памятью, которая в свою очередь использует социальную, историческую память. В то же время М. Хальбвакс оговаривается, что термин «историческая память» не совсем адекватен, поскольку история начинается тогда, «когда затухает или распадается социальная память» [2. С. 21]. История, с точки зрения французского философа, представляет собой воспоминания, письменно зафиксированные в форме связанного рассказа, ибо живых свидетелей событий уже нет. Другими словами, условный термин «историческая память» относится к далекому прошлому, существующему за временными пределами индивидуального или группового опыта. А стало быть, история меняется в зависимости от рассказчика, нарратив всегда субъективен.

В романах Остера история-нарратив демонстративно представлена в виде сочинений персонажей, включенных в основной текст то как найденная рукопись («Путешествия по скрипторию», 2006), то как пустое фантазирование, порожденное бессонницей («Человек во тьме», 2008). Но сочинения эти неизменно принадлежат «особым носителям» культурной памяти, хранящей, по замечанию Я. Ассмана, «неповседневность смысла» [3. С. 57]. В данном случае такими специалистами-носителями являются герои, связанные с

писательством и литературной критикой, а предметом их рефлексии – те события американской истории, в которых доминирующим фактором были насилие и вооруженные столкновения, а их объединяющим концептом *house divided*, чье смысловое поле шире сецессии и войны Юга и Севера. Оно включает любое противостояние внутри нации, вызывающее социокультурную травму.

Загадочный персонаж «Путешествий по скрипторию», по видимому бывший писатель, а ныне немощный старик мистер Блэнк обнаруживает на столе в своей больничной палате стопки рукописей, одну из которых он периодически читает. Рукопись стилизована под воспоминания человека XIX века и, как выясняется позже, принадлежит перу Джона Трауза, одного из героев романа Остера «Пророческая ночь». В ней представлен отчет некоего лояльного служащего Бюро иностранных дел страны под названием Конфедерация Зигмунда Графа о выполнении / невыполнении данного ему задания найти на запретной для посещения Чужой Территории якобы бежавшего туда офицера Конфедерации. Незаконченная рукопись, как выясняется, является не документальным отчетом, а всего лишь изобретательным вымыслом, сюжет которого Блэнк пытается додумать до конца, проигрывая возможные варианты событий и поступков участников этих событий.

Особенность возможного, по М. Эпштейну, именно в его несводимости к реальному, будь это реальность нашего мира или других миров [4]. Однако автор, подчеркивая вымышленный, возможный характер рассказываемой истории, настойчиво проводит недвусмысленные параллели с реальными местами действия, временем, событиями, но получившими иное развитие. «Конфедерация... Всё очень просто, правда ведь? Всего лишь другое название Америки. Не знакомые нам Соединенные Штаты, а страна, которая пошла по другому пути, с другой историей. Однако все деревья, все горы и все прерии этой страны находятся точно на тех же местах, что и в нашем мире. С неотличимыми реками и океанами» [5. Р. 90–91]. Бескрайние территории, на которых идет плохо представляемая жизнь множества людей, рождают ощущение призрачности «словно Конфедерация стала чем-то внутренним, мечтой, которую каждый носил в себе» [5. Р. 71]. Рассказчик указывает и время происходящих событий: «Какой год в этом

воображаемом месте? Наверное, тысяча восемьсот тридцатый или около того. Ни поездов, ни телеграфа. Передвигаются все на лошадях, а письма приходится ждать подчас не меньше трех недель» [5. Р. 120]. Описывая местонахождение Графа, он конкретизирует: «На бесплодной равнине в северной части центрального района Территорий, похожей на солончаки в Юте» [5. Р. 124–125]. А сами события немногим отличаются от «того, что мы сделали с индейцами после Гражданской войны. Надо разозлить их, а потом перерезать» [5. Р. 92].

В рукописи представлена собственно альтернативная история, сочиняя которую рассказчик сосредоточивается на создании логически непротиворечивой картины, отличной от реальности, но на каждом шагу напоминающей эту реальность, что подчеркивается документальностью в мелочах альтернативной жизни. Так, Чужая Территория, куда отправляется Граф, населена Первобытными, чей образ жизни и поведение очень похожи на индейские. И живут они, как навахо, в хоганах, вход в которые прикрыт бизоньими шкурами. Так же, как индейцы, Первобытные разобщены и воюют друг с другом, но дружелюбно встречают проходящих к ним с миром чужеземцев, как например того же Графа, который во время своей давней экспедиции хорошо изучил их язык, быт и нравы. Когда-то Первобытным принадлежало все, но затем стали прибывать корабли с колонистами «из Иберии и Галлии, из Альбиона, Германии и Татарских королевств, и шаг за шагом Первобытных вытеснили с их земли... обратили в рабство... а затем... согнали вместе на выжженные солнцем бесплодные территории за пределами западных провинций» [5. Р. 75–76]. Между Конфедерацией и Чужой Территорией (Индийская Территория) существует соглашение о мирном сосуществовании (договоры о земельном обмене), но правительство Конфедерации устраивает секретные рейды на запретную территорию, чтобы спровоцировать восстание Первобытных и окончательно расправиться с ними. Прозрачность намеков на реальные исторические события и факты и их сочетание с откровенным вымыслом моделирует работу индивидуальной памяти как социального феномена, которая является вмещением специфической в каждом случае комбинации коллективных воспоминаний [3. С. 38] о «болевых точках» истории.

Хотя одним из наиболее популярных альтернативных сюжетов истории США XIX в. бесспорно является Гражданская война, Остер демонстративно уходит от него, подчеркивая точку расхождения с реальной исторической ситуацией. «Очень похожая на Америку, но не во всём. Например, там нет чернокожих рабов, по крайней мере, о них нет ни одного упоминания в тексте. Но больше этнического разнообразия, чем было здесь в тот исторический момент. Звучат имена немецкие, французские, английские, испанские» [5. Р. 120–121]. Конфедерация образовалась после кровопролитных войн между провинциями, и День Единства отмечают 4 марта. Ее существованию грозят не только вспыхивающие мятежи, но и обрушившаяся эпидемия холеры, которую многие называли «Кара Истории... учитывая, что разразилась она перед самым началом продолжительной и сложно спланированной церемонии Объединения» [5. Р. 47]. Поэтому Конфедерация ищет общего врага (Первобытных), чтобы сплотиться в совместной борьбе против него. Подробности политического устройства опущены, но, судя по тому, что Граф записывает свою историю в заточении без суда и следствия, обвиненный в государственной измене и подвергаемый пыткам, в стране правят военные, которые бдительно охраняют лояльность и беспощадно наказывают инакомыслящих. Во главе государства стоит Протектор. Между правительственными учреждениями растет соперничество.

Додумывающий и досказывающий сюжет рукописи Блэнк фиксирует внимание, прежде всего, на конкретных деталях путешествия Графа по Чужой Территории, подробно описывая увиденные им чудовищные картины массовой резни Первобытных и страшное зрелище гибели отряда Эрнесто Лэнда. Блэнк проигрывает разные варианты развития событий, но на первый план неизменно выходит тема насилия, жестокости и убийства. Шок, переживаемый Графом, становится главным предметом рефлексии рассказчика.

Исходя из мемориального подхода к травме, сформулированного Кэти Карут, потрясения не осознаются сразу, они становятся выразимыми лишь по прошествии времени, истории как продукт коллективной памяти [6]. А индивид, сам преодолевающий травматическое событие, как например запертый в больничной палате Блэнк, склонен к выстраиванию фантастического универсума, втянутого в историю, альтернативную фактической [7. С. 239].

Если в «Путешествиях по скрипторию» события альтернативной истории отнесены в прошлое, то в «откровенно политическом романе» [8] Остера «Человек во мраке» речь идет об альтернативной современности, как будто иллюстрируя тезис Ф. Джеймисона о том, что «мы сегодня не способны сосредоточиться на нашем собственном настоящем, словно потеряли способность формировать эстетические представления о переживаниях нашего собственного опыта повседневной жизни», что являет собой «пугающий симптом патологии общества, которое утратило способность воспринимать время и историю» [9. Р. 117].

Повествователь, известный литературный критик 72-летний Огест Брил, ушедший недавно на покой, спасаясь от тягостных мыслей, погружается в вымышленный мир сочиняемых им историй. Так он пытается забыть о неизбежном одиночестве после смерти жены, об идущей войне в Ираке, на которой страшной смертью погибает друг его любимой внучки Кати, а сама она как будто внутренне окаменела, увидев на пленке жестокую казнь Титуса.

Согласно Ж. Лакану, травма есть вторжение Реальности, которую невозможно репрезентировать в отличие от Воображаемого, и при столкновении с Реальностью «восприятие переходит из режима узнавания, из режима знания, из когнитивной перспективы в аффективную перспективу, в сферу аффективного восприятия» [10]. С движением от когнитивности к аффекту М. Ямпольский связывает кинематограф и соотносит его с лабиринтом, в котором в глубоком аффекте дезориентации заблудились дед с внучкой. Они просиживают дни напролет у экрана, погружившись в просмотр фильмов из «золотого фонда мирового кино», чтобы «укрыться от отвратительного, невыносимого мира» [11. Р. 73]. Брилу хотелось бы поговорить о сюжете, об актерском исполнении, т. е. о смыслах, но Катя склонна обсуждать только технические аспекты просмотренного: движение камеры, монтаж, свет, звук и т. д. Для травмированного субъекта, по словам Ж. Лакана, «фантазматический облик гораздо более важен, чем событийный, и поэтому событие отходит на второй план в системе субъективных соотношенностей» [12. С. 49].

Наряду с миром кино важную роль для организации романа играют и другие типы художественного пространства: обыкновенная реальность, воспоминания, сон, художественный вымысел.

Пространство воспоминаний соотносится с пространством вымысла и обеспечивается диффузия пространства и времени в романе. Все вставные новеллы, и те, которые Брил сочиняет, и те, которые он пересказывает, связаны одной темой – темой войны. Пересказанные повествователем истории (воспоминания о родных, друзьях, рассказы знакомых) репрезентируются как реальные случаи из жизни людей, ставших жертвами различных конфликтов и войн – Второй мировой, холодной, иракской, расовой и пр. Это истории жестокого насилия над человеком, из которых Брил черпает материал для своих сюжетов. Они не случайно сосредоточены в конце книги и как будто призваны подтвердить достоверность событий и судеб персонажей в мире вымысла, в который погружается герой длинными бессонными ночами.

Фантазия повествователя рисует современную Америку, в которой идет беспощадная гражданская война, начавшаяся в результате выхода из союза ряда штатов, в частности Нью-Йорка, Массачусетса, Пенсильвании, и создания Независимых Штатов Америки. История разворачивается в кафкианском духе: герой выпадает из рамок привычной жизни и попадает под власть чуждых сил. Протагонист Брила, нью-йоркский фокусник Оуэн Брик, просыпается в форме капрала седьмого массачусетского полка в глубокой яме, откуда ему помогают выбраться для выполнения ответственного военного задания. Человек совершенно мирной профессии, далекий от политики, он обескуражен случившимся и потрясен предназначенной для него ролью убийцы зачинателя войны – автора вымысла. Но еще больше он озадачен тем, что окружающая его действительность никак не похожа на Америку 2007 года, в которой он довольно благополучно существовал со своей женой, друзьями, клиентами. В стране царит разруха, голод, рвутся снаряды и бомбы, а главное – никто не слышал ни об иракской войне, ни о 11 сентября, и башни-близнецы стоят на месте. Но ему объясняют со ссылкой на теорию множественности миров Джордано Бруно, что он попал в возможный параллельный мир, каковых бесчисленное количество, «и все они существуют параллельно друг с другом, миры и антимир, миры и их тени, и каждый из них либо видится во сне, либо представляется в воображении, либо описывается в тексте кем-то из другого мира. Каждый мир является творением ума» [11. Р. 69].

Со страниц романа встает страшный образ «другой Америки», где нарушены гражданские свободы, утрачена демократия, а процесс ожесточения и дегуманизации общества кажется необратимым. Альтернативная действительность соткана из фрагментов личных впечатлений и воспоминаний, а также культурной памяти о прошлом, закрепленной в историческом знании, литературе и рассказах очевидцев: сецессия, устранение президента как способ решения политических проблем (убийство А. Линкольна, Дж. Гарфилда, У. Мак-Кинли, Дж. Кеннеди), история средневековой расправы (четвертования) над непокорной узницей гитлеровского концлагеря, кровавые расовые бунты в Ньюарке, свидетелем которых был повествователь, жуткие кадры казни Титуса и пр.

История Оуэна Брика – это история экзистенциального выбора в пограничной ситуации. Отказ от выполнения приказа грозит смертью не только ему, но и его ни в чем не повинной жене Флоре, и выполнить приказ он должен не в параллельной реальности, куда он мистически попадает, а в реальной действительности. Для протагониста пересечение границы между мирами сродни погружению в сон. «Словно попадаешь в сон, правда? Место то же самое, но при этом совершенно другое. Америка без войны. Это трудно переварить. Так привыкаешь к войне, что она как бы проникает в твой костный мозг, и очень скоро ты уже не можешь представить себе мир без неё» [11. Р. 111]. Оказавшись вновь в домашней обстановке, Брик надеется уклониться от порученного ему дела, окунаясь в повседневные заботы о заработке, в семейные радости и печали. Однако ощущение относительной безопасности и надежности в привычном мире оказывается иллюзорным. Угроза «другой Америки» очень скоро становится реальной, когда на пороге квартиры Брика появляются вооруженные «фантомы», как ему хотелось бы верить, его сна и предъявляют ультиматум. Кровавые конфликты то ли этого мира, то ли параллельного втягивают в свою орбиту маленького человека, от которого, как выясняется, зависит, будет ли продолжаться война или, наконец, прекратится.

И хотя для повествователя Огеста Брила возможные миры – это скорее условность, отражающая в символической форме свойства реального мира, это миры фикциональные, онтологическая полнота которых зависит от эстетических факторов [13. Р. 24], он пытается придать им достоверность, включая себя в качестве персонажа в

сочиняемую историю. Автор вымысла рассматривает возможные варианты развития сюжета, склоняясь, в конце концов, к неизбежно трагическому финалу. Мир реальный и мир воображаемый сливаются, и бомбы, рвущиеся в вымышленном Веллингтоне, штат Массачусетс, убивают Брика в реальном массачусетском Уорчестере. «Тем временем, в семидесяти пяти милях к северо-западу, в белом деревянном доме в южном Вермонте, Огест Брил не спит, лежа в кровати и уставившись в темноту. А война идет себе дальше» [11. Р. 118]. Последняя фраза прочитывается как парафраз рефрена романа, заимствованного из стихотворения Розы Готорн, младшей дочери Натаниэля Готорна: «Пока странный загадочный мир катится себе дальше». Выбор рефрена комментируется в самом повествовании, разъясняя его ключевую идею: «Странный загадочный мир, потрепанный мир, странный загадочный мир катится себе дальше, в то время как войны полыхают вокруг нас: отрубленные руки в Африке, отрубленные головы в Ираке, а в моей собственной голове – та другая война, воображаемая война на моей родине, в которой Америка раскалывается на части, и благородный эксперимент окончательно гибнет» [11. Р. 49].

Художественный вымысел как средство актуализации возможного обнаруживает в творчестве Остера отчетливое стремление к символическому изображению социальных по своей сути конфликтов, желание дать в развернутой метафоре модель современного мира, а альтернативная история выступает как симптом социального дискомфорта.

Библиографический список

1. Katsman R. Literature, History, Choice: The Principle of Alternative History in Literature. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2013. 328 p.
2. Хальбвакс М. Коллективная историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Эпштейн М. Философия возможного // Электронный ресурс Интернет: http://www.polbu.ru/epstein_possiblephilo/.

5. Auster P. *Travels in the Scriptorium*. N.Y.: Henry Holt and Company, 2006. 145 p.
6. Caruth C. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History* // Электронный ресурс Интернет: <https://joaocamillopenna.files.wordpress.com/2015/03/caruth-unclaimed-experience.pdf>.
7. Смирнов И. В начале была травма // Звезда. 2015. № 12. С. 230–245.
8. Teodoro J. *Parallel Worlds (Unabridged): In the Scriptorium with Paul Auster* // Электронный ресурс Интернет: http://www.stopsmilingonline.com/story_detail.php?id=1216.
9. Jameson F. *Postmodernism and Consumer Society* // *The Anti-Aesthetic: Essays on Postmodern Culture*. Washington, Port Townsend: Bay Press, 1983. P. 111–125.
10. Ямпольский М. Травма реального. Линия и лабиринт // Электронный ресурс Интернет: <https://gistbooster.livejournal.com/8925.html>.
11. Auster P. *Man in the Dark*. N.Y.: Henry Holt and Company, 2008. 180 p.
12. Лакан Ж. Семинары. Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа. М.: ИТДГК «Гнозис», Издательство «Логос», 1998. 432 с.
13. Dolezel L. *Possible Worlds of Fiction and History: The Postmodern Stage*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010. 171 p.

Сведения об авторе

Бронич Марина Карповна
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: mbronich@rambler.ru

УДК 821.133.1 "19/20"

ТИПЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКА В ЗАПИСКАХ ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ О РОССИИ: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АСПЕКТ

Е.В. Васенева, К.В. Чайка

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается проблема восприятия российского менталитета французскими путешественниками, посетившими нашу страну в период с XVI века по настоящее время и оставившими свои воспоминания в форме литературных произведений в жанре путевого дневника. Выявляется эволюция образа путешественника от дипломата до отшельника. В литературоведческий оборот вводится произведение «В лесах Сибири» современного французского автора С. Тессона.

Ключевые слова: франко-русские контакты, путешественник, восприятие, особенности национального характера и культуры.

Types of Travelers in the Writings of French Authors about Russia:

Historical and Literary Aspects

Ekaterina Vasseniyova, Ksenia Chayka

The article looks at how Russian mentality was perceived by French travelers who visited Russia at various times from the 16th century until the present and penned their memoirs using the genre of a travel diary. The authors describe the progressive evolution of the traveler's image in those books and introduce Russian literary scholars to the modern French writer Sylvain Tesson by presenting their analysis of his '*Dans les forêts de Sibérie*'.

Key words: French-Russian contacts, a traveler, perception, features of national character and culture.

Актуальность темы культурных взаимоотношений России и Франции неоспорима. Только за последнее десятилетие в наших странах дважды (в 2010 и 2018 годах) проводились перекрестные культурные мероприятия: 2010 год объявлялся годом России во Франции и Франции в России, 2018 год – годом национальных языков и литератур обеих стран. Календарь событий этих мероприятий, проходящих одновременно в России и во Франции, соответствует трем основным целям:

- обновление и обогащение знаний о стране-партнере;
- поощрение развития сотрудничества и роста обменов во всех областях, представляющих общий интерес;

- расширение круга участников франко-российских отношений, в частности на местном уровне и в молодежной среде обеих стран.

Основная задача подобных инициатив в том, чтобы путем большого разнообразия мероприятий охватить как культурную сферу жизни французского и русского общества, так и сферы торговли, промышленности, сельского хозяйства, научных исследований, образования и спорта. Центром внимания становится освещение творческого потенциала, существующего в каждой из этих областей.

Понятно, что эти инициативы обращены прежде всего к молодежи. Программа культурных мероприятий составлена таким образом, чтобы показать современный творческий процесс стран-участниц: если речь идет о музыке, это, например, *Transmusicales* из Ренна, о сценическом жанре – *Substances* из Лиона, изобразительное искусство представлено Парижским *Palais de Tokio*.

Плодотворные обмены и партнерство между учебными заведениями России и Франции происходят по широкому спектру дисциплин: изобразительное искусство, танец, театр, фотография, цифровое искусство. Многие культурные акции прошли и в Нижнем Новгороде, среди самых значительных – выставки произведений современных художников Фабриса Ибера и Клода Левека, участие французских коллективов в международном фестивале искусств им. А. Сахарова в Нижегородской филармонии, прибытие в Нижний Новгород 29 мая 2010 года литературного поезда «Блез Сандрар», на котором группа современных французских писателей проехала с запада на восток по всей России, повторив тем самым знаменитое поэтическое путешествие, описанное Б. Сандраром в поэме *La Prose du Transsibérien*. Каждое мероприятие готовится так, чтобы привлечь интерес молодежи наших стран к тому многогранному сотрудничеству, которое связывало нас в прошлом, настоящем и особенно то, которое предполагается в будущем между Францией и Россией.

Наши страны имеют много общих страниц истории, они сотрудничали и продолжают взаимодействовать в разных областях: в торговле, политике, науке, культуре и др. Несомненно, Россия как многонациональное государство исторически обрела способность «впитывать» особенности культур других народов, и одним из

показательных примеров с этой точки зрения была и остаётся Франция.

Франко-русские дипломатические отношения начались в XI веке с брака французского короля Генриха I с русской княжной, дочерью Ярослава Мудрого, Анной Ярославной. С ней связаны первые впечатления французов о русском народе. Во Франции она снискала прозвище «доброй королевы», была известна богатыми пожертвованиями монастырям, основанием новых соборов и церквей, щедрой милостыней бедным. У входа в аббатство *Saint Vincent* в Санлисе недалеко от Парижа установлена статуя Анны с надписью: *Anne de Kiev, Reine de France. Elle fonda cette maison sous le vocable de St Vincent l'an du Seigneur 1060.*

Анна ввела в обиход королевского двора имя «Филипп», назвав так своего первого сына, ставшего французским королем Филиппом I (1060–1108).

Можно говорить о том, что впервые обычные жители Франции стали приезжать в Россию на более или менее долгое время на рубеже XVI–XVII веков. Это касалось прежде всего молодых французов, желающих поступить на военную службу в иностранном государстве. Во многом эта ситуация была связана с напряженной политической обстановкой в самой Франции, переживающей период религиозных войн. Такие люди получили в России наименование «служилые иноземцы». Так, документы нижегородского Центрального архива свидетельствуют о том, что в Нижнем Новгороде в начале XVII века (в период Смуты) проживали служилые дворяне французского происхождения [1].

Гражданское население совершало в XVI–XVII веках путешествия в Россию, в основном руководствуясь дипломатическими, научными либо религиозными целями. Большинство путешественников не имело возможности подробно изучать нашу страну и не оставило после себя сколько-нибудь значимых произведений. Поэтому в XVI веке наиболее ценным трудом, освещающим самые важные аспекты жизни российского общества и географические особенности России, были «Московские комментарии», опубликованные в Вене в 1549 г. Их автор – Сигизмунд Орон Нечбергтейм, посол императора Священной Римской империи Максимилиана I, а позднее Фердинанда I. Именно это произведение являлось настольной книгой европейских

дипломатов, отправляющихся в Россию, почти до середины XVII века, до публикации «Впечатлений от путешествия в Московию, Татарию и Персию, осуществленного посольством графа де Холгитейна, с 1633 по 1649». Эта книга была опубликована на многих европейских языках (в том числе выдержала пять изданий на французском языке) и пользовалась успехом вплоть до XVIII века. Это достаточно подробное, не без юмора, описание России было практически единственным документом, надолго сформировавшим отношение европейских дипломатов к нашей стране и ее жителям, в основе которого было устойчивое интеллектуальное и культурное превосходство [2. Р. 25].

Ситуация с французским присутствием в России резко изменяется в XVIII веке. Политика Петра I, а затем и Екатерины Великой, направленная на развитие и укрепление взаимосвязей России и Западной Европы, способствовала тому, чтобы французский язык и культура прочно вошли в систему ценностей каждого образованного жителя России. Известно, что наиболее состоятельные и просвещенные русские дворяне считали своим долгом непременно посетить Францию.

Еще в третьей четверти XVIII века в России вместе с увлечением философскими идеями Локка, Вольтера и Дидро появилось стремление подражать Франции в различных сферах жизни. Увлечение всем французским дошло до того, что русские дворяне выписывали из Франции слуг, учителей, гувернеров. Помимо непрямого условия владения французской речью, перенимались французский этикет, светские обычаи, мода, французская кухня. Конец XVIII века ознаменовался особенным наплывом в Россию французов, бежавших от революционных событий 1789 года. В большинстве своем это были представители аристократического сословия, что позволило им без труда влиться в состав российского дворянства. Нижегородская губерния в числе других, по крылатому выражению того времени, «покрылась пеною, выброшенной французской бурей».

Спасаясь от якобинского террора, в Нижегородскую губернию переселяются, приобретая здесь имения, представители старинных французских аристократических родов – граф де Сен-При, Катуар де Бионкур, де Скалон, корсиканские дворяне Массарии. Нижегородские дворяне охотно принимают у себя и простых французов, доверяя им

воспитание и образование своих детей. Так, сохранились записи о существовании в Нижнем Новгороде пансиона для «благородного юношества», открытого бывшим подпоручиком французской армии Андре Луи де Стадлером и пользовавшегося большим уважением у родителей [3. С. 134].

Большинство французских путешественников этого времени – это дипломаты или советники (самый известный из них – Дидро), члены посольств (аббат Жоржель), именно они оставили первые французские путевые записки о России. Невозможно, однако, не упомянуть и такого рода «путешественников», как французские авантюристы, которых привлекали политические изменения в России. Великое множество их было в Петербурге при дворе Елизаветы. Французский дипломат Ля Меслиер в своих путевых записках «Путешествие в Санкт-Петербург» и «Новые воспоминания о России» (1757) высказывает беспокойство тем, что воспитание детей доверяется подобным сомнительным личностям [4. Р. 381].

Среди них был и будущий французский писатель Жак-Анри Бернард де Сен-Пьер, который приехал в Россию в 1762 году с тремя дукатами в кармане и проектом создать небольшую колонию таких же, как и он, вынужденных переселенцев из других стран на берегу Аральского моря, один из немногих, оставивших литературное описание своих приключений в России той эпохи. Его «Проект компании для открытия пути в Индию через Россию» не снискал благосклонности у императрицы Екатерины II, чем можно объяснить довольно нелестное мнение Бернарда де Сен-Пьера о русских, которых он называет «непостоянными, ревнивыми, вороватыми и грубыми, уважающими только тех, кто внушает страх» [5. Р. 25–26].

Во времена царствования Екатерины II артисты, солдаты, парикмахеры, повара, учителя (наставники) – французы – обычное явление в жизни российского общества. В качестве примера можно упомянуть премьер-майора Екатеринославского гренадерского полка Шарля Франсуа Массона, с 1786 по 1796 гг. преподавателя Санкт-Петербургского Артиллерийского инженерного кадетского корпуса, воспитателя сына дворян Салтыковых, а затем учителя будущего царя Александра I. Его «Секретные воспоминания о России» (*Mémoires secrets sur la Russie*, 1800) содержат множество наблюдений о жизни царского двора, его интригах, зимних развлечениях в Петербурге, а

также, как водится, немало анекдотов, в том числе и неприличного характера.

В этот же период в России жили и работали Пьер-Шарль Левеск – учитель школы кадетов в Санкт-Петербурге и Николая ле Клерк – врач, а затем и учитель царевича Павла. Оба они впоследствии стали историками, оставившими интереснейшие книги: *Histoire de Russie* (1785), *Histoire physique, moral, civile et politique de la Russie ancienne* (1784) и *Histoire physique de la Russie moderne* (1785).

В начале XIX века в каждой состоятельной дворянской семье России можно было встретить французов, исполняющих обязанности гувернеров, чтецов, капельмейстеров, лакеев, камердинеров, поваров, садовников. Француженки же сделались необходимыми в качестве модисток, камеристок, компаньенок. Французское влияние просачивалось в самые мелкие уголки домашнего и общественного быта. Вместо прежнего приветствия поклоном, мужчины стали целовать дамам руку, а те, в свою очередь, целовали их в голову. В дворянских домах появились женские будуары с низкими кушетками и козетками. Среди дворянок начали обнаруживаться неизвестные до тех пор недомогания: истерики, мигрени, спазмы. Приобрела широкую популярность парижская новинка – ароматическая вода оделаван (лавандная настойка), позднее вытесненная одеколоном.

В XIX веке увеличивается количество французов, прибывающих в Россию с деловой целью. Это коммерсанты и ученые, такие как, например, геолог Ксавье Оммер де Гелль, инженер Фредерик Ле Пле. С развитием прессы растет количество иностранных журналистов, приезжающих освещать различные мероприятия: коронавание царей, выставки, музеи. Среди них *Ancelot*, *Boucher de Perthes*, *Dick de Lonlay*, *Viardot*, *Gantier*, для которых путешествие в Россию не только профессиональная обязанность, но и удовольствие открыть страну, расширить свои познания.

Неоднократная смена политических режимов во Франции XIX века привела в Россию многих французов, не чувствующих себя в безопасности в собственной стране: Мадам де Сталь, Дюпре де Сен-Мор, Мадам Виже-Лебрен, граф Шуазоль-Гуфье, Ксавье де Местр, Поль де Жюльвекур. Конечно, эти люди не путешественники в полном смысле этого слова, они, скорее, эмигранты, и пребывание в России для них ссылка. Но они выбирают именно Россию, которая

дает им ощущение свободы личности. Многие из них превратили свое бегство или ссылку в путешествие, именно на этом они делают акцент в своих воспоминаниях.

Во второй половине XIX века появляется, наконец, турист. Стендаль вводит этот англицизм во французский язык, издав в 1838 году свои *Mémoires d'un tourist*. Следуя моде на путешествия в далекие, экзотические по меркам Европы страны, эти люди специально отправляются в Россию ради удовольствия не спеша осмотреть все достопримечательности.

Самыми известными туристами являются, безусловно, французские писатели А. Дюма и Т. Готье, которые, независимо друг от друга и практически в одно и то же время (1858–1861 гг.), в течение достаточно длительного периода путешествуют по России, не ограничиваясь только столицами и прилегающими к ним территориями, но посещая и провинциальные города: Тверь, Нижний Новгород, Казань, Астрахань. По возвращении на родину они издают свои воспоминания, написанные в излюбленном в ту эпоху жанре путевого дневника (*journal de voyage*): А. Дюма публикует *De Paris à Astrakan ou Voyage en Russie* (1858–1859), Т. Готье – *Voyage en Russie* (1867). Эти книги тут же мгновенно раскупаются французским читателем, становясь бестселлерами. В них авторы показывают себя типичными туристами, жадными до новых впечатлений, жаждущими удивительных приключений в необыкновенной стране, доброжелательно, но несколько отстраненно принимающими все, что видят, с чем сталкиваются. Их путевые заметки – это приглашение к путешествию, прообраз современного туристического гида, которые блестящий литературный дар авторов превращает в настоящие художественные произведения, богатые поэтическими описаниями: «Нижний Новгород уже давно вызывал во мне такое непреодолимое влечение. Никакая мелодия так сладко не отдавалась в моих ушах, как далекое и неопределенное название. Я повторял его, словно молитву»; «Москва: Что может сравниться в великолепии с этим золотым городом на серебряном горизонте, над которым вечер белеет рассветом» (Т. Готье) [6]; «Я не видел ничего подобного ночам Петербурга. Да, стихи Пушкина прекрасны, но все же это – поэзия человека, а петербургские ночи – это поэзия божества» (А. Дюма) [7].

Впечатления А. Дюма и Т. Готье о русских не всегда столь же лестны, однако и здесь срабатывает принцип «дикивинки», когда

основное намерение автора – поразить воображение читателя. Французы восхищены русской щедростью и гостеприимством («Я здесь путешествую как принц. Русское гостеприимство такое же потрясающее, как и уральские золотые прииски»; «Никогда не смотрите два раза на какую-то вещь, которая принадлежит русскому, поскольку, какова бы ни была ее цена, он вам ее подарит» (А. Дюма) [7]); хорошими манерами и образованностью («Говорят по-французски легко, вставляют словечки современного разговорного языка, модные выражения. Нет акцента, только легкая, не лишенная прелести мелодичность, которой сам начинаешь подражать»; «Манеры вежливые, спокойные, в курсе всех мельчайших подробностей литературной жизни. Много читают» (Т. Готье) [6]); отмечают хоть и не всегда сразу заметную чистоплотность простого народа («Если на первый взгляд народ грязен, это лишь кажущаяся нечистоплотность. В Париже не найдется красотки, слепленной из кольдкрема, рисовой пудры и девичьего молока, у которой тело было бы чище, чем у мужика, выходящего из бани. Самые бедные моются не реже одного раза в неделю» (Т. Готье) [6]); внутреннее стремление русских к абсолютной свободе («Русские страстно любят цыган. Их песни, полные ностальгии и экзотики, заставляют мечтать о свободной жизни на лоне природы, вне всякого стеснения, вне закона, божьего или человеческого» (Т. Готье) [6]). При этом они никогда не забывают подчеркнуть культурное превосходство французской нации («Похоже, я был единственным, кто восхищался отвагой русских пожарных. Триста-четыре человека, которые стояли рядом со мной и тоже наблюдали за пожаром, внешне никак не проявляли ни малейшего интереса к этой огромной катастрофе или какую-то симпатию к храбрости пожарных. Во Франции в таких же обстоятельствах можно было бы услышать крики ужаса, поощрения, восхищения, аплодисменты, а здесь – ничего, молчание, причем это было не молчание концентрации на происходящем, а молчание безразличия. [...] Сколько же революций нужно русскому народу, чтобы он понимал «братство» так же, как французы?» (А. Дюма) [7]; «Русские любят все новое, и думают, что проявляют уважение к памятнику, обновляя окраску его стен, как только она облупится или потрескается. Это самые великие маляры в мире» (Т. Готье) [6]).

Тональность этих произведений резко контрастирует с еще одной чуть более ранней по времени написанию книгой о нашей

стране, получившей скандальную известность, на долгие годы запрещенной к публикации в России и изданной целиком на русском языке только в начале XXI века – «Россия в 1839 году» (*La Russie en 1839*) А. де Кюстина. Проведя несколько месяцев в России по приглашению императора Николая I, который подобно Екатерине II надеялся благодаря лестным отзывам известного французского писателя и путешественника прослыть в Европе столь же просвещенным монархом, маркиз де Кюстин оставил воспоминания, в которых описал общественно-политическую систему страны и то, как эта система формирует черты характера и поведение русских людей.

Суждения де Кюстина представляют собой выводы, сделанные автором на основе наблюдений, что сближает стиль произведения с научным исследованием, придавая ему большую достоверность в глазах читателя. Не случайно, книга была рекомендована для прочтения всем французским дипломатам, отправляющимся на службу в Россию. Автор мемуаров стремится выступить сторонним наблюдателем, обладающим достаточной проницательностью, чтобы, по его мнению, объективно отразить суть вещей, и чисто французским *esprit critique*.

Однако на протяжении всего произведения А. де Кюстина прослеживается острая негативная оценка наблюдаемых им явлений: «Россия – это страна, где можно делать большие дела для достижения ничтожного результата»; «Недобросовестность печально отражается на всем и в особенности на коммерческих делах»; «...нерасположение к суду кажется мне верным признаком несправедливости судей»; «Обилие ничтожных, совершенно излишних мер ... делает необходимым наличие бесконечного множества всякого рода чиновников»; «...армия чиновников, эта суцая язва России. Эти господа образуют нечто вроде дворянства...» [8].

Взгляд Кюстина на отмеченные им особенности русского характера и образа жизни также далек от оптимистического: «Для русских жизнь человека ничего не значит: у них такой меланхолический вид, что они кажутся равнодушными как к своей, так и к чужой жизни»; «Самое большое удовольствие этого народа – пьянство, иначе говоря “забыть”. Им нужно мечтать, чтобы быть счастливыми»; «Пренебрежение к тому, чего они не знают, – доминирующая черта русского характера. Вместо того чтобы стараться понять, они стараются пренебрегать»; «Русские

неразговорчивы и нелюбопытны»; «Простой народ топит печаль в тихом пьянстве, господа в шумном» [8].

Безусловно, все три книги до сих пор не потеряли своей актуальности для французского читателя и продолжают оказывать влияние на формирование его представлений о России.

Наконец, в наше время появляется еще один вид путешественника, с новой стороны открывшего для себя и своего читателя Россию. Теперь он предстает в образе «отшельника», решившего уединиться от остального мира и пожить какое-то время на лоне не тронутой цивилизацией величественной русской природы. В 2010 году известный французский путешественник и писатель Сильвен Тессон (*Sylvain Tesson*) провел полгода (с февраля по июль) в деревянном охотничьем домике на берегу озера Байкал один, более чем в ста километрах от ближайшей деревни. Его книга «В лесах Сибири» (*Dans les forêts de Sibérie*, 2011) представляет собой дневник (*journal d'ermitage*), в котором автор подробно фиксирует все события этого «замкнутого существования, сопровождаемого простыми действиями», когда он «смотрел, как проходят дни на фоне озера и леса, рубил дрова, ловил рыбу на ужин, много читал, ходил по горам и пил водку, глядя в окно». Цель такого отшельничества – не только «уловить все содрогания природы» (*capter les tressaillements de la nature*), но и разобраться в жизни и в себе самом, узнать «счастье», «отчаяние», обрести «мир» (*la paix*) [9. Р. 9].

В произведении дана авторская попытка взглянуть на Россию изнутри, став одним из обитателей этих бескрайних суровых просторов, в какой-то мере сродниться, сделать своим то чужое, что видится вокруг. В отличие от литературных предшественников С. Тессон старается каждый раз найти объяснение, помогающее ему действительно понять особенности образа жизни, мотивы поведения людей, черты русского характера, с которыми сталкивается. Так, среди строительных материалов в России «торжествует пластик», поскольку «70 лет исторического материализма уничтожили любое проявление чувства прекрасного у русских» [9. Р. 29]. Манера возводить дома в деревнях «наспех» связана с «недолговечностью бытия», ощущаемой людьми, в жизни которых главенствует желание «пережить зиму» [9. Р. 30]. Русские окружают себя огромным количеством непригодных вещей, старых или сломанных, поскольку они согласны «лучше умереть, чем что-то выбросить». Отсюда

излюбленное русскими слово «абстрагироваться», «просто необходимое, когда живешь на свалке» [9. Р. 31]. В современной России популярна эзотерика, так как после распада Советского Союза «нужно было заполнить пустое место, образовавшееся в результате краха социалистических догм» [9. Р. 284].

Живущие в глубинке рыбаки, охотники, сотрудники заповедника или метеостанции предстают на страницах книги в образе людей абсолютно свободных, бесшабашных, независимых от деятельности властей, гостеприимных, всегда готовых организовать застолье и баню вновь пришедшему, сопроводить его до дома. Они тонко чувствуют уникальную красоту природы родных мест, хоть и скупы на выражение эмоций: «Лед на озере трещит. Плиты, сжатые перемещением ледяной оболочки, взрываются. Линии разломов зигзагами бороздят равнину цвета ртути. Синяя кровь сочится из ледяных ран. “Красиво”, – говорит Миша» [9. Р. 25].

Автор подробно останавливается на одной из главных, по его мнению, черт русского характера, отмеченной и у писателей XIX века – «равнодушие ко всему, меланхоличность». Изучая все ее проявления, С. Тессон не находит в ней ничего общего с «покорностью судьбе древнегреческих стойков» либо «буддийской отстраненностью». Он дает определение этому «смиренному принятию всего» (*l'accueil résigné de toute chose*) с помощью русского слова в латинской транскрипции *pofigisme*: «*Pofigisme* – это состояние внутренней безучастности, регулируемой жизненной силой. Глубокое презрение к упованию на будущее не мешает, однако, пофигисту забирать все соки у дня сегодняшнего. Вечер – граница его стремлений» [9. Р. 279].

С. Тессон осознает себя культурным посредником между двумя нациями, стремясь сделать более понятной для русских жизнь и проблемы людей во Франции. Он объясняет рыбаку Володе, обеспокоенному уличными выступлениями арабской молодежи во французских городах, что «речь ни в коем случае не идет о революции», эти выступления – «выражение социального возмущения», а не этнических протестов, и молодые люди, поджигающие чужие машины, «ставят себе цель не свергнуть существующий буржуазный порядок, а стать его частью» [9. Р. 280].

Покидая «леса Сибири», автор признается, что «уезжает, зная, что вернется», т. к. благодаря пребыванию здесь, совершил несколько

важных открытий, в том числе осознал «суетность всего, что не является благоговением перед красотой» [9. Р. 287].

Таким образом, различные типы путешественника, выделенные на основе анализа произведений французских авторов, побывавших в России, свидетельствуют о многообразии и неоднозначности восприятия реалий нашей страны иностранными наблюдателями. Взгляд со стороны, безусловно, необходим, он несет дидактическую функцию, «остраняя» (термин В. Шкловского) те или иные явления повседневной жизни, что позволяет коренным жителям в полной мере осознать их. Однако этот взгляд, формирующийся на основе большого количества составляющих – от личных целей и мотивов до исторического контекста, – вряд ли можно считать объективным и беспристрастным. Скорее он служит индикатором различного рода отношений, сложившихся между двумя странами в определенный момент времени.

Библиографический список

1. Центральный архив Нижегородской области // Электронный ресурс Интернет: <http://www.archiv.nnov.ru/?id=9798>.
2. Greve Cl. de. *Le voyage en Russie*. P.: Robert Laffont Bouquins, 1990. 1288 p.
3. Макаров И.А. *Купеческий Нижний. Историко-биографические очерки*. Нижний Новгород: НОВО, 2006. 264 с.
4. Lortholary A. *Les philosophes du XVIIIe siecle et la Russie*. P., 1948. 442 p.
5. Bernardin de Saint-Pierre J.-H. *Oeuvres posthumes* // Электронный ресурс Интернет: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5780276q/f1.image.texteImage>.
6. Готье Т. *Путешествие в Россию* // Электронный ресурс Интернет https://royallib.com/read/gote_teofil/puteshestvie_v_rossiyu.html#0.
7. Дюма А. *Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию* // Электронный ресурс Интернет <https://www.litmir.me/br/?b=262110&p=3>.
8. Кюстин А. *Россия в 1839 году* // Электронный ресурс Интернет: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/357758-astolf-kyustin-rossiya-v-1839-godu.html>.
9. Tesson S. *Dans les forêts de Sibérie*. P.: Gallimard, 2016. 290 p.

Сведения об авторах

Васенева Екатерина Викторовна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и практики французского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: vaseneva@lunn.ru

Чайка Ксения Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики французского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: ksvlch@mail.ru

УДК 821.112.2(436) "18/19"

ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ АРТУРА ШНИЦЛЕРА

Т.М. Дубах

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

В статье рассматривается вопрос национальной идентичности в прозе одного из самых ярких представителей литературы венского модерна Артура Шницлера, чей творческий взлет хронологически приходится на закат монархии, а поздний период творчества относится к послевоенному времени.

Ключевые слова: венский модерн, национальная идентичность, проза, хронотоп, биография.

Jewish Themes in the Life and Works of Arthur Schnitzler

Tatyana Dubakh

The paper discusses representations of national identity in the prose of Arthur Schnitzler, who was of the most prominent authors of the Viennese Modern Age, making his career at the time of the monarchy's decline and creating his major literary masterpieces after World War I.

Key words: the Vienna Modernism, national identity, Schnitzler's prose, chronotope, biography.

Вопрос национальной идентичности в Австро-Венгерской монархии, а затем и в Австрии межвоенного периода напрямую связан с национальным вопросом, истоки которого приходятся на 1866 г., когда поражение под Кенигрицем ознаменовало рождение Австро-Венгерского государства. К началу XX века Австрия объединяла земли Зальцбурга, Штирии, Тироля, Богемии, Моравии, Силезии, Буковины, Далмации, Венгрии, Галиции, Словении, Сербии, Боснии, Герцеговины и других областей [1]. Такая пестрота территориального состава обеспечивала писателям венского модерна не только широкий диапазон в выборе героев и места действия для художественных произведений, но и ставила перед ними вопрос собственной национальной идентичности.

Одним из ярких представителей литературы венского модерна является Артур Шницлер (1862–1931), чей творческий взлет хронологически приходится на закат монархии, а поздний период творчества относится к послевоенному времени.

В прозе Шницлера представлена пестрая палитра национальностей. На страницах произведений автора можно встретить имена из всех земель монархии. Главная героиня романа

«Тереза» (*Therese*) носит фамилию Фабиани, а ее мать пишет романы под двойной фамилией Фабиани-Гальмос [2]. В новелле «Судьба барона фон Ляйзенбо» (*Das Schicksal des Freiherrn von Leisenbogh*) граф Альбан-Ратони проигрывает свои венгерские имения [3], а капельмейстера из новеллы «Новая песня» (*Das neue Lied*) зовут Ребай. Он выступает в одном концерте с чудаковатым клоуном по имени Йедек, а также венгеркой Илькой, которая в красном платье и сапогах со шпорами вытанцовывает чардаш и исполняет венгерские песни [4].

Список имен можно было бы продолжить и дальше. Вместе с тем, представляется, что для автора вопрос о происхождении персонажей имеет второстепенное значение. Они ведут себя на страницах произведений не как итальянцы, румыны, венгры, а как немецкоговорящие подданные Австро-Венгрии. Критика офицерства затрагивает не «австрийца» Густля из одноименной новеллы «Лейтенант Густль» (*Leutnant Gustl*) [5] или Вилли Касду из рассказа «Игра на рассвете» (*Spiel im Morgengrauen*) [6] (хотя имя Касда предположительно не является немецким), а слепое следование нормам и шаблонам поведения, насаждаемым армейскими порядками и кодексами, а также армейскую систему, превращающую индивида в бездумную и бездушную машину.

Отдельного рассмотрения в прозе Шницлера заслуживает еврейская тема. На рубеже веков евреи составляли 8–10 % населения Вены. Для сравнения, в Варшаве проживало около 30 % исповедующих иудаизм, в Будапеште – около 20 %, в Париже и Цюрихе – 2 % [7. S. 358]. Эмансипация евреев в Австрии являлась результатом долгого процесса, который был инициирован толерантными законами императора Франца Иосифа II и длился вплоть до 1867 г. [8. S. 185]. Провозглашенное в 1848 году равноправие еврейской нации по отношению к другим национальностям было редуцировано и лишь в 1867 г. восстановлено вновь [9. S. 25].

Насколько ограниченными оставались права евреев позволяют составить представление следующие факты. Одногодичная добровольная армейская служба открыла молодым евреям дорогу к офицерской карьере, однако декрет Вайдхофена от 11 марта 1896 года отказывал им в праве сатисфакции, о чем упоминал Шницлер в автобиографии «Молодость в Вене» (*Jugend in Wien*) [10]. Кроме того, евреи могли получить высокий чин в армейских структурах, однако

необходимым условием такого карьерного роста был переход в христианскую веру [11].

Огромный творческий потенциал, привнесенный евреями в культуру венского модерна, не остался без внимания современников. В автобиографии «Вчерашний мир» (*Die Weltvongestern*) Стефан Цвейг с ностальгией вспоминал о том, что именно евреи составляли на рубеже веков ту публику, которая «заполняла театры и концерты, покупала книги и картины, посещала выставки. Благодаря своему живому и менее обремененному традицией чутью евреи повсеместно являлись инициаторами и покровителями всего нового» [12. S. 40], что не могло не вызывать резкую реакцию со стороны антисемитов.

Меткое наблюдение Цвейга подтверждается биографиями А. Шницлера, Х. фон Гофмансталя, К. Крауса, П. Альтенберга, Г. Броха и Ф. Верфеля, которые происходили из состоятельных домов, однако выбрали стезю свободных писателей.

Шницлер очень осторожно подходит к освещению еврейского вопроса в своих произведениях. В его прозе мы встретили лишь несколько произведений, в которых содержатся четкие указания на еврейское происхождение героев.

В новелле «Благие поступки от чистого сердца» (*Wohltaten, stillundreingegeben*) Шницлер сжато, но колоритно описывает молодую еврейку, чистящую прилавок пивной [13]. Представляя читателю портрет оперной певицы Клер из новеллы «Судьба барона фон Лязенбо», автор не забывает упомянуть о ее благотворительной деятельности. Он подчеркивает, что не только аристократки, но и «еврейские дамы из финансовых кругов» почитали за честь продавать товары рядом с ней [3].

Вместе с тем литературные персонажи неохотно позволяют распознать в них евреев. Тот факт, что секундант из одноименной новеллы «Секундант» (*Der Sekundant*) сам признается в том, что он – еврей, является скорее исключением [14]. Мы понимаем, что Фридолин – главный герой «Траумновелле» (*Traumnovelle*) – имеет еврейские корни лишь потому, что враждебно настроенный мир узнает в нем еврея: группа студентов пытается перегородить ему дорогу [15].

В некоторых случаях именно речь героя является идентификатором его национальной принадлежности. Еврейские корни волшебника Марко Поло из новеллы «Пророчество» (*Die*

Weissagung) выдает его еврейский жаргон [16]. Когда Фридолин в рассказе «Траумновелле» [15] и командир полка в новелле «Пророчество» в шутку подражают еврейской манере, начинает проявляться некий антисемитский стереотип, согласно которому даже ассимилировавшегося еврея можно узнать по его речи.

Сам Шницлер в дневнике сделал запись о том, что был неприятно поражен высказыванием Марии Глюмер, своей возлюбленной, когда она, рассказывая о приятеле, заметила, что тот говорит в еврейской манере (*erjüdle*). Вместе с тем сам А. Шницлер был сильно удивлен «ярко выраженным назальным оттенком» собственного голоса, когда впервые прослушал свою запись в фонографическом архиве [17. S. 147].

В то время как прозаические творения Шницлера (за исключением новелл «Пророчество» и «Лейтенант Густль») выдерживают дистанцию по отношению к еврейской теме, автобиография автора детально рассматривает историю австрийского антисемитизма. В дневниковых записях и письмах Шницлера зарегистрированы антисемитские атаки на него и на его труды [10].

Эти документы являются ярким подтверждением того, что автора мучила проблема самоидентификации. К примеру, Шницлер подчеркивал, что «для публичного еврея было невозможно ощущать себя не евреем, потому как окружение признавало в нем такового». В противном случае у такого еврея «был выбор слыть невосприимчивым, навязчивым, дерзким или чувствительным, робким и с манией преследования. И даже если удавалось сохранять внешнее и внутреннее самообладание до такой степени, чтобы не демонстрировать ни то, ни другое» [10], то вряд ли можно было остаться в стороне.

Шницлер не без доли сарказма анализирует это свойственное его современникам ощущение с помощью примера из сферы медицинского знания. Он проводит параллели с ситуацией, когда кожа индивида находится под анестезией, а глаза наблюдают, как ножи кромсают тело [10. S. 322].

Не меняя ироничного тона, Шницлер в романе «Путь на волю» (*Der Weg ins Freie*) заставляет еврея Саломона Эренберга объяснять еврею Эдмунду Нюрнбергеру, что даже тому, кто никогда не ощущал себя евреем, антисемитски настроенная венская публика за «слегка

еврейский нос» насильно поставит печать национальной идентичности, «хлопнув» его «по цилиндру» [18. S. 61].

Один из двух романов Шницлера – «Путь на волю» – можно с уверенностью назвать «еврейским романом», хотя сам Шницлер в письме к Леони Мейерхоф-Хидек от 7 декабря 1908 года предостерегал от такого однобокого восприятия, выражая надежду на то, что последней удалось рассмотреть здесь и другие важные темы [19. S. 583].

Роман «Путь на волю» насыщен колоритными портретами героев-евреев, а также тонкими ремарками автора, раскрывающими в нем не только тонкого наблюдателя, но и знатока изнаночной стороны вопроса.

В том обществе, где вращается главный герой романа Георг фон Вергентин, он то и дело встречает два типа евреев: тех, кто стыдится своего происхождения, и тех, кто гордится им и одновременно боится того, что их могут заподозрить в том, что они стыдятся своих корней. Следствием такой самоидентификации является тот факт, что евреи первыми поднимают тему своей национальной принадлежности, на что указывает не принадлежащий к еврейской нации Георг [18].

Хотя данный роман и поднимает «еврейскую» тему, автор помещает ее преимущественно в социально-культурный и политический контекст, опуская религиозный аспект, несмотря на то, что писателя интересовал данный вопрос, о чем свидетельствует его автобиография [10]. Опосредованное отношение к данной теме имеет, на наш взгляд, высказанная Генрихом Берманом мысль о том, что евреи с рождения связаны невидимой нитью – чувством стыда за ошибки других евреев, что подтверждает родственную связь поколений на ментальном уровне [18].

В романе также поднимается актуальная для историко-культурной обстановки рубежа веков тема сионизма, достигающая эскалации в конфликте между евреями, которые желают обрести родину в Палестине, и теми, кто решил укрепить свой социальный статус в Вене. Репрезентантом первой группы служит затянутый в дуэльный спор Лео Головски – антипод лейтенанта Густля. Другая группа представлена фигурой скептически смотрящего на вещи драматурга Генриха Бермана [18].

Примечательно, что первое заседание конгресса сионистов собралось в Базеле в 1897 году по инициативе драматурга и

уважаемого фельетониста «Новой свободной прессы» (*Neue Freie Presse*) Т. Герцля. Годом ранее Герцль опубликовал в небольшом издательстве брошюру «Государство евреев» (*Der Judenstaat*), где изложил свое видение решения еврейского вопроса. Он считал антисемитизм, к которому относился без ненависти или страха, более сложным движением, чем это было принято полагать. Герцль был убежден в том, что еврейский вопрос не являлся по своему характеру религиозным, а представлял собой национальную проблему. Герцль был уверен в провале идеи ассимиляции евреев, потому как народы, у которых живут евреи, являются либо открытыми, либо латентными антисемитами. Во вступлении к «Государству евреев» он подчеркивал, что заставить еврейский народ поменять одно место жительства на другое под силу лишь государственной идее, которая выведет евреев на более высокую ступень культуры и благосостояния [20. S. 8–16].

Против казавшейся многим утопической идеи «Государства евреев» выступал и литературный критик К. Краус. Считая сионизм мимолетным настроением *Findesiècle*, в сатире «Крона за Сион» (*Eine Krone für Zion*) он излагал мысль о том, что Палестина может оказаться убежищем в лучшем случае для преследуемых евреев [21. S. 396, 399].

Неспособность самих евреев справиться с «рудиментарным» наследством привела к возникновению амбивалентной реакции внутри еврейского сообщества. «Я не знаю, что сегодня представляют из себя характерные еврейские особенности!... Я не знаю, еврейская ли это черта находить книгу Иова заслуживающей прочтения или будет считаться антисемитизмом бросить в угол томик Шницлера, а также сказать, что евреи Э. Ласкер-Шюлер и Альтенберг находятся ближе к Богу и языку, чем вся немецкая литература за последние пятьдесят лет, на которые приходится жизнь Бара. Я не знаю этой расы» [22. S. 238], – писал К. Краус, исключив возможность быть отнесенным к нации, которой не существует.

Соратник Шницлера по «Молодой Вене» Гофмансталь, напротив, прекрасно разбирался в вопросе, поэтому, не желая быть причисленным к плеяде немецко-еврейских писателей, настаивал на том, что только одна часть его предков имела еврейские корни. Откровенным антисемитизмом веет от его письма к Р. Паннвицу от 2 сентября 1917 года, в котором он считает своим долгом

предупредить берлинского педагога и поэта об «интеллектуальной среде венских евреев» [11. S. 18], являющейся для него олицетворением ужаснейшего в ужасном.

Представляется очевидным, что Дунайская монархия составляет в произведениях Шницлера лишь внешнюю рамку, куда помещено действие. Несмотря на то, что проза автора так или иначе затрагивает особенности общественно-политической жизни, Шницлер представляет ее как некую данность, без критического анализа историка.

Герои Шницлера как будто не имеют родины, живя в наднациональном пространстве. Зачастую нам известно только лишь их имя. Мы не владем никакой дополнительной информацией об их семье, возрасте или внешности. Это коррелирует с особенностями политической идеологии многонационального государства, где вопросы национальной идентичности были сознательно вытеснены на задний план.

С другой стороны, «бездомность» шницлеровских персонажей предстает как последствие вступления в права эпохи модернизма. Дезориентация в изменившемся и непонятном мире негативно воздействует на индивида, который оказывается совсем один, без жизненных ориентиров и межличностных связей. Одиночество символически прочитывается в отсутствии предыстории жизни героев. Эта редукция получит дальнейшее развитие у Франца Кафки, чей персонаж сначала будет Йозефом К., а затем превратится в одно лишь К.

Библиографический список

1. Lorenz D. Wiener Moderne. Stuttgart: J.B. Metzler, 2007. 230 S.
2. Schnitzler A. Therese // Das erzählerische Werk. Band 7. Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. 268 S.
3. Schnitzler A. Das Schicksal des Freiherrn von Leisenbogh // Das erzählerische Werk. Band 3. Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. S. 58–75.
4. Schnitzler A. Das neue Lied // Das erzählerische Werk. Band 3. Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. S. 76–90.
5. Schnitzler A. Leutnant Gustl // Das erzählerische Werk. Band 7. Frankfurt a/M: Fischer, 1979. S. 202–236.

6. Schnitzler A. Spiel im Morgengrauen // Das erzählerische Werk. Band 6. Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. S. 130–206.
7. Eine Literaturgeschichte: Österreich seit 1650. Innsbruck, Wien, Bozen: Studienverlag, 2012. 840 S.
8. Scheuch M. Historischer Atlas Österreich. Wien: Christian Brandstätter Verlag, 2008. 317 S.
9. Bruckmüller E. Zur Problematik kollektiver Identitätsstiftung innerhalb der Donaumonarchie // Von der Doppelmonarchie zur Europäischen Union. Österreichs Vermächtnis und Erbe. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 2011. S. 17–45.
10. Schnitzler A. Jugend in Wien. Eine Autobiographie. Frankfurt a/M: Fischer, 1981. 380 S.
11. Goltschnigg D. „Fröhliche Apokalypse“ und nostalgische Utopie. „Österreich als besonders deutlicher Fall der modernen Welt“. Berlin: Lit Verlag, 2009. 366 S.
12. Zweig S. Die Welt von gestern. Erinnerungen eines Europäers. Frankfurt a/M: Fischer, 2011. 500 S.
13. Schnitzler A. Wohltaten, still und rein gegeben // Das erzählerische Werk. Band 2. Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. S. 267–273.
14. Schnitzler A. Der Sekundant // Das erzählerische Werk. Band 6. Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. S. 254–274.
15. Schnitzler A. Traumnovelle // Das erzählerische Werk. Band 6. Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. S. 59–129.
16. Schnitzler A. Die Weissagung // Das erzählerische Werk. Band 3. Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. S. 36–57.
17. Rohrwasser M. Arthur Schnitzler, seine jüdische Figuren und der Antisemitismus // Arthur Schnitzler. Affairen und Affekte. Wien: Brandstätter, 2006. S. 143–150.
18. Schnitzler A. Der Weg ins Freie // Das erzählerische Werk. Band 4. Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. 334 S.
19. Schnitzler A. Briefe 1875–1912. Frankfurt a/M: Fischer, 1981. 1044 S.
20. Herzl T. Der Judenstaat. Versuch einer modernen Lösung der Judenfrage. Berlin: Holzinger, 2013. 64 S.
21. Wistrich R. S. Die Juden Wiens im Zeitalter Kaiser Franz Josephs. Wien: Böhlau, 1999. 726 S.
22. Kraus K. Jude // „Kolossal montiert“. Ein Lexikon zu Karl Kraus „Die letzten Tage der Menschheit“. Wien: European University Press, 2011. S. 238.

Сведения об авторе:

Дубах Татьяна Михайловна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
Института иностранных языков
Уральского государственного
педагогического университета
E-mail:romt2@list.ru

УДК 811.111'255.2:821.161.1 "19"

**ПЕРЕВОД КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ:
«КОРОЛЬ, ДАМА, ВАЛЕТ» В. НАБОКОВА**

А.Н. Кочетков

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Tertium comparationis – роман В. Набокова «Король, дама, валет» (1928) и отсроченный автоперевод *King, Queen, Knave* (1968). Автоперевод русского романа на английский язык рассматривается как авторская интерпретация в иной культуре.

Ключевые слова: В. Набоков, авторский перевод, интерпретация, «Король, дама, валет».

Self-Translation in V. Nabokov's Interpretation

Alexander Kochetkov

Tertium comparationis is V. Nabokov's novel 'King, Queen, Knave' (1928) and its delayed self-translation into English, published in 1968. The self-translation of the novel is viewed as the writer's interpretation in a different culture.

Key words: V. Nabokov, self-translation, interpretation, *King, Queen, Knave*.

Целью настоящей статьи является выявление особенности эволюции писательских и переводческих поисков В. Набокова на примере его собственного перевода романа «Король, дама, валет» на английский язык.

Термины «автоперевод», «авторизованный перевод» (*auto-translation, self-translation*) имеют различное толкование в литературоведении и переводческих исследованиях. В литературоведении к автопереводу «относятся неодобрительно» – “auto-translation is frowned upon in literary studies” [1. P. 17], а в переводоведении ему уделяют мало внимания, считая его скорее проблемой билингвизма. В современном зарубежном переводоведении принято рассматривать произведение и его перевод, выполненный самим автором, как варианты. Современные русские переводоведы, считая автоперевод с абстрактной точки зрения «идеальным путём воссоздания оригинала на другом языке», отмечают, что «в то же время в автопереводе возможны значительные трансформации исходного текста, недопустимые при переводе подлинника другим переводчиком» [2. С. 12]. С нашей точки зрения,

именно авторские переводы приближают читателя к адекватному «слышанию друг друга людей разных языков» [3. С. 21].

Трансформации в переводах В. Набокова привлекали и продолжают привлекать внимание многих исследователей, как отечественных, так и зарубежных. Назовем имена авторов наиболее, на наш взгляд, интересных работ по данной тематике: Дж. Грейсон [4] (компаративный анализ); М. Виролайнен [5] («смена культурных зон», «инобытие русской речи»); Дж.В. Конноли [6] (изменения, уплотняющие сюжет).

Как правило, трансформации в переводах В. Набокова включают добавления, например дополнительные характеристики героев, новые детали, символы, литературные, музыкальные и кинематографические аллюзии, появление автора под разными псевдонимами и др., которые «уплотняют сюжет», и опущения, которые переставляют акценты в повествовании. Стилистические изменения в переводе (ирония, игра слов, новые метафоры, аллитерация и др.) также помогают понять новую авторскую интерпретацию романа.

В настоящей статье анализируются основные добавления, сделанные В. Набоковым в переводе. За рамками исследования остаются дополнительные характеристики главных героев (детали портрета, черты характера, воспоминания из прошлого) и второстепенных персонажей, которые остаются на «обочине сюжета», локализация действия, временная определенность, мотив «зеркального преобразования», «магия цифр», «кознодействие рока», создающее смысловое напряжение и провоцирующее интерес, стилистические особенности.

О теоретических аспектах перевода В. Набоков писал неоднократно, меняя свои взгляды в зависимости от практической цели перевода. Вариативность задач в автопереводах и эволюцию взглядов на художественный перевод В. Набокова показывают предисловия писателя к его английским переводам [7; 8; 9; 10]. В предисловии к анализируемому переводу В. Набоков пишет: «Я предвидел, что мне придется сделать немало исправлений в сорокалетнем тексте романа. Очень скоро я убедился, что оригинал одряхлел куда больше, чем я предполагал. Не хочу обсуждением сделанных мною небольших изменений портить удовольствие тем, кто в будущем пожелал бы сравнить оба текста. Позволю себе только

заметить, что они были сделаны не для того, чтобы поддурманить труп, а скорее чтобы дать еще небездыханному телу воспользоваться некоторыми внутренними возможностями, в которых ему было прежде отказано вследствие неопытности и нетерпения, торопливости мысли и нерасторопности слова. Эти возможности прямо напрашивались, чтобы их выявили из композиционного нутра произведения» [8. С. 64–65].

Литературные аллюзии. В предисловии к английскому переводу В. Набоков пишет о своих «маленьких милых подделках под “Мадам Бовари”, которые хорошие читатели не преминут заметить» и которые «представляют собой намеренную дань Флоберу» [8. С. 66]. Эти аллюзии, добавленные в английский текст романа, присутствуют уже в первой главе в описаниях попутчика, встреч, замаскированных под посещение уроков физкультуры, манекена и т. д. Те же аллюзии В. Набоков сохраняет в своём переводе. В английской версии В. Набоков делает прямые указания на Эмму Бовари и Анну Каренину, добавляя эксплицирующий абзац: *She was no Emma, and no Anna. In the course of her conjugal life she had grown accustomed to grant her favors to her wealthy protector with such skill, with such calculation, with such efficient habits of physical practice, that she who thought herself ripe for adultery had long grown ready for harlotry* [11. P. 88].

Будучи в бреду, Марта говорит о гондоле, которая также упоминается и Эммой Бовари: *We're going to a tombola in a gondola* [11. P. 211]. В английской версии в сцене смерти героини Марта просит принести её украшения (*emerald earrings*) [11. P. 222], что является скрытой аллюзией на сцену смерти в романе Бальзака *Eugénie Grandet*.

Литературные аллюзии добавляют иронии в поведение Драйера, не замечающего измены жены. В последней главе Драйер читает «Кандиду» Б. Шоу, пьесу, в которой двум мужчинам-идеалистам противопоставлена женщина-реалистка. Наличие данной литературной аллюзии (в русской версии отсутствует название пьесы Б. Шоу) позволяет В. Набокову подчеркнуть для читателя «слепоту» героя.

В. Набоков также добавляет в английскую версию детали и замечания, относящиеся к различным литературным жанрам: *for life not unfrequently imitates the French novelists* [11. P. 89]; *a paperback*

novelette on the chest-of-drawers left open at Chapter Five skipped several pages [11. P. 86]. Здесь В. Набоков соотносит события, описанные в этой главе (Марта соблазняет Франца) с бульварным романом. Номера глав набоковского романа и бульварного романа совпадают – пятая глава в обоих романах. В 10-й главе, когда героиня, размышляя о способах убийства мужа, приходит к выводу: *One must stop buying novelettes about the Borgias* [11. P. 165]. Когда Драйер думает о возможной реакции Марты на его увлечение автоманекенами, герой вспоминает пьесу Б. Шоу «Пигмалион»: *Mechanical mannequins indeed! What next? Pygmalion? You, Galatea* [11. P. 171]; в 12 главе Франц пытается читать страницу из антологии стихов.

Мотив карточной игры и заглавие романа. Метафора жизни как опасной игры получает дальнейшую разработку в английской версии. В предисловии к английскому роману В. Набоков пишет: *Finally, the question of the title. Those three court cards, all hearts, I have retained, while discarding a small pair. The two new cards may justify the gamble, for I have always had an ivory thumb in this game. Tightly, narrowly, closely, through the smart of tobacco smoke, one edge is squeezed out. Frog's heart – as they say in Russian Gulch. And Jingle Bells! I can only hope that my good old partners, replete with full houses and straights, will think I am bluffing* [11. P. 8].

Пушкинский мотив карточной игры переосмысливается в манере В. Набокова. Напомним набоковские перифразы афористических высказываний Л. Толстого и А. Чехова: «Все счастливые семьи счастливы, в общем-то, по-разному; все несчастные, в общем-то, похожи друг на друга» («Ада»); «Если в первом действии висит на стене ружьё, то в последнем оно должно дать осечку» («Событие»). Обе перифразы реализуются в сюжете исследуемого романа.

Фамилия Франца Бубендорф, которая появляется в английской версии, значит по-немецки валет (*bube*). В 9-й главе, когда Курт Драйер встречает свою бывшую любовницу Эрику с её сыном, герой вспоминает их встречу в театре: *The play was 'King, Queen, Knave', and now they are making a film out of it* [11. P. 145]. Эрика вторит Драйеру: *Yes, yes, 'King, Queen, Knave'* [11. P. 145], тем самым акцентируя тот факт, что оба героя проживали в тот момент ситуацию «король, дама, валет». В 11-й главе во время прогулки Драйер «отыскал новостройку синематографа»: *A little farther he crossed a square and saw at the corner of the next street a tall house bared of most*

*of its scaffolding: its first story was ornamented with a huge picture, advertising the film to be shown on the opening night, July 15, based on Goldemar's play 'King, Queen, Knave' which had been such a hit several years ago. The display consisted of three gigantic transparent-looking playing cards resembling stained-glass windows, which would probably be very effective when lit up at night: **the King wore a maroon dressing gown, the Knave a red turtleneck sweater, and the Queen a black bathing suit** [11. P. 179–180] (выделено автором – А. К.). В этом эпизоде внимание читателя (не героя) концентрируется не только на центральной теме романа, но здесь через семантику цвета (*maroon, red, black*) предсказывается финал.*

В 13-й главе в последний раз появляется название романа, когда Драйер пытается пригласить на свидание одну из своих любовниц – Изольду: *He rang up Isolda at her mother's at Spandau and pleaded abjectly for a brief date later in the evening, but Isolda said she was busy, and suggested he call her again tomorrow or the day after tomorrow and take her to the première of the film, King, Queen, Knave, and then one would see* [11. P. 215]. Ситуация «король, дама, валет» может продолжиться.

Музыка. В английской версии В. Набоков усиливает роль музыки, которая резонирует в сюжете романа, автор также акцентирует ритм и темп. О значении музыки в романе пишет Д.З. Йожа: «Мотив музыки придаёт какую-то возвышенную (сакрализирующую) окраску любовным отношениям Франца и Марты, описанным в основном как пошлое телесное влечение» [12. С. 671].

В 3-й главе Марта приходит впервые в комнату Франца: *Martha felt the mattress. It was firm and hard. She took off one glove, stroked the bed table, and consulted the face of her finger. A fashionable song she liked, Black-eyed Natasha, came from two different radios on two different levels, mingling buoyantly with the musical clanking of construction work somewhere outside* [11. P. 50].

В 4-й главе Марта переключает радио «с музыки на речь» (*She would switch the radio from song to speech* [11. P. 74]), переводя сложный код коммуникации в более привычный для Франца код вербальный. Та же последовательность «музыка – слово» повторяется после первого свидания Марты и Франца: *Slowly, the bed returned to Berlin from Eden. It was greeted by a blast of excited speech of music from*

the radio upstairs which changed immediately to excited speech [11. P. 86]. В 6-й главе Франц говорит о воображаемой счастливой жизни с Мартой, где будет звучать прекрасная венгерская музыка.

В 6-й главе в театре герои слушают попури из «Лючии ди Ламмермур» (*a potpourri from Lucia di Lammermoor which in the circumstances was pretty apt, though lost on our audience* [11. P. 99]). Сюжет оперы Гаэтано Доницетти, в которой героиня в припадке безумия убивает своего мужа, коррелирует с развитием сюжета романа.

В воображении Франца Марта во сне слышит божественную скрипку (*she ... hears the divine violin* [11. P. 103]). Музыка присутствует и в воспоминаниях Франца о доме: *This was the season of guitar music on the river at home, of rafts gently singing in the shadow of the willows* [11. P. 166].

Музыка включена в описание болезненного состояния Марты в 12-й главе: *A pain, of another musical tone than intercostal neuralgia or that strange ache which a great cardiologist had told her came from a "shadow behind her heart", entered into excruciating concords with the orchestra. The dance rhythm did not lull or delight her as it usually did...* [11. P. 207]. В 13-й главе вероятный покупатель автоманекенов профессор Риттер описывает другой проект, который привлек его внимание: *"The other has to do with running water in luxury hotels. Water made to produce recognizable tunes. The music of water in a literal sense. An orchestra of faucets. Wash your hands in a barcarolla, bathe in Lohengrin, rinse your silver in Debussy."* *"Or drown in a Bach", punned Dreyer* [11. P. 217].

Как известно, героиня оперы Р. Вагнера Эльза умирает от горя. В. Набоков непрямо и иронично соотносит сюжет оперы с развитием романного сюжета. Известные читателю музыкальные характеристики упомянутых композиторов (драматизм Вагнера, импрессионизм Дебюсси, размеренная торжественность Баха) посылают читателю косвенный сигнал дальнейшего развития сюжета. О сближении повествования в романах В. Набокова с оперой, «внутренних переключках с параллельными референтными текстами», пишет Н. Букс [13].

В английской версии романа более ощутимо нарастание темпа развития сюжета, почти по известному указанию Ф. Листа «Быстро,

очень быстро, гораздо быстрее, быстро как только возможно, ещё быстрее!» В 13-й главе Драйер видит как «все больше и больше разгоралось море» (*the sea was growing more and more luminous* [11. P. 212]). И *presto!* – в самом конце романа: *Franz followed the old woman upstairs. She led him into a darkened room. Quickly she threw back the shutters, quickly she opened the lower stage of the bed table to see if the nightpot was there. Quickly she left.* [11. P. 224] (выделено нами – А. К.).

Композиция английской версии основана на чётком ритме. Добавления, которые делает В. Набоков, придают точный ритм повествованию: кушетка, которая скрипела в такт вскипающей страсти любовников (*And soon they grew used to it, to its modest coloration and to the disapproving creaks it emitted in rhythm to their ebullient love-making* [11. P. 104]), Франц во время урока танца начинает понимать правильность ударов и пауз (*he perceived, in that sound, rhythmic demands, a compelling meaning, regular breaks and beats* [11. P. 127]). В 8-й главе героям кажется, что они не обнимаются, а танцуют фокстрот на ярко освещённом полу (*They were no longer coupling on the coach but foxtrotting among gleaming white tables on the bright-lit floor of a café* [11. P. 129]) (в 20-е годы XX века под влиянием джазовых ритмов танцевальные оркестры Германии ускорили исполнение с 32 до 50 тактов в минуту). В английской версии романа упоминается эксперт в ритмическом дыхании (*an expert in rhythmic respiration* [11. P. 179]). К этим примерам также можно отнести воспоминания Марты о начале романа с Францем в 12-й главе: *How happy they had been in the rhythm of that earlier novel in those first chapters, under the picture of the dancing slave girl between the whirling dervishes* [11. P. 208].

Во время танца Франц мечтает всегда скользить, как поршень, в вакууме наслаждения: *If only he could glide thus forever, an eternal piston rod in a vacuum of delight, and never, never part from her* [11. P. 129]. И *crescendo!* – в предпоследней главе романа, когда сознание героини начало раздваиваться, и она видит себя прильнувшей к танцмейстеру, В. Набоков добавляет название танца – «танго»: *She saw Martha Dreyer nestle up to him and begin a tango* [11. P. 208] – страсть, граничащая со смертью.

Кроме музыки в английской версии добавлены акустические эффекты – **звуки** и **шумы** (более подробно о звуковых образах,

внутренней связи между звучанием и значением у В. Набокова см. [14]). В импрессионистическом описании восприятия действительности пробудившимся Францем говорится о потере «трепета / шума и ощущения / вкуса» действительности – *reality loses the tingle and tang of reality* [11. P. 24]. Далее Францу кажется, что в комнате добавляется фоновый шум – *and there was an additional background noise – the room’s own groan and din like the voice of a magnified seashell* [11. P. 26]. Франца преследует шум охоты: *And the noise of the hunt seemed to pursue Franz* [11. P. 124]. Ощущения Франца, которые он испытывает в Рождество, также включают акустические эффекты: *The roaring darkness that had pursued him like a nightmare had been transformed, now that he had surrendered himself to it, into a hum of euphoria* [11. P. 125].

Дополнительные звуковые эффекты включаются в описание телесного: *From the toilet across the corridor came the steady thick rapid sound of his sister making water* [11. P. 133]. Во время болезни Марта говорит об ужасном шуме в зале, который слышит только сама героиня: *She heard Martha Dreyer ask questions, supply answers, comment on the horror of the thundering hall* [11. P. 207].

К звуковой гамме В. Набоков также добавляет храп, которым характеризуется только Драйер: *She thought she had been awakened by a noise in the street: one of their neighbors had a remarkably loud motorcycle. Actually, it was only her husband snoring away with particular abandon* [11. P. 67]; *When finally her husband’s snore found a permanent rhythm, Martha got up, closed the door, and went back to her uncomfortable bed* [11. P. 196]; *He heard himself emitting a hippopotamian snore and regained consciousness* [11. P. 195].

Кино. Искусству иллюзии в английской версии романа придаётся большее значение. В романе есть несколько упоминаний актёров, а также сравнений героев с актёрами: *a car had overturned killing its occupant, the famous actor Hess, on his way to his sick wife’s bedside* [11. P. 99]; голова хозяина квартиры Энрихта сравнивается с головой профессора в комедии «Индусский принц»: *like the head of the professor in the “Hindu Prince” farce*; Драйер в воображении Марты чудовищно разрастается, как пожар в кино: *Dreyer was spreading out monstrously before her, like a conflagration in a cinema picture* [11. P. 166]. Марта даёт характеристику просмотренного фильма: *“Lovely film”, she said. “Hess was wonderful, though I think I*

liked him better in The Prince". "In what?" "Oh you remember, the student at Heidelberg disguised as a Hindu prince" [11. P. 57].

Описание кинотеатра на улице, на которой живёт Франц, метафорически контрастирует с жизнью героев романа: *His street was decidedly dingy. Perhaps, when the "Cinépalace" was finished, it would look better. A special poster in a wooden frame facing the sidewalk at a strategic point depicted an illusory future – a soaring edifice of glittering glass which stood aloof in a spacious area of blue air, although actually ugly tenement houses snuggled up to its very slowly rising walls. The scaffolded half-finished stories above the promised cinema were to contain an exhibition hall for rent, a beauty salon, a photographic atelier, many other attractions* [11. P. 87]. Когда Марта и Франц планируют убийство, для проявления искусственности плана в текст включена аллюзия на ковбойские фильмы: *From its threshold he would fire half a dozen times in quick succession, as they do in American movies* [11. P. 150]. Уже упоминавшаяся реклама фильма «Король, дама, валет» также связывает повествование с иллюзорным миром кино. Иллюзии европейцев в начале XX века о загадочности, изящности и эстетическом превосходстве восточной культуры над западной сохраняются В. Набоковым в романах в названиях фильмов, сравнениях героев романа с героями фильмов. Например, упоминаемая опера Пуччини «Мадам Баттерфляй» (*Madama Butterfly*, 1903) в центр сюжета ставит изящество, верность японской героини и предательство и бездушность американского морского офицера. Попутно заметим, что взгляды европейцев на изысканность восточной культуры резко меняются к концу XX века. Сравните сюжет фильма Давида Кроненберга «М. Баттерфляй» (*M. Butterfly*, 1993), в котором наивность и романтичность европейца противопоставлены коварной и предательской восточной культуре.

Цвет (его сложность и интенсивность). Семантика цвета – минное поле для исследователя. У каждого цвета есть свой закодированный смысл, существует и навязанная символика цвета (например, красные гвоздики в СССР). Цветовые ассоциации неоднозначны в разное время в одной или разных культурах. Символика цвета трудно поддаётся точной интерпретации даже в рамках одной культуры, поскольку цвета осмысляются индивидуально. Например, М. Волошин считал зелёный цвет цветом «тварности» в противоположность духовности. Одно из значений

красного – власть, коричневого – выражение жизненных ощущений тела, чёрный символизирует смерть. Однако несомненно, что добавленный цвет у В. Набокова связан с определённой функцией героев в сюжете английской версии. Писатель обогащает цветовую гамму *King, Queen, Knave*, свойства цвета (эстетические, психологические, энергетические) несомненно учитывались В. Набоковым. Писатель неоднократно говорил о «цветном слухе»: «у меня есть этот довольно странный дар видеть буквы в цвете. Это называется цветным слухом» [11. P. 160]. В английской версии упоминается «цветная метель» (*a colored snowstorm* [11. P. 207]), Драйер учит Франца воспитывать цветную память (*to develop a chromatic and tactile memory* [11. P. 65]). В английской версии В. Набоков прямо указывает на роль цвета в сюжетном развитии: *colors had no substance* [11. P. 26], *the unruly colors of the universe* [11. P. 44].

Для создания сложной многоцветной картины автор часто добавляет сложные цвета: *green-and-garnet tie* [11. P. 8], *a book bound in purple morocco* [11. P. 16], *the blurry orange-red hue of what looked like rich foliage* [11. P. 6], *the geranium lobe of her little ear* [11. P. 129], *reddish brown* [11. P. 140], *a cherry-red blazer* [11. P. 181], *a beach robe zigzagged with blue and green* [11. P. 186], *the wallpaper bouquets of blood-brown flowers* [11. P. 187], *walnut-brown Mr Vinomori* [11. P. 208], *tender gray-blue eyes* [11. P. 209], *green-blue water* [11. P. 212].

Добавленный цвет в английской версии выполняет «сигнальную функцию», указывая читателю на сюжетное развитие: красный закат в финале романа (*red at night, sailor's delight* [11. P. 207]), цветовая гамма одежды упомянутой афиши кинофильма (*a maroon dressing gown ... a red turtleneck ... a black bathing suit* [11. P. 179–180]). К концу романа чёрный цвет начинает доминировать: *The little black boat with Martha in black evening dress, her eardrops blazing, had to skirt of course that little black island...* [11. P. 196]; *the black garden* [11. P. 196]; *in a black evening dress* [11. P. 216]; *The photographer's black curtain was mercifully drawn* [11. P. 217].

Показательны колебания Франца в выборе цвета бриджей в конце романа: *Suddenly it occurred to him that his choosing the more conservative tint meant his having envisaged death rather than life which those confetti-like specks in the tweed might suggest. But when he returned*

to the tailor's the plus-fours were ready, and he did not have the courage to change his order [11. P. 221–222].

Интенсивность цвета усилена в английской версии: *her radiant and indifferent gaze* [11. P. 17]; *his ears were of a translucent red in the sun* [11. P. 28–29]; *returning at nightfall in a fog of fatigue* [11. P. 55]; *smothering the garden in dark, dark white* [11. P. 99]; *the fire-bright rectangle* [11. P. 150]; *his pale-haired companion* [11. P. 213].

Анализ цветовой гаммы, усложнённой В. Набоковым в английской версии, показывает, что автор меньше всего добавляет разнообразного цвета Драйеру (в основном меняются цвета его галстуков): *a mottled magenta-and-black tie* [11. P. 63], *this expensive vampire red* [11. P. 64], *the three plain blues* [11. P. 64], *a delicate pale-lemon Chinese tie* [11. P. 197], *an old lavender one* [11. P. 197], *his own pearl-gray tie* [11. P. 216]. В описание мира Франца добавлены в основном зелёный и коричневый: *Franz donned his bottle-green hat* [11. P. 22], *dark green taxis* [11. P. 44], *eyes of an impure greenish shade* [11. P. 71], *green larches* [11. P. 130], *brown stains on the wall* [11. P. 46], *the revolving profiles of brown men driving chariots* [11. P. 54], *under the umber sky* [11. P. 61], *brown leatherette* [11. P. 187].

Добавленные цвета предметного мира Марты – зелёный и чёрный, редко оттенки красного: *a leggy rag doll with a black face* [11. P. 40], *emerald texture of that cool frock* [11. P. 42], *her emerald earrings* [11. P. 59], *her emerald ring* [11. P. 70], *her black dress* [11. P. 75], *the silk lining was... as crimson as lips and flayed animals* [11. P. 84], *her green earrings aflame* [11. P. 105], *a green world* [11. P. 208], *his wife's green earrings* [11. P. 208].

Телесное. Смысловая насыщенность телесного более очевидна в английском тексте. Компоненты телесности – секс, еда, питьё и другие телесные акты (рвота, мочеиспускание и др.). В английской версии В. Набоков увеличивает описания эротических сцен, акцентируя «несвободу» героев от своего тела. Подробно телесность анализируется в монографии Н.В. Живолуповой [15. С. 110–155]. Н.О. Лосский, признавая свободу от своего тела, пишет, что «**свои** поступки никто не смеет оправдывать законами своего тела, законами физиологии и т. п. Мы вольны исполнять или не исполнять притязания своего тела, подобно тому как если наши дети предъявляют нам требования поиграть с ними, подарить им игрушку

и т. п. мы исполняем или не исполняем эти требования сообразно **своей** воле и своей оценке желаний детей» [16. С. 538–539]. Герои В. Набокова не пытаются освободиться от своей телесной сущности, их поступки мотивированы их сексуальными потребностями. «Реализованной оказывается в основном биологическая черта личности» [17. С. 185].

Разработка (добавление) эротических сцен касается не только главных героев. В английском романе В. Набоков использует сексуальные намёки на протяжении всего повествования, отмечает разные перверсии. Так, в описание старого Энрихта добавлена деталь: *he was peering back through the archway of his bare thighs at the reflection of his bleak buttocks* [11. P. 77]; Франц вспоминает прочитанную в школьные годы в энциклопедическом словаре статью об онанизме: *Franz remembered how as an adolescent he had looked up “onanism” in a much smaller encyclopedia at school, and remained terrified and chaste for almost a week* [11. P. 137]; вводится новый второстепенный персонаж Швиммер и его женоподобный шведский друг: *athletic Schwimmer and his effeminate Swedish friend* [11. P. 170].

В 10-й главе мы находим: *in a large bare room that had been once a repository for dead bodies and parts of such bodies, which ribald students (some of them, though not all, respectable old surgeons today) frequently used to place in various attitudes and reciprocal positions suggestive of strange orgies* [11. P. 161].

Добавочная сексуальная характеристика Франца даётся уже в первой главе английского романа: *He promised himself a lone treat that very night. He bared the shoulders of the woman that had just been sitting by the window, made a quick mental test. Did blind Eros react? Clumsy Eros did, unsticking its folds in the dark* [11. P. 19]; *Instead, in miserable self-compensation, he had succumbed again, that first night, to the solitary practice he had sworn to give up before his departure* [11. P. 26].

В. Набоков дополняет интерьер одной из комнат, которую Франц хочет снять, картиной: *A picture above the bed showed a naked girl leaning forward to wash her breasts in a misty pond* [11. P. 47]. В комнате, которую Франц снимает, тоже есть картина: *Over the bed hung a picture. Puzzled, Franz stared at it. A bare-bosomed slave girl on sale was being leered at by three hesitant lechers. It was even more artistic than the bathing September nymph. She must have been in some other room – yes, of course, in the one with the stench* [11. P. 50]. До связи с

Мартой Франц мечтает о подруге с хорошей фигурой, спелыми губами (*she too would be shapely, sleek, ripe-lipped and dark-haired* [11. P. 55]), его внимание привлекает проститутка (*stood a sleek-hosed harlot* [11. P. 66]), он видит силуэты любовников (*the silhouettes of lovers pulsating against each other in every recess of porch and passage* [11. P. 67]).

В. Набоков показывает, как нарастает сексуальное *crescendo* во Франце: *At every new visit he added something to the collection of enchantments which he would gloat over later in his solitary bed, choosing the one his frenzied fancy would work on and spend itself* [11. P. 71]. В конце романа Франц измучен и пытается избежать встречи с героиней: *He sat down on the edge of her bed, grimly expecting she would command him to fulfill a duty that he had managed to evade since they came here* [11. P. 212].

В сексуальную характеристику Марты В. Набоков добавляет детали: Марта «строго следует каждому правилу адюльтера» (*strictly adhering to every rule of adultery* [11. P. 99]), пресыщается телесным блаженством (*Martha, after a brisk ablution, lay down again replete with physical bliss* [11. P. 140]). Героиня не видит в Драйере привлекательного сексуального объекта: *And will you please cover your obscene nudity* [11. P. 39]. Упоминаются тягостные сюрпризы медового месяца: *the dismal surprises of their honeymoon* [11. P. 41].

В английской версии неоднократно подчёркивается, что Марта рассматривается как желанный сексуальный объект не только Францем и Драйером, но и другими персонажами: *angelically lovely bare shoulder blades* [11. P. 40], *her creamy skin* [11. P. 55], *her ivory shoulder, the rose of a bared breast* [11. P. 67–68]; *Her partner in full erection against her leg was declaring his love in panting sentences from some lewd book* [11. P. 208]. Марта постоянно держит мужа в сексуальном напряжении, изредка уступая ему: *perhaps allow Dreyer his long-deferred due* [11. P. 57].

Сексуальность Марты соединена с другой характеристикой – расчётливостью: *Characteristically, she chose one of her monthly days lest she succumb too soon, and in the wrong spot, to a yearning that otherwise she could no longer resist* [11. P. 76]. Практичность и доминирование Марты проявляется и в сцене соблазнения Франца: *Her face was now sufficiently close to his and sufficiently removed from the invisible world for his next step. Holding her by the hips, he fed on her*

half-opened active mouth; she freed herself, fearing that his young impatience might resolve itself too soon; he nuzzled her in her deep soft neck [11. С. 84]; “Look, you must put this on; I’ll do it for you, you awkward brutal darling.” “Now,” she cried when he was magnificently sheathed; and, baring her thighs, and not bothering to lie down, and revelling in his ineptitude, she directed his upward thrusts until they drove home, whereupon, her face working, she threw her head back and dug her ten nails in his nates [11. P. 85].

Некоторые черты (любовь к спорам, настойчивость) Марты усилены автором в эротических сценах: *I bet (she adored bets), I bet you a new sweater that you can’t do it again [11. P. 90].* Сексуальность Марты настолько сильна, что она воображает любовные сцены даже тогда, когда планирует убийство Драйера: *And the bracing breeze penetrating you as you sat naked with a naked boy of your age [11. P. 178];* во сне Марта видит, как три араба торгуются за неё с рабовладельцем: *Three lecherous Arabs were haggling over her with a bronze-torsoed handsome slaver [11. P. 68].*

Сексуальная фрустрация Драйера неоднократно акцентируется писателем в английской версии: *Dreyer saw in the mirror the gloss of her smooth bandeaux, her knit brows, her girlish breasts. A robust but untimely throb dispelled sleepiness. He sighed. It was not the first time he regretted that Martha regarded afternoon lovemaking as a decadent perversion [11. P. 38]; He wondered wistfully how many hours must pass till she let him kiss those shoulders; hesitated, thought better of it [11. P. 40].* Марта сама провоцирует Драйера на измену. Когда Драйер сравнивает Иду и Изольду, делая выбор в пользу Изольды, Марта предлагает: *Why don’t you sample her? Or both together? [11. P. 124].*

Еда и питье как компоненты телесного дополнительно включаются В. Набоковым в английскую версию. Автор отмечает диетические предпочтения Марты: *The dinner, particularly that wiener schnitzel, had turned out to be pretty good [11. P. 19],* кусочек печёнки сразу оживляет Марту: *a bit of liver revived her [11. P. 105],* героиня просит Франца налить ей немного дорогого коньяка: *some of that precious cognac [11. P. 106].* Драйер предлагает Францу каплю вишнёвки: *And here is a drop of kirsch for you [11. P. 58],* Франц ест виноград: *He started upon the grapes, which were large and expensive-looking but not half as good as the vulgar “crams” of his native*

town [11. P. 106], Драйер доедает остатки холодного цыплёнка: *Dreyer was finishing what remained of the cold chicken* [11. P. 110], утром Драйер наслаждается яйцом всмятку и гренками с маслом: *Dryer was enjoying a soft-boiled egg with buttered toast (the most delicious meal known to man)* [11. P. 68]. Герои противопоставлены через свои гастрономические предпочтения: плотоядность Марты-карнивоора (шницель, печёнка) и почти строгое вегетарианство героев-мужчин (виноград, холодный цыпленок, яйца, гренки).

Туалет. В 1-й главе Франц выбирается в коридор в поисках туалета: *made his way out into the corridor in search of the toilet. As he stood there holding on to an iron handle, he found it strange and dreadful to be connected to a cold hole where his stream glistened and bounced, with the dark headlong-rushing naked earth so near, so fateful* [11. P. 21].

Дважды в английской версии добавлена просьба хозяина квартиры о необходимой осторожности в пользовании туалетом: *Do not flush the toilet too hard* [11. P. 53]; *he ... warned him again that the water closet should be pulled very gently or it would be jerked off* [11. P. 54]; Франц прошаркивает в вонючий туалет: *He would shuffle to the smelly toilet (a little dark hell in its own right)* [11. P. 168]. Когда Франц выезжает из комнаты, которую снимал у старого Энрихта, «от его физического бытия остается полный ночной горшок посередине комнаты» (*The remnants of his physical self that he left behind were a little dirty water at the bottom of the wash basin and a full chamber pot in the middle of the room* [11. P. 190]).

Франц, не обладавший культурными привычками (замечание Марты: *stop picking your navel* [11. P. 187]), приобретает новые гигиенические привычки, которые очень подробно описываются в английской версии: *Acting upon impeccable Piffke's delicately formulated suggestions, Franz acquired sybarite habits of personal hygiene. He now washed his feet at least twice a week and changed his starched collar and cuffs practically every day. Every evening he brushed his suit and shined his shoes. He used all sorts of nice locions, smelling of spring flowers and Piffke. He hardly ever skipped his Sunday bath. He put on a clean shirt every Wednesday and Sunday. He made a point of changing his warm underwear at least once in ten days. How shocked his mother would be if she saw his laundry bills!* [11. P. 71–72].

В 10-ю главу Набоков добавляет деталь об искусственной женщине с организованной полицией криминальной выставки: *She could walk, wring her hands, and make water* [11. P. 17].

Телесные запахи часто включаются автором в английскую версию: *he snuffed the armpit, and tossed his undervest under the washstand* [11. P. 139]. Драйер говорит о Франце: *The poor boy stank like a goat* [11. P. 155]. В 10-й главе Францу кажется, что от полицейского чиновника сильно разило сыром: *a police official, smelling strongly of cheese* [11. P. 169].

Франц, несмотря «на тоску по её привязанности», вспоминает своё физическое раздражение (отвращение) в отношении матери: *he had suffered less from her indifference, meanness, fits of temper, than from the embarrassment and detestation when she pinched his cheek in feigned fondness before a guest, usually the next-door butcher, or in the latter's presence forced him in folly and fun to kiss his sister's schoolmate Christina whom he adored from a distance, and to whom he would have apologized for those dreadful moments had she paid the least attention to him. Perhaps, in spite of everything, his mother missed him now? She never wrote anything about her feelings in her infrequent letters* [11. P. 83]. Здесь уместно напомнить о подобном отношении к матери Вадима Масленникова, героя «Романа с кокаином» М. Агеева, романа, приписываемого В. Набокову [18; 19].

Марта тоже говорит о физическом отвращении: *How can one love a man whose mere touch makes one feel sick* [11. P. 89].

Помимо отмеченного, В. Набоков включает в английскую версию несколько мелких деталей, связанных с разработкой телесного. Например, герои смеются над господином с фокстерьером: *A gentleman with a fox terrier, who was nearby for the dog to make up its mind in regard to a lamppost* [11. P. 116–117]. Даже материал, из которого сделаны автоманекены, сравнивается с плотью: *Its main component is a resilient, colorless product resembling flesh* [11. P. 79].

Рвота как освобождение. Рвота, осмысляемая как освобождение от проблем, неоднократно акцентирована в английской версии. Во время рождественского приёма нервный Франц пытается справиться с приступом тошноты: *Franz had been trying for some time to fight off the welling nausea* [11. P. 123]; *He emitted horrible sounds, recognizing in the torrent a medley of food and drink the way a sinner in hell retastes the hash of his life* [11. P. 123]. Рвота-освобождение

продолжается и во время возвращения Франца на квартиру: *he vomited in the deserted street* [11. P. 124]. После прощания с голым Энрихтом, который держал в руке бумажный веер, Франца рвёт: *Then he bent over it as over a ship's side and was noisily and hideously sick... As he proceeded downstairs, he kept meeting various traces of his misadventure* [11. P. 190].

Когда Марта описывает рыжие волосы на животе и интимные части воображаемого покойного Драйера, Франц просит: *"Pah", said Franz. "Don't make me throw up"* [11. P. 132]. В воображаемой гибели Драйер разряжается кишечными потоками: *discharging his intestinal fluids* [11. P. 167]. Марта кашляет мокрым, приятным кашлем, избавляясь уже от последней густой мокроты: *soft wet delicious cough. Ah, getting rid of the last thick gob* [11. P. 132].

Все перечисленные аспекты телесного акцентируют главенство телесного в жизни героев и дополнены в английской версии для прямого и косвенного проявления их отношения к происходящему.

В заключение отметим, что В. Набоков создаёт английскую версию романа из другого пространства и другого времени. Автор направляет исследователей русского романа и его перевода по разным дорогам: сохраняя главные сюжетные линии, писатель по разным причинам вносит значительные изменения, переставляет акценты, дополняет, сокращает первоначальный текст. «Энергетическая емкость» русского романа и перевода неоднозначна.

По дополнениям в английской версии можно проследить не только изменения переводческих установок В. Набокова, но и его эволюцию как писателя. Сюжет становится более драматическим, героям добавляются новые черты, часто более яркие. Некоторые ситуации описываются юмористически; в своём автопереводе Набоков более ироничен и дистанцируется от героев, характеристики становятся более стилизованными, язык ярче.

Автор волен делать изменения в сюжете, перерабатывать свое раннее произведение, но «дважды войти в одну и ту же реку» творчески и эмоционально нельзя. В то же время нецелесообразно рассматривать автоперевод и как добавление недодуманного в момент создания начальной версии произведения. Добавления соответствуют первоначальному замыслу и не разрушают его. Несмотря на то, что В. Набоков значительно перерабатывает свой роман в переводе, основной художественный замысел исходного

текста остаётся неизменным и читатель английской версии слышит набоковскую «музыку точной фразы»: перевод романа В. Набоковым привёл к новому художественно уникальному результату.

Библиографический список

1. Grutman R. Auto-translation // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. L., N.Y.: Routledge, 1998. P. 17–20.
2. Нелюбин Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2003. 320 с.
3. Волкова П. Мост через бездну. Книга вторая. М.: Зебра Е, 2013. 223 с.
4. Grayson J. Nabokov Translated. A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose. Oxford University Press, 1977. 257 p.
5. Виролайнен М. Англоязычие Набокова как инобытие русской словесности // В.В. Набоков. Pro et Contra. Антология. Том 2. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 261–269.
6. Конноли Дж. В. «Король, дама, валет» // В.В. Набоков. Pro et Contra. Антология. Том 2. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 599–618.
7. Набоков В. Искусство перевода // В. Набоков. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1996. С. 389–397.
8. Набоков В. Предисловие к английскому переводу романа «Король, дама, валет» (“King, Queen, Knave”) // В.В. Набоков. Pro et Contra. Антология. Том 1. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 63–66.
9. Набоков В. Предисловие к английскому переводу романа «Приглашение на казнь» (“Invitation to a Beheading”) // В.В. Набоков. Pro et Contra. Антология. Том 1. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 46–48.
10. Набоков В. Два интервью из сборника “Strong Opinions” // В.В. Набоков. Pro et Contra. Антология. Том 1. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 138–168.
11. Nabokov V. King, Queen, Knave. A Fawcett Crest Book, 1969. 224 p.
12. Йожа Д.З. Мифологические подтексты романа «Король, дама, валет» // В.В. Набоков. Pro et Contra. Антология. Том 2. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 662–694.

13. Букс Н. «Оперные призраки» в романах В. Набокова // В.В. Набоков. Pro et Contra. Антология. Том 2. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 328–344.
14. Кочетков А.Н. Фоностилистические аспекты романа В. Набокова «Лолита» // Функциональная значимость фонологических единиц разного уровня. Ч. II. Иркутск, 1992. С. 51–60.
15. Живолупова Н.В. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского и субжанр «исповеди антигероя» в русской литературе второй половины XIX – XX веков. Н. Новгород: Дятловы горы, 2016. 736 с.
16. Лосский Н. Избранное. М.: Правда, 1991. 622 с.
17. Живолупова Н.В. Проблема свободы в исповеди антигероя. От Достоевского к литературе XX века (Е. Замятин, В. Набоков, Вен. Ерофеев, Э. Лимонов) // Поиск смысла. Н. Новгород, 1991. С. 180–208.
18. Живолупова Н.В. Исповедь антигероя: от Достоевского к Михаилу Агееву // The Dostoevsky Journal: An Independent Review. Vol. 3–4. 2002–2003. P. 1–30.
19. Żywolupowa N. Spowiedz antybohatera: od Dostoevskiego do Michaila Agiejewa (problem gatunku) // Przegląd Rusycystyczny. № 1 (101). 2003. S. 34–61.

Сведения об авторе

Кочетков Александр Николаевич
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка
переводческого факультета
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kochet@lunn.ru

УДК 821.161.1“19”:821.582.3“19”

**ТЕМА ВОЕННОГО ДЕТСТВА В СОВЕТСКОЙ И ТАЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ИВАН» ВЛАДИМИРА
БОГОМОЛОВА И РОМАНА «ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД» МАЛАЯ
ЧУПИНИТА)**

Т. Пуранасутхимонгкол, О.А. Жилина

Университет Таммасат, Бангкок, Таиланд

Статья посвящена трагической судьбе ребенка времен Второй мировой войны и предлагает сравнительный анализ советской повести и тайского романа, основанных на реальных событиях. В статье исследуется проблематика военного детства, трагической судьбы подростка и особенности поэтики произведений В. Богомоллова и М. Чупинита, основной задачей которых было привлечение внимания общественности к нарушениям прав детей.

Ключевые слова: права человека, защита прав детей, военный конфликт, поэтика, сравнительный анализ, В. Богомоллов, М. Чупинит.

**The Theme of Wartime Childhood in Soviet and Thai Literature (in V. Bogomolov's
Short Novel 'Ivan' and M. Chupinit's Novel 'Idealistic City')
Thanese Puranasuthimongkol, Olga Zhilina**

The paper deals with the tragic fate of children during the period of World War II and gives a comparative analysis of a Russian short novel and a Thai novel, based on true stories. The article explores the themes of wartime childhood and tragic fate of teenagers and looks at V. Bogomolov's and M. Chupinit's poetic works, which were specifically aimed at raising public awareness about violations of children's rights.

Key words: human rights, protection of children's rights, military conflicts, poetics, comparative analysis, V. Bogomolov, M. Chupinit.

Тема детства в мировой культуре, берущая истоки в Средневековье, получила свое наиболее полное выражение в литературе XX столетия. Понятно, что нельзя не учитывать и вклад романтиков и классических реалистов XIX века в литературу о детстве и юношестве от Гюго до Диккенса, которые повлияли на авторов Новейшего времени. XX век обогатил эту тему, чему способствовали две мировые войны, в которых дети оказались невинными жертвами, чьими жизнями цивилизация заплатила за глупость и амбиции взрослых. Так или иначе, военная тема вошла во все национальные литературы, так как не оказалось практически ни одного государства, чей национальный код не был бы изменен под

влиянием военных событий. Не стали исключением ни Советский Союз ни Таиланд, хотя причины и масштабы этих катаклизмов различал не только хронотоп, но и масштаб событий.

Представляется интересной попытка понять, как соотносится военная проза России с прозой Таиланда. Такие усилия в литературе предпринимаются не часто, однако подобный сравнительный анализ видится не просто новым, но и актуальным в связи юбилейными событиями – 75-летием Победы СССР в Великой Отечественной войне. Понятно, что Таиланд оказался на периферии масштабных событий Второй мировой, однако и в Советском Союзе и в Таиланде подросток встал перед трагическим выбором жизненного пути, который ему уготовил мир взрослых «хищников». Из значительного корпуса литературы о детях XX века непросто сделать выбор для сравнительного анализа, даже если это касается военного романа. Однако сопоставление советской повести В. Богомолова «Иван» (1958) [1] и романа Малая Чупинита «Идеальный город» (1953) [2] о Второй мировой войне на территории Таиланда выглядит вполне обоснованным. Обращение к этим произведениям представляется продуктивным еще и потому, что они в сжатом виде содержат концепцию жанра военного детского романа XX века с сохранением национального «акцента» в каждом из исследуемых текстов.

Военная проза, интерес к которой в России постоянен, в меньшей степени характерна для литературы Таиланда. Вместе с тем книги о войне для этой страны тоже актуальны, особенно сейчас, когда территориальные вооруженные конфликты происходят в трех южных провинциях Таиланда – Яла, Паттани и Наратхиват. Ситуация в них особенно осложнилась в начале 2004 года, когда участники вооруженного сепаратистского движения, стремящиеся создать исламское государство на территории между Таиландом и Малайзией, подняли восстание [3].

У этой спорной территории непростая история. Большую часть ее населения составляют мусульмане. Официальный язык там – малайский, поэтому население говорит в основном не по-тайски. Сепаратисты терроризировали жителей, устраивали поджоги государственных школ и офисов, стреляли в правительственных служащих, бросали бомбы в государственные офисы. За это стране пришлось заплатить страшную цену. Много жертв оказалось и среди детей, убитых и раненых, ставших инвалидами и сиротами.

Терроризм породил наркоманию и неграмотность. До сих пор страна ощущает последствия использованного сепаратистами метода «промывки мозгов» детей и подростков, которых под любыми предложениями склоняли к террористической деятельности.

Чтобы понять причины растущего интереса к военной теме в Таиланде, необходим краткий исторический экскурс, который представляет исследователю поэтики военной прозы дополнительный смысловой ключ. Король Рама IX (годы правления 1946–2016), которого тайцы почитают за мудрость и патриотизм, тщательно изучив причины и проблемы, связанные с сепаратизмом, предложил действовать в рамках программы «Понимание, доступ и развитие» [4], которая предполагала детальный анализ поводов для недовольства мусульманского населения этих регионов. Исследования и опросы населения позволили такие причины обозначить. Это и дискриминация населения со стороны государственных служащих, и меньший, по сравнению с другими регионами, доход на душу населения, и специфика региональной системы обучения, не способной дать подростку необходимый уровень знаний и навыков для получения хорошей работы [5]. В итоге страна вернулась к международным конвенциям 1949 и 1989 годов, которые учитывали национальные, региональные и культурные особенности народов, эту страну населяющих.

Так, в Женевской конвенции, принятой в 1949 году, сразу после Второй мировой войны, говорится о том, что государство обязано защищать гражданское население и гражданские объекты, ввести строжайший запрет на вербовку и использование детей в возрасте до 15 лет для участия в военных действиях. Конвенция 1989 года постулирует защиту прав ребенка во время вооруженных конфликтов, запрет на приобретение оружия детьми, защиту ребенка от насилия и эксплуатации, создание подходящей атмосферы и хороших условий для получения образования и повышения уровня благосостояния. Предпринятые меры оказались эффективными: ребенок оказался в центре внимания государства. Ему стали оказывать действенную помощь в трудных жизненных ситуациях. Например, если родители ребенка погибли во время вооруженного конфликта, государственные службы оказывают ему помощь в организации учебы. Если ребенок хорошо учится, он имеет право получить стипендию, чтобы продолжить обучение в своей стране или за границей.

Государственные и частные структуры приглашают детей в спортивные лагеря. Программа успешно работает, благодаря чему ощутимо повысился уровень жизни многих детей – жертв вооруженных конфликтов. Однако вопрос о нарушениях прав ребенка во время военных действий нельзя считать окончательно решенным. Проблема будет оставаться острой до тех пор, пока существует противостояние политических и экономических интересов, этнических и конфессиональных разногласий, актуальных для Таиланда.

В происходящих в этой сфере изменениях важная роль, на наш взгляд, должна отводиться культуре, и литературе в частности. Развитие отдельного раздела тайской литературы о судьбе ребенка в военных конфликтах, к которому можно отнести роман М. Чупинита «Идеальный город», могло бы помочь более глубокому анализу происходящих в стране политических событий.

В советской военной прозе особое место занимает повесть В. Богомолова «Иван», которая получила мировую славу благодаря экранизации Андрея Тарковского (к/ф «Иваново детство», 1962).

Повесть рассказывает о трагической судьбе 12-летнего мальчика, погибшего в застенках гестапо. Он теряет во время войны родителей и младшую сестру и отчаянно ненавидит фашистов, которые оставили его сиротой. Это ненависть вполне взрослого человека, в котором война убила ребенка. Иван становится разведчиком и добывает ценные сведения о планах и перемещениях противника в условиях, которые и взрослым могли бы показаться невыносимыми. Плененный и расстрелянный в фашистских застенках, он становится не только воплощением образа «детей войны» с безжалостной судьбой, но и примером несгибаемого русского характера.

Роман «Идеальный город» лишен трагического пафоса повести В. Богомолова. В нем показана жизнь людей разных сословий и профессий во время Второй мировой войны на территории Таиланда. Нас как исследователей темы военного детства интересует прежде всего судьба юной девушки Ранжуан, которая уехала из северной провинции в Бангкок, чтобы найти работу, когда ее родители погибли во время бомбежки.

Известно, что Таиланд не принимал участия в военных действиях, однако служил местом дислокации частей японской

армии, поэтому часто подвергался бомбардировкам со стороны войск антигитлеровской коалиции. Сюжетная линия, связанная с этой героиней, не богата событиями: случайная встреча с журналистом Рангситом во время бомбежки, интриги его невесты, возвращение домой и знакомство с японским солдатом по имени Сурия. Проблема последнего состоит в том, что он носитель двух национально-культурных кодов: его отец – японец, а мать – тайка. Он родился в Таиланде и первое время там жил, но как солдат японской армии он должен был выполнять приказы своих командиров. Тем не менее, любовь к родине приводит его в тайное антияпонское общество.

Внешне у этих двух текстов мало общего: разные сюжеты, разная жанровая специфика, разный пафос. Однако тематически они сходны: авторы хотят отразить условия жизни людей, и детей в частности, во время войны. Конечно, сюжет романа сложнее сюжета повести, так как жанр романа предполагает большое количество действующих лиц и более широкую картину действия по сравнению с жанром повести. Различаются и масштабы описываемых событий. В повести «Иван» автор показывает боль и страдания людей на войне, трагедию потери близких, описывает трудный быт обычных солдат в полевых условиях, повествует о душевных переживаниях мальчика-сироты, которые приводят его к мысли о мести за своих родных, участию в подполье на стороне советской армии и, как результат этого, – к подвигу. В романе «Идеальный город» у взрослых персонажей – журналиста Рангсита, начальника полиции и японского солдата Сурии – жизнь почти не изменилась, хотя они и становятся членами тайной организации, мечтающей об освобождении Таиланда от японских войск. Судьба почти всех взрослых, кроме японского солдата Сурии, лишена трагического пафоса. Только жизнь девочки Ранжуан коренным образом меняется после гибели ее семьи. Но, в отличие от Ивана, у нее нет никакой мысли о мщении и подпольной работе. Она просто хочет найти новый дом и какое-нибудь дело, чтобы выжить. Основная идея любого российского произведения о войне – внутреннее и активное сопротивление – остается в тайской литературе не вполне проявленной. Однако эти тексты роднит ключевая тема трагического положения поколения, лишенного детства и поставленного перед тяжелым выбором жизненного пути. Такой выбор сделает и героиня «Идеального города», которая волею

случая оказалась вовлеченной в действия члена тайного тайского общества.

По-разному завершаются судьбы юных героев произведений В. Богомолова и М. Чупинита, что отчасти определяется и «местным колоритом». В повести «Иван» последние строки посвящены победе войск СССР и безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Но радость победы омрачена печальной новостью о гибели главного героя. Изучая немецкие архивы, лейтенант Гальцев вдруг увидел фото со знакомым лицом и с грустью узнал, что мальчик был расстрелян как шпион. В романе «Идеальный город» все иначе: трагическая судьба ожидала японского солдата, покончившего жизнь самоубийством, потому что, помогая тайцам, он предал своего императора. Судьба оказалась благосклонной к Ранжуан, жизнь которой сложилась вполне благоприятно. Подобный финал легко объясняется спецификой исторических событий Второй мировой, топосом так называемых «центра» и «периферии». Если СССР стал основным местом сражений, то Таиланд оставался плацдармом, который японские войска использовали для вторжения в другие страны. Если основными концептами повести В. Богомолова стали «доты» и «дзоты», то есть землянки, траншеи, окопы, блиндажи и брустверы, то в романе «Идеальный город» им стал район канала Сэнсэп: офисы, издательства, полицейское управление, буддийский храм. Понятно, насколько разновелики Сталинград и Бангкок, однако детское восприятие звука падающих бомб не знает государственных границ. Об этом повествуют оба текста, столь непохожие друг на друга внешне, но построенные на общих поэтических принципах литературы о бесчеловечности войны: очевидные сходения в структуре текстов, организации системы персонажей и приемов художественного письма, характерного для исследуемых авторов.

Библиографический список

1. Богомолов В.О. Иван. Зоя. М.: Детская литература, 2014. 192 с.
2. เรียมเอง (นามแฝงของมาลัย ชูพินิจ). เมืองนิมิตร. พิมพ์ครั้งที่ ๓. — กรุงเทพฯ: สำนักพิมพ์ กระต่อม ป.ล., ๒๕๔๔. — ๒๖๓ หน้า (Rium Eng (pen name of writer Malai Chupinit). Idealistic city. Bangkok: Kratom P.L. Publisher., 2001. 263 p.).

3. กลุ่มด้วยใจ. รายงานสถานการณ์เด็กในจังหวัดชายแดนภาคใต้ ประจำปี๒๕๖๐, ๒๕๖๑. – ๑๗ หน้า (Group “Dyai-Jai”. Report of Situation in Southern Border Provinces. 2017, 2018. 17 p.).

4. Boonaue Boonrith. Southern Insurgency in the Three Border Provinces, Local People Identity and Government Official Behavior // Kasem Bundit Journal. 2013. № 14 (2). P. 46–58.

5. Thongphon Promsaka Na Sakolnakorn. The Guideline for Operation of Government Agencies on Thai-Muslim Youth Problems in Three Southern Border Provinces of Thailand. Songkhla: Prince of Songkhla University, 2015. 84 p.

Сведения об авторах

Пуранасутхимонгкол Танесе
преподаватель кафедры русского языка
Университета Таммасат
E-mail: thanese_pu@hotmail.com

Жилина Ольга Александровна
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
Университета Таммасат
E-mail: zhilina_olga@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147:811.111:34

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НАД ЛЕКСИКОЙ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

М.В. Белорукова, М.В. Золотова, Ю.Н. Карпова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

В статье рассматриваются особенности самостоятельной работы студентов над лексикой. На материале опроса первокурсников юридических специальностей изучается проблема формирования у них навыков запоминания больших объемов иноязычных слов. Сопоставляются данные, полученные в начале и конце учебного года, описываются используемые студентами мнемонические приемы и предлагается ряд техник, способствующих упрощению процессов запоминания.

Ключевые слова: самостоятельная работа, лексика, лексические единицы, неязыковой вуз, приемы запоминания лексики, мнемотехника, мнемонические приемы.

Increasing Efficiency of Independent Vocabulary Acquisition at a Non-Linguistic University

Maria Belorukova, Marina Zolotova, Yulia Karpova

The article focuses on non-linguistic students' independent work on expanding their vocabulary. The authors present and compare the results of the survey, conducted among first-year law students at the beginning and at the end of the academic year, evaluate students' ability to acquire significant amounts of vocabulary, describe a number of memorization techniques which students typically resort to, and, finally, provide a number of other techniques which simplify vocabulary memorization.

Key words: independent learning, vocabulary, lexical items, non-linguistic university, memorizing techniques, mnemonics, mnemonic techniques.

Для усвоения программы по иностранному языку студент должен сформировать определенный запас слов и научиться активно использовать их в речи. Накопление словарного запаса, необходимого для использования языка как средства общения, достигается только в ходе регулярной работы, преимущественно самостоятельной.

Актуальность исследования обоснована тем, что первокурсники юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского сталкиваются с существенными трудностями при работе с лексическим материалом, отчего снижается эффективность освоения курса дисциплины в целом. В ходе исследования был задействован принцип обратной связи, мнения студентов были учтены при выработке стратегий для решения проблемы.

Как показывает практика работы с первокурсниками юридических специальностей, за одну неделю, в зависимости от стартового уровня языка, у студента набирается 40–70 обязательных к усвоению новых слов и выражений. Это обусловлено тем, что большинство первокурсников юридического факультета не сдавали ЕГЭ по английскому языку и имеют пороговый (A2) или начальный (A1) уровень языка, согласно данным входного тестирования [1. С. 49]. Наряду с юридическими терминами и понятиями студентам приходится запоминать базовую лексику, такую, как *give, understand, ask, meet, take exams, fail a test, library, question, in the evening*.

В учебном пособии «Английский для служителей закона», по которому занимаются первокурсники юридического факультета ННГУ, каждая тема содержит раздел *Glossary*, включающий в себя обязательные к усвоению лексические единицы по изучаемой теме с несложными объяснениями-толкованиями на английском языке. С первых занятий преподаватель объясняет студентам, что запомнить только лексику из глоссария недостаточно. Для успешного освоения темы необходимо самостоятельно выбрать, выписать и запомнить новые слова из толкований глоссария, из учебных текстов и упражнений. Опыт работы с первокурсниками показывает, что выполнение различных видов упражнений в процессе аудиторных занятий и в рамках домашних заданий недостаточно для овладения студентами всей необходимой лексикой. При изучении следующей темы через две недели студенты не могут вспомнить значения большинства слов и выражений, представленных в предыдущем разделе. При этом структура пособия следует принципу преемственности и предполагает, что лексика, освоенная в ходе работы над предыдущей темой, активно используется в следующей.

Если не сформировано умение регулярно запоминать и

повторять новую лексику, через несколько занятий первокурсники начинают испытывать дискомфорт при освоении материала, не могут понять содержание прочитанного, начинают паниковать и, как следствие, теряют мотивацию к предмету.

Целью данного исследования стало определение сформированности у первокурсников умения запоминать новую лексику и выявление приемов, используемых ими для запоминания лексических единиц. Умение работать с новой лексикой исследовалось в динамике, сравнивались результаты, полученные в начале и конце учебного года.

Для достижения поставленной цели был проведен письменный анонимный опрос 30 студентов-первокурсников юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского из разных групп, разных специальностей и направлений, с различными показателями успеваемости по дисциплине. Аудиторные занятия по английскому языку в этих группах проводятся один раз в неделю.

Опрос проводился в два этапа: через месяц после начала занятий в первом семестре и в конце второго семестра. Студентам предлагалось ответить на вопрос, легко ли им дается запоминание новых слов, а затем в свободной форме, но максимально подробно описать, как они будут самостоятельно работать над лексикой из учебного пособия помимо выполнения приводимых упражнений, при условии, что за неделю им предстоит усвоить около 50–60 новых слов и выражений.

Задачей первого этапа опроса было определить, насколько у первокурсников сформировано умение самостоятельно работать над лексикой после окончания средней школы, и какими приемами они пользуются для запоминания лексических единиц. Подразумевалось, что на этом этапе обучения студенты испытывают трудности в организации самостоятельной работы [1. С. 49]. Поэтому результаты опроса должны были помочь преподавателю определить, с какими стратегиями работы над лексикой необходимо познакомить студентов для повышения эффективности их автономной учебной деятельности.

На втором этапе опроса стояла задача выяснить, повысилась ли эффективность самостоятельной работы с лексическим материалом, а также какими приемами, облегчающими работу над лексикой, студенты овладели в течение двух семестров и как активно они

используют эти приемы при самостоятельной работе.

Первый этап опроса дал следующие результаты.

100 % студентов признали, что им трудно дается запоминание новых слов.

Относительно стратегий работы над новой лексикой были даны следующие ответы.

60 % респондентов намеревались за день до занятия выписать новую лексику с переводом в тетрадь или личный словарь, прочитать про себя несколько раз.

13 % собирались сделать то же самое, но за два дня до занятия, на следующий день повторить.

7 % опрошенных – то же самое, но за 3–4 дня до занятия, затем ежедневно повторять.

7 % собирались выписать, перевести и прочитать слова за день до занятия, затем еще раз прочитать в перемену перед занятием.

7 % пожаловались, что не знают, как учить слова: «Я выписываю их с переводом, но они не запоминаются».

3 % (один студент): «Выпишу в тетрадь с переводом. Пойму, что никогда это не выучу. Смирюсь».

3 %: «Ничего не буду делать. Столько слов за неделю – это нереально».

На втором этапе опроса результаты демонстрируют значительные отличия от предыдущих. 60 % респондентов признали, что запоминание лексики теперь им дается легче, чем в начале учебного года.

Студенты подробно описывают ранее не использовавшиеся стратегии и приемы запоминания слов.

33 % респондентов намереваются выписать все слова в столбик с переводом, разделить на 6 частей, по одной на день. Для каждого слова проверять произношение, повторять за диктором вслух. Придумать ассоциации к словам, где возможно. Перечитывать несколько раз в течение дня. Каждый день повторять выученные ранее слова.

23 % опрошенных собираются выписать новые слова в одну колонку, перевод в другую. Проверить произношение по онлайн-словарю, прочитать вслух несколько раз. Закрывать колонку перевода, читать и пытаться вспомнить перевод. Повторять, пока не

будет получаться. Затем закрывать колонку со словами, вспоминать их по переводу. Повторять, пока все не запомнится. Пробовать написать, закрыв одну из колонок. Попросить друга устно проверить знание слов.

16 % знают, что лучше разделить на 5 дней, но «учитывая халтурный подход к учебе», оставят все слова на последние 2 дня. Намереваются выписать, перевести, прослушать, прочитать вслух несколько раз.

10 % респондентов хотят выписать в одну колонку новые слова, в другую перевод, проверить чтение по онлайн-словарю. Носить везде с собой, перечитывать в свободное время, проверять себя, закрывая перевод.

6 % – в начале недели выписать с переводом всю новую лексику, уточнить произношение по онлайн-словарю. Всю неделю перечитывать каждый день все слова, не деля на части.

6 % – в начале недели выписать слова с переводом в тетрадь, проверить произношение. Написать по несколько слов на стикеры и развесить по дому в разных местах, чтобы всю неделю на них смотреть.

3 % – разделить весь объем новой лексики на 5 частей, выписать каждую часть на отдельный листок с переводом. Носить везде с собой, закрывать перевод и писать или проговаривать, пока не будут получаться. Повторять несколько раз в день. В последний день так же проверить все 50 слов.

3 % – выписать по 10 слов на 5 карточек, на обороте перевод. Проверить произношение по онлайн-словарю. Брать с собой по одной карточке в день, читать в перемены и в транспорте. В шестой день повторить все слова.

Как следует из приведенных результатов, в первом семестре студентам непонятно, как нужно строить самостоятельную работу над лексикой для достижения поставленной цели. Выясняется, что за время обучения в средней школе нужные навыки не сформировались. Выписывание слов с переводом в тетрадь не дает желаемого результата, а другие способы запоминания неизвестны. В итоге студенты склонны думать, что запомнить большой объем слов в принципе нереально, поэтому перестают пытаться.

После того, как в первом семестре преподаватель познакомил

студентов с возможными приемами работы над лексикой, а те выбрали для себя подходящие именно им, второй этап опроса фиксирует более осознанное отношение к самостоятельной работе, следование определенному алгоритму действий и регулярное, часто ежедневное, применение техник запоминания лексических единиц. Личные беседы со студентами подтверждают, что запоминание новых слов больше не вызывает паники, так как более-менее понятно, как это правильно делать. Проблемой становится недостаточная самодисциплина и неумение студента выделить время для самостоятельной работы, как отмечают 16 % респондентов.

Таким образом, проведенное исследование показало, что с помощью преподавателя студенты могут ознакомиться с различными приемами запоминания иноязычной лексики, постепенно внедрить эти приемы в личный учебный процесс и улучшить результаты по дисциплине.

Внедрение мнемонических приемов в процесс изучения иностранного языка представляется обоснованным, так как соответствует природной тенденции в работе человеческой памяти: с годами индивид научается более правильно ею пользоваться, организовывать запоминаемый материал. Такие приемы – это средство, помогающее воспитывать память, делать ее стройной и восприимчивой [2].

Преподавателю следует помнить, что приемы работы с иноязычным лексическим материалом должны учитывать индивидуальные особенности обучающихся, в том числе их психофизиологические особенности. Доказано, что от темперамента зависят:

- скорость восприятия, быстрота мышления, длительность сосредоточения внимания,
- интенсивность психических процессов, активность воли,
- темп и ритм деятельности [3. С. 127].

Особенности личности не могут не сказываться на учебной деятельности, в частности, на выборе наиболее подходящих студенту приемов самостоятельной работы с лексикой. Экстраверты и интроверты будут работать по-разному и с различной скоростью, но и тех, и других нужно приучать слышать, видеть и проговаривать новую лексику, формировать у них комплексное восприятие слов.

Очевидно, что первокурсникам необходимо предоставить **многообразие приемов** запоминания лексики, так как универсального способа для заучивания слов не существует. Важно активно задействовать все виды памяти: зрительную, которая развивается в ходе чтения и написания слов; слуховую, которая тренируется при восприятии иноязычной речи на слух; моторную, связанную с задействованием речевого аппарата и актом письма; и, в итоге, логическую, при помощи которой происходит полное осмысление изученного материала. В случае усвоения лексики только при помощи одного вида памяти в дальнейшем студенты могут недопонимать ее при чтении или не распознавать на слух.

Если ведущей является зрительная память, студентам следует предложить **запоминать слова по карточкам**, ежедневно просматривать свою тетрадь-словарь, где выписана новая лексика с переводом, вдумчиво читать текст, словно фотографируя написание слов.

Студентам с преобладанием слуховой памяти поможет **работа с аудиоприложениями и онлайн-словарями**, произносящими слова. Также будет полезным начитать новую лексику на диктофон с переводом и прослушивать полученный аудиофайл в течение дня, занимаясь другими делами.

Моторная память наиболее тренирована после курса средней школы, поэтому многим студентам будет полезно для запоминания новой лексики совершать действия – **многократно записывать** слово, его перевод, **проговаривать** новую лексику вслух.

Большинство студентов предпочитают именно традиционные, механические способы запоминания иностранных слов, задействующие моторную, зрительную, реже слуховую память. Вероятно, это следствие того, что у них недостаточно развито образное мышление, необходимое при нестандартных подходах. Таким студентам проще заучить слово на слух, зрительно, многократно записывая или проговаривая, чем придумывать образы и ассоциации.

Студентам с развитым логическим мышлением поможет **классификация слов** по принципам противоположности и сходства, подбор антонимов и синонимов, изучение групп однокоренных слов, принадлежащих к разным частям речи. Подобные приемы помогают

улучшить и систематизировать знания о словообразовании, еще больше расширить словарный запас.

Усвоению изолированных слов помогает их **расположение в созданной самим студентом системе**. Установлено, что сгруппированные по тематическому принципу слова запоминаются легче и усваиваются прочнее, чем разрозненные [4. С. 138]. Поэтому целесообразно научить студентов организовывать свой личный словарь по тематическому принципу, группировать в нем слова по отдельным темам, например, «уголовный процесс», «конституция», «правовая система». Не все слова можно отнести к какому-либо тематическому единству, поэтому также может быть полезно вести постатейные глоссарии, куда выписывать слова, подлежащие усвоению в определенном разделе пособия. Хотим отметить, что значительный объем лексических единиц, обязательных для усвоения, имеет узкую профессиональную направленность.

Е.Ю. Котельникова предлагает студентам с хорошо развитой образной памятью и богатым воображением запоминать новую лексику **через образы**. Например, можно порекомендовать студентам представлять написание слова, предмет или действие, которое оно обозначает, его перевод, образы и ситуации, связанные с ним [5. С. 122]. Данная практика не только стимулирует образное мышление студентов, но вносит разнообразие в занятия, вызывает интерес, и, следовательно, улучшает мотивацию.

Суть метода фонетических ассоциаций при изучении новой лексики заключается в следующем: к иностранному слову подбирается сходно звучащее слово на русском языке. Затем, проявив фантазию и воображение, необходимо придумать какую-либо фразу с ассоциацией и грамотным переводом. Последующие 2–3 дня фраза повторяется несколько раз в день. Считается, что после 3–4 дней повторения слово запоминается. Примеры возможных ассоциаций: *contain* (вмещать) – «КОНТЕЙНер содержит вещи»; *fear* (бояться, страх) – «Боюсь, что ФИАлки завянут» и т. п.

Высказывается мнение, что применение данного метода способствует более уверенному и эффективному использованию иностранного языка в сфере иноязычной профессионально ориентированной деятельности [6].

В.Г. Павленко представила результаты исследования,

посвященного применению ассоциативного метода запоминания на занятиях в неязыковом вузе. Согласно результатам, в группе, использовавшей ассоциацию при запоминании, наблюдалось заметное улучшение запоминаемости слов, студенты отмечали повышение качества занятия и доступности материала. С другой стороны, из отзывов участников эксперимента можно сделать вывод, что ассоциативный метод по-прежнему уступает традиционным, механическим способам запоминания. Студенты готовы пользоваться новым методом, но лишь в качестве вспомогательного.

Разновидностью приема мнемонических ассоциаций является **применение загадок** [3. С. 130]. Они могут быть построены на игре слов и помогают не только легче запомнить новые лексические единицы, но и ознакомиться с многообразием их значений. Например, *What kind of clothes do lawyers wear? – Lawsuits* (*law* – закон, *suit* – костюм, но *lawsuit* – судебное дело). Недостаток данного метода заключается в том, что студентам сложно самим составлять такие загадки по причине невысокого уровня владения языком. Преподавателю следует предоставить студентам готовые загадки, чтобы сформировать необходимые ассоциации.

В результате проведенного исследования, теоретического анализа и эмпирических наблюдений можно сделать заключение, что приемы запоминания новой лексики, основанные на законах человеческой памяти, способствуют снятию трудностей при работе над расширением словарного запаса, при условии их своевременного и обоснованного применения. Такие приемы должны стать органичной частью регулярной самостоятельной работы студента, поскольку помогают организовывать новый материал удобным для нашей памяти образом.

Приемы запоминания лексики эффективны на всех этапах обучения иностранному языку. Задача преподавателя – как можно раньше внедрить их в самостоятельную работу студентов, тем самым ускорить формирование навыков «правильного запоминания», сделать их более результативными.

Библиографический список

1. Белорукова М.В., Золотова М.В. К вопросу об изучении юридического английского языка в неязыковом вузе // Проблемы современного педагогического образования. Серия: Педагогика и психология. 2018. № 60 (3). С. 47–50.
2. Мамиева И.Э. Мнемотехнические приемы работы над лексикой на занятиях по русскому языку как иностранному // Электронный ресурс Интернет: <http://www.dissercat.com/content/mnemotekhnicheskie-priemy-raboty-s-leksikoi-na-zanyatiyakh-po-russkomu-yazyku-kak-inostranno#ixzz5dYZrebu3>.
3. Кувшинова Н.Н., Фукс Е.А. Эффективные приемы запоминания иноязычного лексического материала, ориентированные на индивидуальные особенности обучающихся // Magister Dixit. 2014. № 2 (14). С. 126–132.
4. Максимова В.Е. Некоторые приемы усвоения лексики по иностранному языку у студентов неязыковых вузов // Путь науки. 2017. № 2 (36). С. 138–139.
5. Котельникова Е.Ю., Шпротько И.А. К вопросу об обучении иноязычной лексике в техническом вузе // Электронный ресурс Интернет: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obuchenii-inoazychnoy-leksike-v-tehnicheskom-vuze>.
6. Павленко В.Г. Ассоциативный метод обучения иностранного языка в неязыковом вузе // Электронный ресурс Интернет: <http://web.snauka.ru/issues/2016/08/70504>.

Сведения об авторах

Белорукова Мария Валерьевна
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры английского языка
для гуманитарных специальностей ИФИЖ
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: smart.llc@mail.ru

Золотова Марина Вианоровна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой английского языка
для гуманитарных специальностей ИФИЖ
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: mviazolotova@gmail.com

Карпова Юлия Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка
для гуманитарных специальностей ИФИЖ
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: mskarpova@inbox.ru

УДК 378.147:81'25

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО МЫШЛЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

М.А. Краснова, О.В. Демешко

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена проблеме профессионального освоения языка на начальном этапе подготовки будущих специалистов. В статье предпринимается попытка дать определение «профессионально-ориентированного мышления». Авторы статьи рассматривают пути формирования профессионально-ориентированного мышления в рамках дисциплины «Практический курс первого иностранного языка».

Ключевые слова: языковая подготовка переводчиков, профессионализация начального этапа, профессионально-ориентированное мышление, проблемное обучение, прием анкетирования.

Developing Professionally Oriented Thinking at the Introductory Stage of Teaching a Foreign Language to Interpreters and Translators

Maria Krasnova, Olga Demeshko

The article focuses on professional language study at the introductory stage of teaching future specialists. It attempts to define the notion of 'professionally oriented thinking' and to identify strategies for developing such professionally oriented thinking within the course 'A Practical Course of The First Foreign Language.'

Key words: language teaching to interpreters and translators, professionalization of the introductory stage, professionally oriented thinking, problem teaching, the questionnaire method.

Требования современной образовательной парадигмы обуславливают необходимость обновления содержательного и методологического аспектов дисциплин высшего профессионального образования. ФГОС ВО последнего поколения предписывает максимально учитывать специфику будущей профессиональной деятельности на всех этапах языковой подготовки. Как утверждает Н.В. Борисова, в настоящее время происходит интеграция образовательного процесса и будущей профессиональной деятельности, что заставляет преподавателей высшей школы приближать содержание, условия и способы деятельности студентов к той действительности, к которой их готовят [1].

Актуальность проблемы профессионализации начальной языковой подготовки будущих переводчиков не вызывает сомнений. Как подчеркивает Е.Р. Поршнева, «обучение иностранному языку как инструменту переводческой деятельности, как средству межкультурного взаимодействия отличается от традиционного обучения тем, что в его задачи входит формирование готовности к овладению переводческой профессией и овладение опытом взаимодействия в межкультурной ситуации» [2. С. 21]. Важно то, что на начальном этапе происходит формирование базовых понятий и представлений о будущей профессии. В связи с этим в рабочей программе дисциплины «Практический курс первого иностранного языка» по направлению подготовки «Лингвистика» цель обучения определяется как создание условий, стимулирующих становление профессиональной языковой личности будущего переводчика путем формирования и развития профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции [3]. Задачи обучения лингвистов-переводчиков иностранным языкам становятся более сложными, так как подготовка компетентного специалиста, владеющего языками на профессиональном уровне, включает и формирование его ценностно-смыслового отношения к будущей профессиональной деятельности. А это значит, что становление профессиональной языковой личности обучающегося неразрывно связано с развитием его профессионально-ориентированного мышления.

Прежде чем рассмотреть понятие «профессионально-ориентированное мышление», считаем необходимым обратиться к трактовке понятия «мышление» в психологии и педагогике. А.Н. Леонтьев определяет мышление как процесс сознательного отражения действительности в таких объективных ее свойствах, связях и отношениях, в которое включаются и недоступные непосредственному чувственному восприятию объекты [4]. Новый словарь методических терминов и понятий дает следующее определение: «мышление – процесс познавательной деятельности индивида, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности» [5. С. 150].

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что продукт мышления есть результат осознанной познавательной деятельности субъекта. Принцип единства сознания и деятельности отражается и в

профессиональной сфере: в процессе поиска решения профессиональных задач человек начинает мыслить как специалист, осознанно выполняя свою социальную роль и привлекая весь свой профессиональный «багаж», т. е. знания, умения, навыки и опыт. А.Н. Леонтьев также отмечает необходимость учета специфики мышления, задаваясь вопросом: «Каким человек должен быть в профессии, и чем он должен быть для этого вооружен, какими должны быть его знания, его мышление?» [6. С. 350]. Очевидно, что исследователь имеет в виду профессиональное мышление, которое становится важным объектом для изучения в русле профессионализации высшего образования.

Категория профессионального мышления представлена в исследованиях многих ученых (Н.Н. Гавриленко, А.Р. Маркова, А.Ю. Наугольных, Е.Р. Поршнева, Т.С. Серова, Л.Д. Столяренко), которые подчеркивают его ключевую роль для успешной профессиональной деятельности.

Опираясь на концепцию базовой лингвистической подготовки специалиста-переводчика, разработанную Е.Р. Поршневой [2], дадим рабочее определение профессионально-ориентированного мышления будущего переводчика. Это осмысленная познавательная деятельность обучающегося, связанная с пониманием сущности переводческой деятельности и, как следствие, с осознанием необходимости развивать и совершенствовать профессионально значимые качества, навыки и умения уже на начальном этапе профессионального языкового образования.

Поскольку побуждающим фактором для познавательной деятельности является мотив, который создает условия ее протекания и влияет на результат, мы озадачились, что же может служить у первокурсников стимулом для осознания себя как будущего специалиста.

Нами была разработана анкета «Я и моя профессия» (см. Приложение. Анкета № 1). Анкетирование проводится в два этапа: в начале учебного года и в конце. В рамках анкеты студенты знакомятся с учебным планом, изучают цели и задачи овладения иностранным языком на начальном этапе. Результаты первого анкетирования показывают, что большинство первокурсников не совсем понимают, что значит «профессиональное освоение языков».

Также студенты не вполне осознают, какие качества и умения необходимо развивать уже на начальном этапе для успешного овладения профессией в будущем. Среди ответов преобладают следующие: «коммуникабельность как ведущее качество специалиста, любознательность, терпение, хорошая память и упорство». Обсуждение результатов данной анкеты служит «отправной точкой» в процессе формирования начального профессионального самосознания и определения образовательной траектории обучающихся.

Каким же образом можно формировать профессионально-ориентированное мышление? По мнению А.Ю. Наугольных, «профессиональное мышление как бы «пронизывает» все профессиональные компетенции и формируется не только вместе с ними, но и через них. Иными словами, нет другого способа формирования переводческого мышления кроме практического решения учебных задач, ориентированных на развитие той или иной компетенции» [7. С. 78]. Так закладываются основы профессионального мышления, подготавливая студентов к овладению профессиональной межкультурной коммуникацией на старшем этапе обучения.

Профессионально-ориентированный подход находит свое применение в разработанном нами учебно-методическом комплексе «Введение в мир французского языка и профессию переводчика (пропедевтический модуль)», направленном не только на формирование и развитие профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции, но и на создание профессиональной мотивации обучающихся [8].

Использование на пропедевтическом этапе различных образовательных технологий необходимо для реализации базовых целей начального языкового образования. Особый интерес для нас представляет проблемное обучение, так как именно оно может служить методологической основой для формирования профессионально-ориентированного мышления. Как отмечает А.В. Брушлинский, «мышление берет свое начало в проблемной ситуации, которая означает то, что в ходе деятельности человек начинает испытывать трудности... Так возникшая проблемная ситуация переходит в осознаваемую человеком задачу» [9. С. 3].

Технология проблемного обучения заключается в постановке перед обучающимися проблемной ситуации, понимании формулировки проблемы, нахождении решения проблемных задач и вопросов. По нашему мнению, проблемное обучение позволяет интегрировать учебную и квазипрофессиональную деятельность студентов, что обеспечивает формирование необходимых профессионально значимых качеств и умений. При этом применение проблемных ситуаций способствует активизации таких речемыслительных операций, как вербальная лабильность, вероятностное прогнозирование, языковая реакция, интерпретация смысла и т. п.

Практическая реализация проблемного обучения на начальном этапе языковой подготовки будущих переводчиков предполагает использование несколько видов проблемных заданий:

- лингвистические задачи (грамматические / лексические поисковые задачи);
- информационно-поисковые задания;
- коммуникативные проблемные задания;
- межкультурные проблемные задания.

Лингвистические задачи исследовательского типа применяются для более успешного формирования грамматических и лексических навыков. Грамматические поисковые задачи заключаются в самостоятельном формулировании правил, выводов; объяснении правил другим обучающимся. Лексические поисковые задачи направлены на систематизацию, дифференциацию, моделирование лексических единиц, работу с ложными и истинными друзьями переводчика.

Информационно-поисковые задания нацелены на формирование семантической и интерпретативной компетенций и связаны с развитием навыков работы с информацией (выявление основной информации прочитанного / прослушанного текста; передача необходимой информации; переформулирование; работа с прецизионной информацией). Коммуникативные проблемные задания предполагают работу с этикетными текстами и ситуациями повседневного иноязычного устного общения. Обучающиеся выявляют этикетные формулы для реализации различных коммуникативных интенций: обратиться с просьбой, выразить

намерение, сделать комплимент, назначить встречу и др. Формированию межкультурной компетенции во многом способствуют проблемные задания, направленные на обнаружение и толкование различных иноязычных культурологических реалий. Студенты учатся объяснять и сопоставлять явления родной и иноязычной культур.

Вслед за А.А. Вербицким мы считаем, что выполнение подобных заданий требует включения профессионального мышления, «в результате чего у студента появляются психические новообразования, составляющие микроэтап в его развитии. Сама учебная деятельность наполняется для студента личностным смыслом» [10.С. 133].

Основная цель второй анкеты «Я и моя профессия» (см. Приложение. Анкета № 2) – развитие навыков к рефлексивно-мотивационной деятельности. На этом этапе первокурсники предпринимают попытку оценить свое «продвижение» на пути профессионального освоения языка, анализируя свои результаты, обобщая опыт участия в профессионально-направленных мероприятиях. Сравнивая свое начальное и актуальное представления о профессии, студенты учатся не только критически оценивать свою учебную деятельность, но и формулировать цели и задачи для дальнейшего саморазвития и самосовершенствования. Отвечая на вопрос о задачах на следующем этапе изучения языка и освоения профессии, студенты демонстрируют следующие намерения: «пополнить багаж знаний о своей стране», «обогащить лексический запас», «улучшить навык понимания устного текста», «тренировать память», «выступить перед большой аудиторией» и др. Ответы большинства отражают их стремление осваивать язык не просто для общения с носителями, а для обеспечения успешной переводческой деятельности в будущем.

Целеполагание – важный элемент каждого этапа анкетирования, поскольку является стимулом для осмысленной познавательной деятельности, о которой шла речь выше. Заключительный вопрос анкеты требует формулирования конкретных действий для достижения поставленных целей. Многие студенты при ответе отмечают такой фактор, как «работа над собой», осознавая важность развития личностных качеств и профессионально значимых умений, а

также подчеркивают роль тайм-менеджмента – «уделять языку больше времени», «находить время каждый день для прослушивания новостей» и др.

На втором курсе студенты продолжают развивать навыки выстраивания своей профессиональной траектории, ориентируясь на вопросы данной анкеты, тем самым формируя ценностно-смысловое отношение к будущей профессии.

Итак, результаты реализации комплекса мероприятий, направленных на формирование профессионально-ориентированного мышления, доказывают, что, выполняя предлагаемые нами задания, студенты первого курсов бóльшей степени осознают стратегии освоения иностранного языка с учетом требований профессии и демонстрируют мотивационную готовность к развитию необходимых качеств и умений. Использование заданий проблемного характера позволяет активизировать профессионально значимые мыслительные операции, тем самым повысить познавательную самостоятельность обучающихся на начальном этапе языкового профессионального образования.

Приложение

Я и моя профессия: Анкета № 1

1. Каким переводчиком я хочу быть (письменным переводчиком; устным переводчиком; еще не определился; не хочу быть переводчиком)?
2. Где я хочу работать (на иностранном предприятии за рубежом; фриланс; на российском предприятии, сотрудничающем с зарубежным предприятием, в международной организации; планирую позже получить дополнительное образование)?
3. Каким я вижу своё образование (бакалавриат + магистратура за рубежом; бакалавриат + магистратура в России; бакалавриат)?
4. Какую специализацию я планирую выбрать на данный момент (коммерческий перевод; технический перевод; юридический перевод; не определился)?
5. Ознакомьтесь с учебным планом и аннотациями учебных программ по вашему направлению подготовки на сайте университета. Выясните, какая цель, какие задачи начального этапа овладения иностранным языком.

6. Какие дисциплины представляют для Вас наибольший (наименьший) интерес?

7. Чтобы стать успешным переводчиком, необходимо профессиональное овладение языком. Что для Вас профессиональное овладение языком (глубокое освоение языка для обеспечения общения представителей разных культур; возможность смотреть фильмы и читать книги в оригинале; изучение языка с целью общения с носителями языка)?

8. Какие качества и способности Вам нужно развивать для достижения этой цели?

Я и моя профессия: Анкета № 2

1. Изменилось ли моё представление о будущей профессии за время учебы на первом курсе?

- кардинально изменилось;
- изменилось, но не существенно;
- осталось прежним.

2. Что этому способствовало?

- преподаватели;
- мероприятия, в которых я принимал участие;
- встречи с выпускниками, работодателями, действующими переводчиками;
- дисциплины, изучаемые на первом курсе.

3. Участие в каких мероприятиях способствовало проявлению и развитию моих личных качеств и профессиональных качеств как будущего переводчика?

4. Какие аспекты в процессе профессионального овладения языком мне удаются лучше всего?

- извлекать информацию из прочитанного текста;
- извлекать информацию из прослушанного документа;
- устно передавать содержание прочитанного текста другому лицу;
- переформулировать смысл высказывания на родном и иностранном языках;
- письменно передавать содержание прослушанного документа в краткой форме.

5. Каковы мои задачи на следующем этапе изучения языка и освоения профессии?

6. Что я для этого буду делать?

Библиографический список

1. Борисова Н.В. Образовательные технологии как объект педагогического выбора: Учеб. пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. 146 с.
2. Поршнева Е.Р. Становление дидактики переводческой деятельности: методологические проблемы/ Под общ.ред. Н.Н. Гавриленко. М.: Изд-во ФЛИНТА, 2018. С.6–27.
3. Рабочая программа дисциплины «Практический курс первого иностранного (французского) языка». Направление подготовки: 45.03.02 Лингвистика. Профиль: Перевод и переводоведение. Квалификация (степень): бакалавр. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2018.
4. Леонтьев А.Н. Мышление // Электронный ресурс Интернет: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1557.html>.
5. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
6. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т. I. М.: Педагогика, 1983. 392 с.
7. Наугольных А.Ю. Профессиональное мышление переводчика как категория дидактики перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2010. № 4. С. 73–79.
8. Поршнева Е.Р., Краснова М.А. Опыт разработки учебно-методического пособия «Введение в мир французского языка и профессию переводчика» // Научно-методический журнал «Иностранные языки в школе». 2018. № 6. С. 39–46.
9. Брушлинский А.В. Психология мышления и проблемное обучение. М.: Знание, 1983. 96 с.
10. Вербицкий А.А. Теория и технологии контекстного образования: Учебное пособие. М.: МПГУ, 2017. 268 с.

Сведения об авторах

Краснова Мария Александровна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и практики
французского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: krasn.mary@mail.ru

Демешко Ольга Викторовна
старший преподаватель
кафедры теории и практики
французского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: dem.olga@mail.ru

ХРОНИКА

**«Поколение, о котором еще не писали»:
заметки о российско-швейцарском семинаре
по художественному переводу (Нижний Новгород – Базель)**

В 2018 году слависты из университета г. Базель и группа германистов из Нижнего Новгорода приняли решение о проведении международного семинара по художественному переводу. Эта дисциплина давно ушла из учебного плана практически всех вузов РФ, кроме Литературного института. В лингвистических университетах художественный перевод изучается в условиях кружка, то есть всецело связан с энтузиазмом профессоров и заинтересованностью немногочисленных студентов, магистрантов и аспирантов. Поэтому большой удачей стало получение гранта правительства Швейцарии на проведение серии «Школ художественного перевода», сначала на базе Славянского семинара в городе Базель, а затем в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

В центре внимания оказались тексты молодых писателей из обеих стран; некоторые из них даже не опубликованы на родном языке. Целью проекта стало создание небольшой антологии, включающей произведения авторов на двух языках – немецком и русском. При этом швейцарские участники должны помогать русскому переводчику в работе над «своим» текстом и наоборот. Это тандемное сотрудничество позволит потенциальным читателям получить представление о процессах, происходящих в поле современной литературы.

Конечно, современная литература – комплексное и многоуровневое явление. Количество ныне живущих писателей столь велико, что сложно говорить о какой-либо единой системе классификации авторов. Можно, конечно, выделить некий базовый признак – по языку, жанру, возрасту, полу писателя. Но и это незначительно сужает сферу изучения.

Одна из возможностей выделить смысловые сегменты современной литературы – обратиться к авторитетным литературным премиям, в лонг-лист которых входят произведения определенной направленности. В Европе это литературные премии конкретных

городов (*Basler Lyrikpreis, Solothurner Literaturpreis, Grosser Literaturpreis von Stadt und Kanton Bern, Hotlist*), в которых наиболее развита писательская среда, или премии, связанные с разными адресатами текстов (детская литература (*Zürcher Kinderbuch-Preis*)), жанрами (фантастическая литература, *spoken word* и другие). В России молодые писатели часто получают известность благодаря премиям «Дебют», «Нос», «Русский Букер», «Большая книга», ироническая, но авторитетная Премия Андрея Белого, лауреат которой получает один рубль, яблоко и бутылку традиционного русского напитка.

В любом случае самым сложным в реализации проекта стал этап определения текстов, с которыми потенциально можно было бы начать работу. На первую школу в Базеле участники приехали со своими предложениями: представили по два понравившихся автора, а в конце семинара каждый остановился на одном тексте. Таким образом, получился список из 10 авторов.

Анализ отобранных произведений позволил прийти к ряду выводов о тенденциях в молодой российской и швейцарской прозе.

Примечательно, что большая часть произведений отечественной литературы посвящена переосмыслению советского опыта. Чаще всего авторы обращаются к эстетике так называемого «нового реализма» [1. С. 15]. В качестве примера можно привести сборник молодого автора Глеба Диденко (р. 1990, Ростов-на-Дону) «Тополь дрожащий». Его рассказы – о поколении, которое еще не описано, о молодых людях, которым чего-то не хватает, в отличие от их родителей и особенно бабушек и дедушек, живших в бывшем СССР: «Проблема в том, что я не вижу, какую функцию мы можем выполнить. Мы сами на себя не возлагаем никаких надежд. Мы родились в девяностые, когда в стране было сложно, мы пришли к экономически активному возрасту, когда в стране опять стало сложно. Через некоторое время мои ровесники будут определять судьбу страны, а выразить, как они это будут делать, они не могут» [2]. Герой рассказа «Болезнь» вынужден ухаживать за пожилым родственником, с которым живет в одной квартире, и постоянно терпеть его критику. Но, как ни странно, именно болезнь сближает этих двоих, казалось бы, совершенно непохожих людей, а также два разных поколения.

Рассказ Булата Ханова (р. 1990, Казань) «Я архитектор» также посвящен поиску утраченного смысла существования современными молодыми людьми. Героиня рассказа придумала себе влюбленность в успешного преподавателя, сумевшего в период перестройки «правильно сориентироваться». Мы становимся свидетелями того, как этот «мыльный пузырь» лопается, оставляя у героини лишь чувство пустоты.

Очевидно, что русский реализм идет к новой, более сложной и наполненной философской форме, что привело к появлению особых разновидностей повествования: женская проза, религиозная проза, натурфилософская проза.

Использование новых форм усилило внимание авторов к текстовой организации. Некоторым писателям удалось создать интересное динамичное повествование, в других случаях собственно сюжет отсутствует, фабула носит внешний характер, повествование состоит из цепочки разнообразных происшествий, не всегда располагающихся в сюжетно обусловленной логической последовательности. Особую группу произведений составляют тексты, апеллирующие к мифопоэтическому потенциалу культуры. Некоторые из них были представлены и на семинаре.

Например, роман-мистерия молодого, но уже достаточно популярного писателя, журналиста и критика Евгения Бабушкина (р. 1983, Ленинград) «Библия бедных». Бабушкин – главный редактор радио «Глаголев FM», ведущий колонки в журнале «Сноб». Основу его мировоззрения составляют достаточно левые взгляды. Он говорит о необходимости создания новой пролетарской литературы: «Хорошо бы делать именно такое искусство, которое и придирчивого критика порадует, и парня, который только что вышел из тюрьмы. Литература несет освободительную функцию, а власть поработает. Я никогда не напишу пропагандистский текст» [3].

Для стиля Бабушкина характерны ритмичность текста, гармоничный слог, предельный реализм изображения, абсурдистская манера повествования, минимализм описаний. Это – концентрированная проза, почти поэзия, со множеством аллюзий, идей, спрятанных между строк.

В «Библии бедных» Бабушкин описывает постапокалиптическую реальность, в которой неуверенно бродят потерянные обездоленные люди. Критики так отзываются о

творчестве молодого писателя: «Если смешать фольклор и социально-критический реализм, ипохондрию Хармса и античный стоицизм – получится проза, как у Евгения Бабушкина»; «Он балетно балансирует между точной записью сна, притчей и физиологическим очерком»; «Рассказывая свои истории, он будто пританцовывает и размахивает цилиндром на фоне пламени, охватившего город» [3]. Его цель – заставить задуматься о смысле вещей, кажущихся чем-то очевидным, и представить возможность другого существования, без благ цивилизации и защиты государств.

Фольклорным фэнтези можно назвать тексты Юлии Пьянковой (р. 1994, Нижний Новгород). В своих новеллах она создала псевдоисторический псевдославянский мир и описывает альтернативную судьбу страны, похожей на Древнюю Русь. Герои ее текстов напоминают былинных персонажей, но отличаются таким уровнем рефлексии, который характерен скорее для современного человека. Это создает особую фантастическую атмосферу, делающую прозу молодой писательницы чрезвычайно оригинальной. Передача этих реалий на немецком языке, безусловно, станет интересной задачей.

Нельзя не отметить и другую тенденцию, важную для формирования современной русской литературы. Сегодня не просто закрепляется описанное уже не раз противостояние массовой и высокохудожественной литературы, но и обнаруживается их частичное сращение. Например, в романе «Плюс жизнь» Кристины Гептинг (р. 1989, Великий Новгород) поднимаются вопросы, актуальные для широкой читательской аудитории, порой не рассчитывающей на изысканность стиля. Эта книга стала одной из первых в русской литературе, где честно и открыто обсуждаются проблемы ВИЧ-положительных людей. Рассказ ведется от лица мальчика, с детства страдающего этим заболеванием. Лев, который из-за своей болезни регулярно сталкивается с разного рода сложностями и непониманием со стороны окружающих, строит планы на будущее, мечтает влюбиться, стать врачом, но многие люди считают его болезнь «грязной» и потому обходят его стороной: «Для меня было очевидно, что такая книга сегодня нужна, потому что у нас довольно много людей с этим диагнозом живет и умирает, и мы зачастую оказываемся глухи к их проблемам, не понимая, что они общие, и то, что фраза “это может коснуться каждого” – это не

красивые слова, а чистая правда. Я подумала, что герой должен быть хорошим парнем, которому, к сожалению, так не повезло в жизни, но у которого, несмотря на это, есть стержень. Ему 18 лет, и он должен очень быстро повзрослеть. Действие разворачивается в течение девяти месяцев (учебный год), и герой стремительно меняется» [4].

Больших успехов достигла и российская драма. Для перевода была представлена пьеса кинорежиссера, преподавателя Елизаветы Трусевич «В зале есть врач?». Это фантастическая история о писателях, о врачах и о тех, кому удавалось счастливо совмещать эти две профессии. А начинается все с того, что у постели смертельно раненного на дуэли Пушкина появляется странный незнакомец в пенсне и уверяет, будто сможет вылечить великого поэта. Впрочем, через много-много лет и самому этому незнакомцу потребуется медицинская помощь, а придет она от автора «Мастера и Маргариты». Но в тот момент, когда и его настигнет смерть, не так легко будет найти следующего врача-писателя: «Это история об ответственности писателя, особенно хорошего писателя, перед читателями. Ответственности не меньше, чем у врача перед пациентом» (Влад Маленко, худрук премии «Филатов-Фест») [5].

Представляется, что именно в сфере современной драмы поиски отечественных молодых авторов и швейцарских писателей наиболее сближаются. Возможно, это объясняется большей транспарентностью данного вида искусства. Драма наиболее популярна у молодой публики. В России все больше проводится читок и постановок по переведенным с немецкого языка пьесам. Это стало возможно благодаря огромной активности фонда «Про Гельвеция» и «Немецкого культурного центра им. Гёте». В драме Л. Линдера (р. 1984, Увизен) *Der Mann in der Badewanne*, написанной в стилистике театра абсурда, герой становится объектом манипуляций со стороны близких и общества в целом. Только после того, как он объявляет голодовку и, выражая протест, отказывается впредь выходить из ванны, его начинают воспринимать как достойного уважения человека. Это история об обезличивании современных людей, утраты ими свойств и качеств. Это критика нового «полого человека».

Первый роман *Der Letzte meiner Art* (2018) этого автора, который, по мнению критиков, «легко и остроумно пробрался в непростой мир швейцарской литературы», рассказывает о судьбе

юного Альфреда фон Эрмэля, представителя бернской дворянской семьи, период расцвета которой уже давно закончился. Также о его отце, тихом владельце фабрики по производству вымпелов. Красавице-матери, осажденной поклонниками. Бабушке, истинной железной леди. Талантливым брате, который, по мнению всех, кроме главного героя, является единственной светлой головой в их семействе. И о самом Альфреде, не очень одаренном, но добром юноше с неиссякаемым запасом энтузиазма, готовом пойти по стопам своих героических предков.

Мягкая ирония, интерес к повседневности, отказ от накала страстей характерны для прозы всех тех авторов, которые были предложены на семинаре для рассмотрения. Например, дебютный роман Флурина Екера (р. 1990, Берн) «Ланс». Одноименному главному герою 14 лет, и он начинает вести блог в рамках школьной проектной недели. Роман разделен на пять крупных глав по количеству дней, с каждой главой энтузиазм Ланса по поводу задания и «градус исповедальности» возрастают. Читатель узнает о конфликте Ланса с учителем, чувствах к девушке, отношениях с друзьями и разведенными родителями. Традиционный роман воспитания в современной форме блога не только позволяет заглянуть в реалистично показанный внутренний мир швейцарского подростка, но и затрагивает универсальные актуальные проблемы.

Другой молодой автор Сэмьюэль Эшмамп вырос в Цюрихе, учился изобразительному искусству в высшей школе музыки и театра в Берне, сейчас живет в Берлине. Работает актером театра и кино, в качестве иллюстратора придерживается традиции изображения полных юмора и абсурда сцен из жизни, которые он передает с необычайной точностью. Стиль Эшмампа напоминает Хармса. А тот факт, что его прозаические миниатюры дополнены прекрасными авторскими рисунками, делает его прозу интересной не только взрослым, но и юной публике. Эшмамп чаще всего не пишет о том, о чем думает. «Это было бы слишком просто, я бы знал, что я хочу написать. Я был бы должен только описать мои мысли. Неопишемое! Вот моя задача!» [6].

В его художественном мире царит металогика. Это искусственное понятие, попытка пустить поток мыслей другим путем при помощи абсурдных рассказов – свободных от мнений, объяснений и точек зрения. Он удивительно изображает то

необычное, что происходит вокруг него. Будильник сам проспал и превратился в курицу на ночном столике, иной раз 250 000 микробов наблюдают за спящим героем, мухи летают внутри комикс-пузырей, а новый телефон звонит сам себе. Во вселенной Сэми Эшмампа совсем немного предметов: кровать, кофе, газета, будильник. Но этот мир полон смысла и тепла.

Однако есть и другие тексты, в которых затрагиваются социальные проблемы, описывается неблагоприятный мир швейцарской глубинки, где люди не могут справиться с жестокостью окружающих, как например, это происходит в книге Яэль Инокаи (р. 1989, Базель). Действие романа *Mahlstrom* открывается описанием поминок по умершей девушке. Скоро становится понятно, что она покончила с собой. С реалистической точностью описываются переживания героини и ее отношения с односельчанами, которые все оказываются виновными в ее гибели. В романе рассказывается история шести молодых людей, выросших бок о бок в небольшой деревушке и совершивших общее преступление.

Эти наблюдения, конечно, не могут стать достаточным основанием для серьезных выводов. Однако всё-таки можно отметить некоторые тенденции в современной литературе. Работа над переводом выбранных текстов должна способствовать развитию интереса молодых читателей к произведениям писателей из Швейцарии и России. Создание двуязычной антологии, которая будет представлена на некоторых книжных фестивалях, – только первый шаг в большом проекте. Переводческие школы должны стать регулярным мероприятием, способствующим укреплению русско-швейцарских отношений.

С.Н. Аверкина, И.Ю. Зиновьева, И.С. Разина

Библиографический список

1. Лейдерман Н.Л. Современная русская литература: в 3-х кн. Кн. 3: В конце века (1986–1990-е годы): Учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2011. 216 с.

2. Максимович Д. Глеб Диденко: «Если ты видишь в себе какую-то предрасположенность, странно это не использовать». Электронный ресурс Интернет: <http://www.sobaka.ru/rnd/city/portrety/44603>.

3. Маркоткин Н. «Я же просто печник». Интервью с писателем Евгением Бабушкиным // Электронный ресурс Интернет: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/ya-zhe-prosto-pechnik-intervyu-s-pisatelem-evgeniem-babushkinym>.

4. Ханукаева Р. Кристина Гептинг: «Борьба нашего поколения проходит в тематических пабликах» // Электронный ресурс Интернет: <https://eksmo.ru/interview/intervyu-s-kristinoy-gepting-ID15441240/>.

5. Пьеса о писательской ответственности // Электронный ресурс Интернет: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/133509.

6. Semi Eschmamp: «Mein erstes Buch schreib ich gleich selbst» / Пер. М. Чернышева // Электронный ресурс Интернет: <https://sofalesungen.ch/de/programm/archiv/2017-q2/semi-eschmamp-mein-erstes-buch-schreib-ich-gleich-selbst>.

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 45

Редакторы: Н.С. Чистякова
Ю.А. Белякова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 29.03.2019

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 10,4

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ 9416

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а